

Юрий Сергеевич ТЮКАЛОВ

ОТ ОДНОГО ДО ВОСЬМИ

СОДЕРЖАНИЕ

МЫ НАЧИНАЕМ	2
ГОРЕЧЬ И СЛАДОСТЬ НЕХОЖЕНЫХ ТРОП	7
ПЛАВУЧАЯ ЛАБОРАТОРИЯ	11
ЛОЦМАНЫ МАЛЕНЬКОЙ ФЛОТИЛИИ	14
У КАЖДОЙ ОЛИМПИАДЫ —СВОЙ НОРОВ	22
НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА	27
ОТ ОДНОГО ДО ВОСЬМИ	28
ВСЕ ПО-СВОЕМУ И ВСЕ ПРАВИЛЬНО	34
СЧАСТЛИВЫЕ ЛИНИИ	38
ШТУРМАНЫ В ЛОДКАХ	55
ВЕС ОЛИМПИЙСКОЙ МЕДАЛИ	59
КТО И КАК СТАНОВИТСЯ ЧЕМПИОНОМ	63
ОЛИМПИЙСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ В КРЫЛАТСКОМ	78

МЫ НАЧИНАЕМ

Весной 1952 года на озере Полеостони, что в десяти километрах от южного портового города Потти, собралась большая флотилия гоночных лодок. Тут на берегу озера разбили свой лагерь кандидаты в олимпийскую команду по гребле.

Съехались все наши лучшие мастера, не менее 100 гребцов. Олимпийских же путевок было гораздо меньше. В некоторых классах судов на поездку в Хельсинки претендовали три-четыре команды. Это усиливало соревновательный дух. Ведь для каждого из нас было мечтой, великой целью выступить на регате в финском заливе Мейлахти.

Тренировались мы тогда очень много, я бы даже сказал — иступленно. Все старались первыми уйти на воду, последними вернуться. Я помню, очень боялся недобрать нагрузок, мне постоянно казалось, что у меня остаются неиспользованные ресурсы, и поэтому после тренировки я всегда бегом возвращался в потийскую гостиницу «Колхида». Ноги дрожали после десятикилометрового кросса, слова не мог вымолвить, когда входил в свой номер, но именно такое состояние и приносило удовлетворение — славно, значит, поработал, совсем не осталось сил.

Ехали мы в Потти с надеждой потренироваться на солнышке, в тепле. Но нам не повезло. Было дождливо и холодно, что очень осложняло тренировки на воде. От мокрых рукояток весел руки гребцов покрылись быстро мозолями. Я, помнится, был рекордсменом по их числу: сорок восемь мозолей насчитал на своих ладонях. Вечером во всех наших комнатах стояли ведра с раствором марганцовки — это мы свои мозоли лечили. Утром они особенно болели поэтому, садясь в лодки, мы старались не разжимать пальцев до конца тренировки. Так боль меньше чувствовалась, хотя я и поныне удивляюсь: как это удавалось нам избежать флегмоны при таком пренебрежении к санитарии?

Да, в те дни было нелегко. А все же мы спокойно преодолевали все трудности, и объяснение этому я во многом вижу в том, что уже тогда гребцы сумели составить монолитную и дееспособную команду будущих олимпийцев. Хотя поначалу, то есть до объявления основного состава, многие из нас были соперниками.

Это обстоятельство ничуть не мешало делу, нашим отношениям. Немалую роль тут сыграл главный тренер Игорь Николаевич Поляков. Он олицетворял собой беспредельную преданность гребному спорту, неумное стремление что-то изменить в нашей подготовке, улучшить. В это русло и направлял нашу энергию Поляков, поощрял попытки внести что-то свое в подготовку, поощрял самостоятельность своих подопечных.

В те годы многие советские тренеры полагались в основном на равномерный метод тренировки, который практиковался во всех видах спорта. В таком же ключе спортсмены действовали и на соревнованиях — в монотонном темпе, без неожиданных, стремительных рывков. Это, кстати сказать, в значительной мере предопределило неудачи некоторых наших олимпийцев, и в частности велосипедистов, на Играх в Хельсинки.

Гребцы успели перестроиться. Еще в Потти мы пришли к мысли, что многим из нас не хватает умения взорваться на дистанции, вести сложную тактическую борьбу. Брали за отметки телеграфные столбы, они и давали довольно точное представление о длине рывка и скорости лодок. Своеобразный и несколько примитивный способ, но тем не менее на олимпийском заливе Мейлахти многие из нас были готовы идти дистанцию в рваном темпе.

Вечерами мы собирались в каком-нибудь номере гостиницы, делились впечатлениями, мыслями, спорили. Мы понимали, что нас, дебютантов олимпийских соревнований, ждет много неожиданностей в Хельсинки, и поэтому старались предусмотреть любую мелочь. Другое дело, что наши благие намерения не всегда давали свои плоды. В Потти мы договорились изучать стартовые команды и сигналы арбитров на дистанции на английском языке. Мы рассудили так: Англия — родина гребного спорта, к тому же язык этой страны — наиболее распространенный в мире, значит, и сигналы должны подаваться на этом языке. Увы, только в Хельсинки, к великому своему удивлению, мы узнали, что арбитры обращаются к участникам олимпийской регаты исключительно по-французски.

Особые сложности были у наших байдарочников и каноистов. Они уступали гребцам на академических судах и в опыте и в мастерстве. Наш вид гребли к тому времени сформировался, имел немало прекрасных специалистов, традиции, а гребля на каноэ, к примеру, начала культивироваться у нас только в олимпийском сезоне. Первых советских каноистов набирали из группы шлюпочников, сажали в лодку и самых рослых потийских моряков, с которыми у нас сложились в те дни дружеские отношения. Каноисты прекрасно понимали, что на олимпийской регате у них практически нет шансов на успех. Но они не унывали даже тогда, когда не имели возможности потренироваться в гоночной лодке, поскольку контейнер с заграничными каноэ задерживался в пути. В ожидании его ребята где-то разыскивали диковинную, ветхую лодку со ржавой пластинкой на корме: «Императорский яхт-клуб». И датой — «1896 год».

Чем-то, по их - глубокому убеждению, этот «Ноев ковчег» напоминал Спортивное каноэ. Грести на ней практически было невозможно, правда, именно в этом и таилось единственное ее достоинство — в лодке можно было выработать отменное чувство баланса. Гребли каноисты самодельным веслом, формы и размеры которого они взяли из заграничного журнала. Но по неопытности рассчитали их неправильно. Весло на фото в журнале было на переднем плане, значит, не соответствовало истинным размерам. Не ведая об этом, энтузиасты сделали его какой-то огромной, тяжелой лопатой.

Летом в Москву приехали гребцы из Чехословакии, Увидели в эллинге диковинную лопасть и спросили: «Сколько же людей проворачивают эту лопатину в воде?» Никак не могли поверить, что тренируется с ним один каноист.

Многое в период подготовки к Олимпиаде было для нас неясно. Но не было среди гребцов моего поколения белоручек и паникеров, большинство из нас имело немалый жизненный, а то и фронтовой опыт, и поэтому мы привыкали прежде всего полагаться на себя, на свою сообразительность, умение.

В те годы мы и думать не думали о помощи врачей-психологов. Сами пришли к мысли, что после тренировки необходима хорошая разрядка. Собрали концертную бригаду, раздобыли в местном театре живописные костюмы и отважились дать концерт жителям Поти.

Самым голосистым в нашей труппе был Алексей Комаров из московской восьмерки «Крылья Советов». Его и выставили запевалой хора. Мне же в этом концерте отвелось вместе с другим гребцом на одиночке — Игорем Демьяновым играть сцену из пьесы Островского «Лес». И хотя на воде я и Демьянов были бескомпромиссными конкурентами, это ничуть не влияло на наши дружеские отношения на берегу. Мы серьезно готовились к концерту, волновались и оба были безумно рады, когда все у нас сошло благополучно.

Никто из нас не стал позднее мастером сцены. Но заслуженных мастеров спорта из первой олимпийской команды гребцов вышло немало. Многие завоевали известность в том же 1952 году, на олимпийской регате в заливе Мейлахти.

Когда мы прибыли к месту олимпийской регаты, то первым делом поспешили взглянуть на своих соперников. Ведь мы имели самое приблизительное представление об их возможностях, тактических приемах. Но что можно было узнать за несколько эпизодических встреч с ними в олимпийском заливе? Только получить общие, поверхностные сведения. Вот и пришлось нам совместно с тренера - придумывать в этой ситуации свою тактику. Сводилась она к тому, что в гонке мы должны были не столько следить за действиями соперников, сколько за своей техникой, чтобы показать оптимальный для себя результат. Высказывалось также пожелание сделать все возможное, чтобы добиться преимущества на первой трети дистанции. Это могло помочь нам свободнее ориентироваться на дистанции, поскольку лидер заезда на академических лодках прекрасно видит своих соперников, тогда как те вынуждены оборачиваться и терять на этом секунды.

Тактика, разумеется, не ахти какая мудрая, но какие то положительные стороны в ней были, именно так и следовало действовать в состязании с незнакомыми конкурентами. Издержки при этом были немалые. Скажем, киевляне Игорь Емчук и Георгий Жилин так

увлеклись своей греблей, что прозевали неожиданное ускорение аргентинцев Кампоце и Гуанера, которые и стали олимпийскими чемпионами. Наши финишировали вторыми.

Юрий ТЮКАЛОВ
Первый Олимпийский чемпион в академической гребле

Моим же главным соперником на Олимпиаде в Хельсинки оказался австралиец Мервин Вуд. У него был огромный авторитет, четырем годам раньше он выиграл в Лондоне золотую олимпийскую медаль. Вспоминаю, как меня заочно знакомили с Вудом наши тренеры. Сказали, что это огромного роста рыжеволосый полицейский. Вот и вся информация о моем главном сопернике.

Тогда я сам попытался присмотреться к Мервину Вуду в олимпийском заливе, искал именно такого вот огромного и рыжеволосого человека. Увы, ни один из увиденных мной одиночников не соответствовал словесному портрету. Это меня страшно огорчало, я боялся, что уеду из Хельсинки, не повидав знаменитейшего одиночника. Ведь поначалу у меня не было особых надежд на участие в финальной гонке.

Но вот один заезд выигрываю, другой, и уж тут не только о финале стал задумываться, но и об олимпийской медали. Тем более что и окружающие стали говорить об этом. За день до финала тренер Поляков беседовал на трибунах с немцем Густавом Шефером, который в довоенные годы был олимпийским чемпионом и чемпионом Европы на одиночке. На Олимпиаде в Хельсинки он представлял спортивную газету. Шефер пользовался большой популярностью в эти дни, но многие люди опасались подходить к нему близко, поскольку у бывшего чемпиона была странная привычка щипать своих собеседников.

Поляков поинтересовался мнением Шефера относительно моих шансов в решающем состязании. Тот сказал, что в предварительных гонках я доказал свою классность, но теперь в финале мне придется доказать и другое: есть ли у меня характер и голова на плечах. Поляков задумался, а Шефер немедля пребольно ущипнул нашего уважаемого тренера.

В день финальных гонок была очень сложная погода. Ветер поднял волны на дистанции, и даже классные команды шли в брызгах, а то и ловили «лещей», когда весло уходило глубоко в воду и застревало. Организаторы регаты, предупрежденные синоптиками, оградили дистанцию баржами. Но они не спасали положение, тем более что баржи не могли составить сплошную линию, в «щелях» между ними дул страшный сквозняк, и относительно спокойные отрезки дистанции внезапно сменялись сущими водоворотами. Вот тогда-то мы и помянули добрым словом открытое всем ветрам озеро Полеостони: на нем мы постоянно гребли в сложных условиях.

В финале у меня не сразу заладилось, хотя позднее многие журналисты почему-то писали, будто я стал лидером после стартового разгона и сумел удержать лидерство до финишного створа. Нет, как я ни старался выйти вперед, первую треть дистанции сильнее всех прошел поляк Коцерка, следом Вуд и англичанин Фокс, а УЖ за ними я.

После этого я предпринял несколько ускорений, но достать лидеров не сумел, Постарался набраться терпения, я был убежден, что до конца дистанции соперники не выдержат такой темп. И не ошибся. После отметки 1000 метров — половина дистанции — я наконец-то увидел корму лодки Коцерки. Потом остался позади силуэт лодки англичанина. Но был еще Мервин Вуд, и вот с ним-то я и схватился на последней трети дистанции.

За несколько минут до старта я присмотрелся к нему. Кстати сказать, оказался он жгучим брюнетом и вовсе не гигантом, а чуть выше среднего роста, кряжистым мужчиной. Но не только это заметил я. Я понял, что гребет Вуд в несколько жимовой манере. Резкости ему не хватало. Поэтому я и решил, что уходить от этого гребца лучше всего одним и предельно энергичным ускорением.

Так и поступил, когда наши лодки сравнялись. Быстро разогнал свою «Ласточку», вышел на корпус лодки вперед. Но Вуд оказался серьезным человеком, сопит и стонет рядышком, чертыхается от усталости, но ничуть не уменьшает силу гребков. Подошли к трибунам, и тут я попытался выполнить последнее ускорение. Еще на тренировках я высчитал, что прохожу трибуны за 33 гребка. И теперь, едва увидев краешек трибун, начал отсчитывать их. Все рассчитал и обдумал, одного не учел: до этого я свеженьким проходил трибуны, а в финале до невозможности уставшим, мне и не хватило запланированных гребков.

Осмотрелся, а финишного створа не видно, только-только середину трибун миновал. Пришлось еще десяток гребков добавить — делал их уже с закрытыми глазами, в полуобморочном состоянии. Но и Вуд не лучше себя чувствовал. Приблизиться ко мне он сумел, но дальше этого у него не пошло. Тем дело и кончилось.

К наградному плоту я шел, не помня себя от счастья. Даже сдержанный президент Ю. К.

Паасикиви заулыбался, когда, вручая медаль, увидел мое лицо. Не знаю, можно ли описать чувства человека, который становится олимпийским чемпионом? Я говорил нечто бессвязное, меня обнимали знакомые и незнакомые люди. Это были незабываемые минуты.

После награждения я направился в свою палатку. Но Михаил Иосифович Савримович посоветовал мне пойти к Буду. Я было замялся: незнаком с человеком, удобно ли? Тренер объяснил, что в этом поступке он видит проявление истинного спортивного джентльменства, и не более. Вуда я увидел в глубине палатки. Он сидел на ящике для инструмента и курил трубку. Я удивился, а Вуд проворчал, что теперь у него все позади и он может побаловаться табаком. Вуд поздравил меня, мы поговорили и расстались дружески.

В этот день наши гребцы завоевали медали еще в одном классе судов — на восьмерке. Гребцы московского клуба «Крылья Советов» финишировали вторыми. Они уступили лишь экипажу США. Американские гребцы продемонстрировали в олимпийском финале великолепную скорость. Но верно и то, что в этой гонке были обстоятельства, которые поставили их в выгодное по сравнению с нашими спортсменами положение.

Гребцы США шли на лодке, которая весила не больше 100 килограммов. У нас же в послевоенные годы было тяжелое положение с инвентарем, и экипаж «Крылья Советов» имел лодку весом в 120 килограммов. К тому же место рулевого в советской лодке занимал тренер весьма внушительного роста и веса, тогда как штурманами соперников были малыши с весом в пределах 55—60 килограммов. Такой форы наши гребцы, конечно же, дали всем по той же неопытности.

Но как бы то ни было, а выступление советских гребцов в олимпийском заливе Мейлахти произвело сильное впечатление на зарубежных специалистов. В гонках на академических лодках мы одержали одну победу, а в двух других финалах завоевали серебряные медали. По нынешним временам это невысокое достижение. Сейчас мы имеем солидный авторитет, и спрос поэтому другой. Но в 1952 году мы были дебютантами, мы соревновались с гребцами, которые имели огромный опыт выступлений на крупнейших регатах, имели тренеров, которые впитали знания нескольких поколений своих предшественников, имели самый лучший инвентарь.

Все это и позволило гребцам США, Канады, Австралии и Центральной Европы на протяжении десятилетий удерживать ключевые позиции на олимпийских регатах. Когда сборная советских гребцов прибыла в Хельсинки, то авторитетные специалисты сулили нам лишь участие в двух-трех финальных заездах, причем только в роли статистов. Они старались быть объективными, эти специалисты. Старались дать верные прогнозы. Больше скажу, они отдавали должное слаженным действиям дебютантов, грамотной работе веслами. И все же ни о каких призовых местах, по их глубокому убеждению, не могло быть и речи. Специалисты просто не представляли себе, что новички олимпийской регаты способны превзойти сильнейших гребцов мира. Но это произошло, и поэтому в 1952 году наши скромные по нынешним понятиям достижения произвели ошеломляющее впечатление. Я уж не говорю о том, что соперники прекрасно понимали, что советская сборная обладает большими потенциальными возможностями и в заливе Мейлахти она только взяла разгон.

К такому выводу пришли они и после олимпийской регаты байдарочников и каноистов. Правда, в этих заездах советские гребцы завоевали лишь одно призовое место— Нина Савина финишировала третьей в финальной гонке байдарочниц. Однако специалисты не могли не отдать должное упорству советских спортсменов, их огромному желанию овладеть тайнами мастерства. Они просто не верили, что лучшие из наших каноистов — Валентин Орищенко и Николай Перевозчиков — имеют позади лишь несколько месяцев подготовки. А ведь на олимпийской дистанции в Мейлахти они оказали упорное сопротивление лидерам и финишировали в решающей гонке четвертыми.

Закончились олимпийские соревнования гребцов. Мы размонтировали свои лодки, на специальных машинах-конструкциях отправили их домой. Залив Мейлахти опустел. Но Игры в Хельсинки продолжались, и у нас было немного свободного времени. Мы ходили на

различные соревнования, поддерживали наших ребят. Встречались с соперниками.

Организаторы XV Игр в Хельсинки разделили олимпийские деревни спортсменов социалистических и капиталистических стран, в полном разгаре была «холодная война». И все же мы пригласили американских гребцов, которые с удовольствием пришли к нам в гости. Они оказались симпатичными, общительными ребятами. Выпили шампанского, завязался разговор. И в нашей, и в их команде было несколько фронтовиков, об Эльбе, разумеется, вспомнили. Затянули «Катюшу». К сожалению, эта встреча не понравилась кому-то из руководителей олимпийской сборной США, и в «наказание» они запретили своим гребцам участвовать в параде закрытия XV Игр в Хельсинки.

Мы вернулись домой. Лучшим советским олимпийцам были вручены в Кремле правительственные награды.

ГОРЕЧЬ И СЛАДОСТЬ НЕХОЖЕНЫХ ТРОП

Наши успехи на Олимпийских играх в Хельсинки в немалой степени объяснялись достижениями наших предшественников, особенно первого поколения советских гребцов. Это они заложили основы рациональной системы подготовки, которая позволила нам выдержать суровое испытание в олимпийском заливе Мейлахти.

Конечно, и гребцами дореволюционных лет был накоплен солидный опыт, были успехи и на международных соревнованиях. Академическая гребля — один из самых «старых» видов спорта у нас. Еще в 1867 году был основан московский речной клуб «Стрелка», и эта дата стала точкой отсчета истории отечественной гребли.

Позднее гребные клубы появились в Петербурге, Риге и других городах, что привело к созданию Всероссийского союза гребных обществ. Эта организация имела свой устав, периодически выпускала бюллетени, разбирала различные спорные вопросы, а главное — стремилась проводить как можно больше соревнований, чтобы сделать гребной спорт более популярным.

В 1892 году впервые было проведено первенство России по академической гребле. Лодок было мало, и участники соревновались только на одиночках. Победил москвич Сергей Шустов. До 1917 года первенство России разыгрывалось 22 раза. Побеждали обычно представители Петербурга и Москвы, которые имели в те годы и более качественный инвентарь и довольно рациональную систему подготовки.

Кроме чемпионатов России, организовывались и разнообразные регаты, такие, как гонки, посвященные Царскосельской юбилейной выставке, или состязания «Рижский бокал», заезды, в которых участвовали только женщины.

Правда, в этих случаях основным критерием для определения победителей была не скорость, а изящество и слаженность движений. Поэтому некоторые дамы садились в лодку в необычной форме — тесные блузки, шарфики, а то и шляпы.

Годы гражданской войны и последовавшей затем разрухи сказались на состоянии отечественной гребли. Лучшие русские мастера весла постарели, многие вообще ушли из спорта, так и «распалась связь времен». Поэтому молодые советские гребцы располагали весьма скудными сведениями о методике подготовки и техники движений.

К тому же многие принципы тогдашней постановки гребли не могли не вызвать ироничных улыбок у первого поколения советских спортсменов. Тренировались в привилегированных клубах бессистемно и мало, поскольку прежде всего эти гребные клубы представляли собой едва ли не увеселительные заведения. В отчетах казначеев то и дело встречаешь упоминания о расходах на цыганские оркестры, угощение гостей и на чай околоточному, которого иной раз вызывали для наведения порядка.

Отношения между членами различных клубов не отличались дружелюбием, и когда студенты, входящие в московский яхт-клуб и МОГЛИВС (Московское общество

горнолыжного и водного спорта), решили было провести состязание на восьмерках, то директор яхт-клуба в журнале «Русский спорт» за 1914 год следующим образом отреагировал на эту идею: «Ни мы, ни дети наши, ни дети наших детей никогда не поедут на соревнование в одной компании с членами МОГЛИВСа».

А все же и в те годы в Москве и Петербурге было немало энтузиастов, которые приходили в клубы не для того, чтобы поиграть в бильярд или распить бутылку шампанского. Они по-настоящему любили спорт, стремились к высоким достижениям на лодочных соревнованиях, и поэтому много тренировались, пытались анализировать накопленный опыт, вносить что-то свое в системы подготовки. Наиболее яркими фигурами были москвичи Митрофан Свешников, Анатолий Переселенцев и петербуржец Михаил Кузик.

Биржевой маклер по профессии, Свешников завоевал немалую популярность после того, как в 1884 году на Малой Невке выиграл на одиночке международную гонку. «Петербургские ведомости» так отозвались об этом событии: «Героем-победителем был, ко всеобщему восторгу присутствующих, и в особенности дам, красавец москвич господин Свешников, юноша с атлетическими формами и симпатичною брюнетистою внешностью».

И тогда, и позднее гонка 1884 года описывалась как состязание, в котором москвичу противостояли едва ли не все лучшие гребцы мира. Сведения эти, как ни прискорбно, не соответствуют действительности. Свешников никогда не встречался с классными зарубежными гребцами. Это установил полковник в отставке, сам в прошлом энтузиаст гребли Яков Владимирович Шестоперов, используя воспоминания очевидцев и исследуя материалы тех лет в тиши своего кабинета на Зубовской площади. Что же касается гонки на Малой Невке, то соперниками Свешникова были работники нескольких посольств. Среди них, возможно, были неплохие спортсмены, но никак не олимпийские чемпионы и чемпионы мира.

И все же Митрофан Свешников сыграл немалую роль в истории отечественной гребли. Его успехи на международных гонках вызвали к гребле немалый интерес. И поэтому его фамилия справедливо фигурирует во всех учебниках по гребному спорту.

Двое других русских гребцов — Кузик и Переселенцев — сумели завоевать европейскую известность.

В сентябре 1910 года на открытом чемпионате Голландии Кузик побил чемпиона Европы Делаплана. В этом же заезде участвовали сильные немецкие гребцы Беттингер и Шванге. Победа Кузика стала большим событием в спортивных кругах Европы. Спустя два года Кузик вошел в русскую олимпийскую команду и выступил на Играх 1912 года в Стокгольме. Но там он не сумел отличиться. Гребец из Петербурга выбыл из борьбы после полуфинального заезда. Справедливости ради надо отметить, что в финале шли всего три гонщика, и поэтому было очень трудно войти в число участников решающей гонки. Спустя несколько лет Михаил Кузик расстался со спортом, и о его дальнейшем жизненном пути нет никаких сведений.

Другой была судьба его грозного соперника — Переселенцева, с которым петербургский гребец соревновался с переменным успехом. Переселенцев был любимцем москвичей, о его достижениях и частной жизни постоянно писали газеты.

Он действительно оказал заметное влияние на развитие гребли в нашей стране. Отдав гребному спорту не менее 20 лет, он сумел познакомиться с подготовкой многих лучших гребцов того времени, причем познакомиться глубоко.

Его отчим был владельцем музыкального салона на Кузнецком мосту. На семейном совете было принято решение отправить молодого человека за границу, дабы он изучил там коммерческое дело. Увы, Переселенцев без особого рвения следовал семейным наставлениям. В Германии он познакомился с тремя студентами из Майыцкого гребного клуба, составил с ними экипаж распашной четверки и принялся разъезжать по европейским городам, где проводились лодочные соревнования.

Несмотря на внешнюю беспечность и даже долю авантюризма, Переселенцев относился к гребному спорту очень серьезно. Он быстро понял, что его стиль выглядит устаревшим на фоне достижений лучших гребцов мира. За три года пребывания за границей Переселенцев сумел добиться продуктивной работы веслами, повысить тренированность, что и позволило ему выиграть представительный открытый чемпионат Франции, а затем, выступая в паре с Барелле за сборную Франции, чемпионат Европы. Барелле был олимпийским чемпионом, и то обстоятельство, что он выбрал себе в партнеры именно русского гребца, свидетельствует о высоком классе Переселенцева.

Москва восторженно встретила своего любимца. Журналист писал: «К моменту прибытия скорого поезда на Александровском вокзале собралась довольно многочисленная группа яхтклубистов, встречавших своего прославленного товарища - чемпиона. Еще издали при подходе поезда была видна знакомая фигура Переселенцева в дорожно-спортивном костюме. Хлопает шампанское. Анатолия Андреевича забрасывают вопросами о последних его выступлениях...»

На следующий день Переселенцев доставил в яхт-клуб три новенькие английские одиночки (на одной из них позднее соревновался выдающийся советский гребец Александр Долгушин) и продемонстрировал на Москве-реке свой новый стиль гребли. Об этом в газете был опубликован подробный отчет, и журналист отметил длину и силу гребков Переселенцева, ритмичность его движений. Таким образом, его товарищи получили возможность оценить достижения одного из лучших гребцов Европы.

Огромный соревновательный опыт, умение расчетливо тратить свои силы и спортивная хитрость позволили Переселенцеву продлить свой век в академической гребле. Несколько лет он тренировался и выступал вместе с молодыми советскими гребцами, был участником Всесоюзной спартакиады 1928 года.

Позднее Анатолий Андреевич стал активным пропагандистом гребного спорта. Выступал с отчетами и статьями в печати, работал преподавателем в Государственном институте физкультуры, тренировал молодежь на «Стрелке». Человек неотразимого обаяния, образованный и остроумный, он обладал способностью привлекать к себе людей, делать их единомышленниками в спорте. Он был «своим человеком» в лучших столичных театрах, проводил на спектакли и за кулисы друзей по спорту. В свою очередь театральная молодежь тех лет — Игорь Ильинский, Виктор Станицын, Рина Зеленая — увлекалась греблей, выступала неплохо на соревнованиях.

В довоенные годы интересная, перспективная работа проводилась во многих гребных клубах страны. А все же московские и ленинградские тренеры, их ученики трудились особенно плодотворно: они заложили теоретические основы подготовки гребцов, нашли способы реализации их на практике.

Центр москвичей — гребной клуб «Стрелка» у Обводного канала. В полутемном, со старинной мебелью зале гребцы собирались редко, они проходили в крошечную комнату, которую снимал известный в те годы спортсмен Алексей Смирнов. Причем попасть туда мог не всякий посетитель «Стрелки», а только люди, бесконечно увлеченные, если не сказать, одержимые гребным спортом: Юрий Барановский, Ипполит Рогачев, Игорь Поляков, Макс Троицкий, Александр Долгушин.

После работы или учебы они с терпением кладоискателей корпели над своими лодками — что-то улучшали, ремонтировали ветхие посудины. Затем уходили на воду, а вечером собирались в комнатухе Смирнова, обменивались впечатлениями, думали, спорили.

Лучшие силы ленинградской школы гребли сосредоточились в клубе «Знамя», на Малой Невке. Наибольший вклад в методику подготовки гребцов внесли супруги Михаил и Вера Савримович, Дундур, Краснопевцев, Савин. В целом ленинградская школа тяготела к так называемому ортодоксальному стилю. Объяснить это нетрудно. Законодателями мод в клубах на Малой Невке долгое время были гребцы-иностранцы, которые пользовались только этим стилем: напряженные, прямые спины, вытянутые руки. Это придавало спортсмену гордую осанку, но мешало накатистому ходу лодки.

В довоенные годы в европейских гребных клубах еще продолжалась «великая война» между сторонниками двух английских тренеров. Одни, исповедуя взгляды Борна, гребли в ортодоксальной манере. Сторонники Фернберна следовали его девизу «За стиль кубки в гребле не дают» и действовали в лодках непринужденно, размашисто. Эти страсти не миновали и первых советских гребцов. Правда, ленинградцы сумели взять из ортодоксальной техники лучшее: тщательную шлифовку гребка, ритмичное погружение весел и прочее. Это и позволило им на протяжении нескольких лет успешно конкурировать с москвичами, которые склонялись к раскованной, хотя и не очень впечатляющей внешне манере гребли. Самым убежденным и последовательным представителем этой школы был московский шофер Александр Долгушин, который справедливо считается самым сильным гребцом довоенных лет. Ему-то и суждено было нанести решающий удар по сторонникам ортодоксального стиля.

Думаю, что к своей продуктивной, свободной гребле Долгушин пришел не благодаря каким-то теоретическим расчетам, а природной смекалке и опыту. Был он сыном лодочника, который работал на переправе неподалеку от яхт-клуба. Повзрослев, Александр стал помогать отцу. Работа эта нелегкая, без сноровки и умения сэкономить силенку в тяжелой, да еще с пассажирами, лодке много не пройдешь. Я сам, наблюдая позднее за движениями бакенщиков или бывалых рыбаков, заметил, что все они пользуются рациональными гребками. К этой скупой, лишенной всякой вычурности гребле пришел и Долгушин. Не изменил он ей и позднее, когда появился на «Стрелке» и начал тренироваться в спортивной лодке. Конечно, освоиться в ней было непросто, но Долгушин сумел, не ломая основу своих первых навыков, справиться с балансировкой, и стремительными скоростями.

К тому же он был невероятно одаренным для гребли человеком: рост около 190 сантиметров, длинные ноги, выносливые, пластичные мышцы. Когда весной 1931 года Александр Долгушин впервые выступил на одиночке в соревнованиях, то арбитры, рассказывают очевидцы, не поверили его результату. Они решили, что испортился секундомер.

Долгушин не обиделся, он вообще был человеком добродушным и покладистым. Попросил дать ему возможность снова выйти на старт. В повторном заезде он превзошел свой первый результат. С этого дня и пошла молва о том, что на «Стрелке» появился одаренный новичок. Дошла она и до ленинградских гребцов, и лучшие из них — прекрасно сложенный, несколько самонадеянный Чувахин и невысокого роста, цепкий Жуков — пригласили Долгушина на состязания.

Увы, в тот день мои земляки ничего не могли поделать с московским спортсменом. Москвич легко побил их. На финише Долгушин развил такую сумасшедшую скорость на «легкой», с попутным течением невской воде, что не только нос лодки, но чуть ли не само ее днище высовывались после могучих гребков победителя.

Высшего своего успеха добился Долгушин в 1938 году на чемпионате страны. Тогда ситуация сложилась курьезная. Один из участников заявил, что безусловное преимущество Долгушина объясняется не столько его классом, сколько лодкой чемпиона, дескать, английская одиночка «Марти» по своим ходовым качествам неизмеримо выше остальных. Арбитры приняли соломоново решение, предложив участникам разыграть лодки по жребью, и самым удивительным было то, что «Марти» досталась заявителю протеста, а его лодка — Долгушину.

Обычно Долгушин не выкладывался полностью на дистанции. Он был очень вынослив, на одной регате нередко выступал в двух, а то и в трех классах судов, и поэтому на одиночке старался идти вполсилы. Но в финале чемпионата страны 1938 года разъяренный чемпион не позволил себе сделать ни одного спокойного гребка. Всю дистанцию — на одном дыхании, на пределе возможностей. Выиграл. Да с таким преимуществом, что у него осталось время развернуть лодку и подбадривать соперников, которые только заканчивали дистанцию. Человек, как я уже говорил, добродушный, Долгушин, выплеснув в гонке все свое негодование, уже дружелюбно наблюдал за конкурентами.

А когда объявили результат, все ахнули: за 7.15,1 прошел Долгушин двухкилометровую дистанцию. По тем временам это было неправдоподобное достижение. Лучшие зарубежные гребцы тех лет только изредка подходили к таким скоростям, обычно же шли на 10—15 секунд слабее. Надо учесть, что соревновался Долгушин на чужой и неудобной лодке. И погода в день финала не была идеальной, штормило, ветер дул сбоку.

На протяжении 14 лет все наши лучшие гребцы на одиночках пытались превзойти достижение Долгушина. Устраивались даже специальные заезды на побитие этого рекорда, но все попытки заканчивались разочарованием. Пройти дистанцию на Москве-реке быстрее 7.15,1 удалось мне летом 1952 года. В том сезоне я стал олимпийским чемпионом.

Я был в отличной спортивной форме, но смог сбросить с результата Долгушина всего 0,3 секунды. Так что нетрудно представить спортивную силу моего великого предшественника. Но увидеть Долгушина мне не было суждено. Он воевал в отдельной бригаде особого назначения (ОМСБОН), первые отряды которой были сформированы из спортсменов-добровольцев в июле 1941 года. Погиб Александр Долгушин в июне 1943 года.

Этот спортсмен оставил яркий след в истории нашего гребного спорта. Именно в период его выступлений произошел решающий сдвиг в методике подготовки советских гребцов, все поняли преимущество стиля, которым пользовался Долгушин и его единомышленники. Кстати, они несказанно удивили английского коммерсанта Роберта Трейла, который был неплохим гребцом, учеником и последователем идей Стива Фернберна. Эта встреча имела определенные последствия, во всяком случае принесла немалое моральное удовлетворение московским гребцам, и о ней следует рассказать подробнее.

Так вот, по каким-то делам Трейл прибыл в Москву. Прогуливаясь по городу, с моста Обводного канала он обратил внимание на гоночную лодку, заглянул на «Стрелку». Тут он и увидел на воде Долгушина и других известных московских гребцов. Знаток гребли, он сразу понял, что эти спортсмены не таскали «бревна» в лодке, они действовали легко, уверенно, мощно. Одним словом, они демонстрировали главные принципы гребли Фернберна, хотя о ней они могли знать только понаслышке.

В 1936 году Трейл опубликовал статью в журнале «Физкультура и спорт», вернувшись на родину, поделился впечатлениями о достижениях советских гребцов с Фернберном, и теперь уже маэстро прислал в журнал статью, в которой рассказал о своих взглядах на методику подготовки.

Это было небольшое, но все же признание советского стиля гребли. Наши гребцы поняли, что они на верном пути, что, несмотря на оторванность от событий мировой гребли, они все же добились немалых сдвигов, выработали свою систему подготовки, которая уже начала приносить обнадеживающие результаты.

ПЛАВУЧАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Гонки на академических восьмерках справедливо считаются самыми увлекательными в гребном спорте. Огромные скорости, шум вспененной волны от могучих ударов весел, да и сам вид этой большой и красивой лодки с восседающими на ней восьмью молодцами всегда производят впечатление на зрителей. Не случайно гонки на восьмерках завершают программу лодочных соревнований.

В обстановке редкого ажиотажа проходило состязание «линкоров» академической гребли и на Олимпиаде в Хельсинки. И когда совершенно неожиданно для зрителей экипаж московского клуба «Крылья Советов» финишировал в заливе Мейлахти вторым, то эта команда сразу же завоевала авторитет и популярность в гребном мире. Тем более что позднее московские студенты трижды выигрывали чемпионат Европы и Хенлейскую регату в Англии.

Но не только своими блестящими спортивными результатами прославился экипаж «Крылья Советов». Гребцы этой команды внесли немало нового в систему подготовки и в технику движений, которая основывалась на полном взаимопонимании и виртуозности.

В дни Хенлейской регаты 1954 года немолодые респектабельные англичане — члены аристократических гребных клубов — терпеливо ждали появления на Темзе восьми московских студентов, чтобы на воде взглянуть на знаменитых соперников английской восьмерки «Леандер».

Вспоминаю сердитого, разбитого параличом старого джентльмена, который попросил подкатить кресло к эллингу советской команды. «Я стреляный воробей в гребле, и великий Фернберн учил меня, что о классе команды можно с уверенностью говорить, понаблюдав, как она готовится к гонке».

Взглянув на четкий и какой-то праздничный ритуал выноса советской восьмерки «Авроры», буркнул: «К чертям ваши гонки, эта команда выиграет, везите меня домой».

А на чемпионатах Европы в Копенгагене, Амстердаме и Ренте, где экипаж «Крыльев Советов» выиграл золотые медали, некоторые дотошные тренеры не ленились записывать меню нашей команды, всерьез полагая, что, быть может, здесь они поймут причины замечательных, иной раз непостижимых успехов московских гребцов. Таким был авторитет восьмерки «Крыльев Советов», такова была ее популярность.

Все свои десять лет в спорте эта команда прожила в волнениях и хлопотах, в неослабеваемой страсти все познать и все переделать по-своему, и одно это притягивало к ним все лучшие силы тогдашней академической гребли. Я сам сознательно и упрямо стремился поближе сойтись с гребцами «Крыльев Советов», понимая, сколько интересного сулит мне такое общение. А ведь я тогда уже имел титул олимпийского чемпиона и многое успел понять в методике подготовки, специалисты считали меня едва ли не самым техничным мастером нашей академической гребли.

Сформированная на базе МАИ, возглавляемая инженером, будущим профессором, доктором технических наук и лауреатом Государственной премии СССР Александром Михайловичем Шведовым, эта команда имела основания с недоверием и долей иронии выслушивать в теоретических спорах доводы гребцов-практиков.

Они пошли дальше в этих поисках. Все проверив, они взяли из опыта своих предшественников только самое ценное и бесспорное. Они обосновывали свои идеи не только на воде, но и у грифельной доски, приложив к опыту и мышечным ощущениям глубокие знания в области механики, физики и гидродинамики.

Они оставили солидное наследство. Смастерили прибор для измерения угла накрытия лопасти. Вместо приблизительного отвеса — грузика, подвешенного к нитке, — предложили прибор с точностью до тысячных долей градуса. Сняли все «украшения», все лишнее со своей лодки «Аврора», которая стала хоть как-то соответствовать международным стандартам. В первые послевоенные годы у нас была сущая беда с инвентарем, и даже лучшие гребцы страны соревновались на тяжелых и неудобных посудинах.

Они пришли к идее гребли с мысленным опережением скорости — к идее, которую и поныне реализуют многие наши тренеры, и не только по гребле. Первыми они попытались проводить и технические тренировки на фоне предельного физического утомления. Полагали, что уставшие мышцы становятся более пластичными и мягкими, а значит, и более приспособленными для отработки самых сложных фаз гребка. Но ведь перевод мышц в такое состояние требовал длительной, на грани самоистязания тренировки, однако это не могло остановить восьмерых энтузиастов.

Летом 1954 года на амстердамском канале Босбаан на глазах всего «высшего света» мировой академической гребли экипаж «Крыльев Советов» не только выиграл чемпионат Европы, но и показал выдающийся результат — 5.53,6. Вторые призеры первенства — датчане — проиграли победителям 8 секунд.

В моей папке есть вырезки из местных газет, которые освещали чемпионат Европы 1954 года. Цитирую репортера «Де Телеграфа», который за день до финала опубликовал несколько игристую, но не лишенную тонких наблюдений корреспонденцию.

«Русские предпочитают работу в широком масштабе. По-видимому, Босбаан показался им слишком маленьким, ибо сегодня утром мужская восьмерка вдруг вытащила лодку из воды, перелезла за ограждение и опустила лодку на открытую воду. Парусные суда кинулись наутек, потому что русские летели по воде, будто за ними гнался рой свирепых ос. Сегодня утром они показали своего рода представление: фокусы, которые они проделывали во время гребли, не оказывали никакого влияния на плавный бег лодки, но зато потрясали зрителей, которые решили, что варьете «Карре» открыло свое отделение на воде».

Убежден, что в то лето московская восьмерка была сильнейшей не только на континенте, но и в мире. В 1954 году наступил период ее наивысшего расцвета. Но в 1954 году Олимпийские игры не проводились, и два последующих сезона классность восьмерки «Крыльев Советов» пошла на убыль: звездный час в спорте ни для кого не бывает длительным.

Любопытно, что внешне восьмерка москвичей не производила сильного впечатления, сложением и ростом выделялся только загребной Крюков. И когда в 1952 году москвичи прибыли к месту олимпийской регаты и встретились с американскими гребцами, то и те и другие добродушно расхохотались — очень уж бросалась в глаза разница в атлетических данных соперников.

В составе ленинградского «Красного знамени» мне довелось выступать против московской восьмерки. Больше скажу, на чемпионатах СССР 1950 и 1951 годов нам удалось выиграть у этой команды. Тогда мы были сильнее. Но мы всегда понимали, что соперник не сломлен, что всякая неудача действует на москвичей лишь как призыв к более серьезной работе, к новым свершениям.

Что-то около четырех лет (!) ушло у Александра Михайловича Шведова на то, чтобы сделать окончательный выбор состава. Был даже период, когда Александр Михайлович разом высадил из лодки четырех гребцов, очень сильных мастеров, некоторые из них позднее стали чемпионами Европы. Но у тренера было свое видение наилучшего состава, свой идеал, и расставался он с четырьмя учениками по сугубо принципиальным соображениям, рискуя при этом своим авторитетом, да, пожалуй, и будущим в гребле.

В конце концов Шведов добился своего, собрал азартную, ловкую, с острым и слаженным гребком команду: загребной Владимир Крюков, его темп принимали и трансформировали по обе стороны лодки Алексей Комаров и Леонид Гиссен, в «машинном отделении» расположились Евгений Самсонов, Игорь Борисов и Слава Амирагов, дальше двое носовых — Владимир Родимушкин и Евгений Браго.

Эта рассадка и поныне представляется мне идеальной. Каждый был на своем месте и знал, что хотят от него и что он может сделать.

Своеобразное место в этом коллективе занимал Алексей Николаевич Шебуев. Профессор, крупная фигура в отечественной химии, Шебуев питал невыразимую слабость к своим ученикам — он был чем-то вроде консультанта экипажа и, так же как Шведов, работал с гребцами на общественных началах. Возможно, уже тогда его, серьезно больного человека, инстинктивно тянуло к этим оптимистичным, толковым и крепким ребятам.

В Шебуеве было немало от расхожего в старом кино образа чудаковатого ученого: он невольно вызывал улыбки, когда в кожаном реглане с развевающимися по ветру лапами, восседая на трофейном мотоцикле марки «харлей», мчался в клубах дыма к «Стрелке» по набережной Обводного канала.

Он умно, тонко и по-своему понимал греблю. За командой наблюдал молча, хмыкал, что-то записывал. А потом переводил свои впечатления на язык четких аргументов и цифр, и уж тут с ним любому было трудно спорить на равных.

Восьмерка «Крыльев Советов» ушла из спорта всем составом осенью 1956 года. Вместе с этой командой завершились и тренерские достижения Шведова и Шебуева.

Тут можно и посетовать, и руками развести от огорчения. А можно и шапку снять: слишком много сил отдали они своему любимому экипажу, все вложили в него, и для других уже ничего не осталось.

Что же с ними сейчас, спустя двадцать с лишним лет после того, как они в последний раз занесли свою «Аврору» в элинг? Вместе с профессором Шведовым работают в МАИ трое его учеников. В других областях трудятся остальные ветераны «Крыльев Советов» — в науке, на тренерском поприще.

Они многое дали нашей академической гребле, верой и правдой служили ей. Они выигрывали как спортсмены. Они состоялись и как личности, и это обстоятельство делает особую честь нашему знаменитому некогда экипажу.

ЛОЦМАНЫ МАЛЕНЬКОЙ ФЛОТИЛИИ

Потихоньку улеглись страсти вокруг наших выступлений в Хельсинки. Пришло время делового анализа. Ведь в олимпийском заливе Мейлахти мы имели не только почетные результаты, были и неудачи. И никто не делал скидку на неопытность, когда разбирали слабые выступления. Вопрос ставился жестко и прямо: «Вы проиграли. Вы должны сделать все, чтобы такое не повторялось».

Был сделан вывод, что не все советские гребцы обладают способностью идти дистанцию в достаточно высоком темпе, особенно этот пробел ощущался на финише. Мы уступали соперникам и по физическим данным, средний рост сборной команды гребцов образца 1952 года был равен 175 сантиметрам.

Продолжало оставаться тяжелым положение в стане наших байдарочников и каноистов. Им предстояло решить проблемы едва ли не по всем пунктам подготовки. Соревнования в заливе Мейлахти показали, что советским байдарочникам и каноистам неведомы многие секреты современной системы тренировок.

Им на помощь пришли ветераны нашей академической гребли. Многие из них меняли амплуа, становясь тренерами по байдарке и каноэ. Первым тренером сборной команды страны стал неоднократный чемпион СССР по академической гребле Ипполит Ипполитович Рогачев. Он многое сумел сделать на новом для себя поприще, вывел своих учеников на большую воду международных регат, подвел их к высоким результатам.

Очень полезными оказались встречи с тренерами и гребцами социалистических стран, особенно Чехословакии. Несколько лет наши спортсмены проигрывали им, но и ученики и учителя проявили немалое терпение в этот период и верили в лучшие времена.

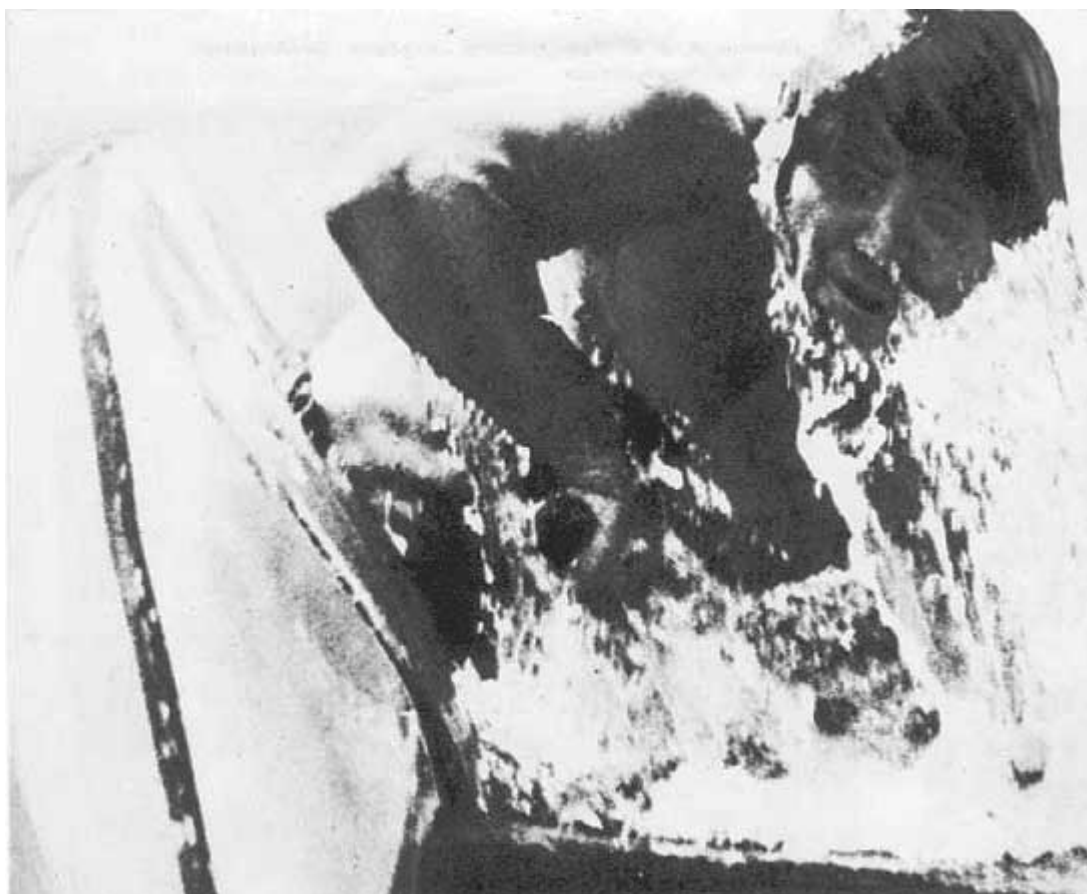
Постепенно гребля на байдарках и каноэ завоевала популярность не только в признанных центрах, но и в таких городах, где гребным спортом не увлекались, как Херсон, Гомель, Брест, Новгород, Кострома. Позднее здесь было подготовлено немало выдающихся мастеров весла.

Вспоминаю херсонского байдарочника Ивана Сотникова, человека самобытного, с характером непокладистым. В своем родном городе он работал бакенщиком, и когда этого кряжистого, тяжеловесного, с невероятной силой рук мужчину усадили в байдарку, он разворчался: не лодка, а скорлупка какая-то. После широкой и устойчивой народной лодки ему действительно было неудобно грести в спортивной байдарке. Но ничего, притерпелся, много тренировался, стал чемпионом страны.

И остальные члены сборной команды байдарочников и каноистов были в общем-то такой же закваски: работающие, здоровые, несговорчивые. Соревновались они добросовестно, зло, и победить их было непросто.

А все же этим гребцам не под силу оказалось выиграть у сильнейших зарубежных соперников. Наши спортсмены, с их бесхитростной тактикой на соревнованиях — греби что есть силы, а об остальном не думай,— с их тяжелыми, но лишенными разнообразия и

целенаправленности тренировками, разумеется, не могли стать в ряд сильнейших мастеров весла тех лет.

Пришло время осмысленной и грамотной подготовки гребцов на байдарках и каноэ, которую осуществляли ведущие тренеры тех лет: Нина Савина, Мария Фадеева, Юрий Краснопевцев, Ипполит Рогачев, Анатолий Безсуднов. Они поняли, что гребля — сугубо технический, сложный вид спорта, что многое, если не все, держится в нем на тонких мышечных ощущениях, и поэтому грубая сила всегда уступит расчету и правильным движениям.

В ту пору и сформировался перспективный коллектив молодых, рослых, с отличной координацией гребцов: Александр Силаев, Геннадий Бухарин, Игорь Писарев, Леонид Гейштор, Сергей Макаренко. Это были толковые и пытливые люди, они не спешили все принимать на веру и внесли много полезного в методику подготовки, что и позволило всем им успешно соревноваться на международных регатах.

Лидером среди них был каноист Силаев. Он быстро добился признания в большом спорте. Впервые взял весло в 1952 году, а спустя год стал чемпионом Москвы и победителем всесоюзного первенства «Динамо». Позднее выиграл чемпионаты Европы и мира и завоевал серебряную медаль на Олимпийских играх 1960 года в Риме.

Его авторитет был огромным, завоеван делами полезными и вескими. Он притягивал к себе людей, как магнит. Ближе к вечеру, после тренировок, возле эллинга московских динамовцев частенько собирались и новички, и бывалые гребцы, чтобы посоветоваться с Силаевым, поделиться своими мыслями, поспорить.

А думать и спорить приходилось о многом. Лучшие наши тренеры и спортсмены стремились войти в большой международный спорт со своим багажом знаний, внести свое, оригинальное и перспективное в систему подготовки. Понимали, что нельзя долго полагаться на чужой опыт, копировать даже лучшие оригиналы. Только свои, выстраданные «открытия» позволят выдвинуться в лидеры мировой гребли.

*Александр СИЛАЕВ (слева)
поздравляет венгра Яноша Парти после победы на римской Олимпиаде*

В ту пору разгорались страсти между сторонниками двух школ гребли, каждая из которых опиралась на фундаментальные теоретические исследования, и доводы их подкреплялись победами лучших представителей. И одна самым решительным образом отвергала другую.

Поклонники так называемого шведского стиля гребли непоколебимо стояли на том, что главное — это сохранение легкого, плавного хода лодки. Никаких сверх усилий, только изящные, аккуратненькие гребки.

Любо-дорого было наблюдать за приверженцами этого стиля, когда они элегантно и безо всякого напряжения катили по дистанции в своих лодках, причем ровненько скользили, без всяких заметных колебаний — торпедой, и приятная для глаза журчащая дорожка оставалась и таяла за кормой.

В свою очередь гребцы Австрии, Румынии, ФРГ и особенно Чехословакии категорически отрицали манерную, как они считали, «салонную» греблю. Они утверждали, что все эти тонкости и украшения не могут дать большого выигрыша в скорости. Энергия, физическая сила и размашистые движения — вот те компоненты, которые решают все на любых лодочных состязаниях. Секрет высоких скоростей, говорили они, в умении полностью использовать вес тела, а раз так, то надо делать проводку весла длинную и мощную. Их доводы, как видите, также были аргументированы и весомы, и гребцы этих стран имели немало прекрасных побед на международных регатах.

На самом же деле истина, как оно и всегда бывает при двух полярных точках зрения, лежала где-то посредине, ждала разумного компромисса. Много думали над ней наши гребцы и вложили свой вклад в ее доказательство. Уже на Олимпийских играх 1956 года, то есть спустя четыре года после дебюта в Хельсинки, они выступили успешно.

Может быть, кому-то покажется, что доказать истину было нетрудно. Но я нарочно упростил разговор, к тому же любая проблема кажется простой и доступной, когда она решена, когда все подтвердилось.

На самом деле все, конечно, обстояло сложнее, и лучшим нашим гребцам, возглавляемым

Александром Силаевым, не один год приходилось доказывать преимущество своих идей не только в теоретических спорах, но и на самых крупных соревнованиях. Переломной же для советских гребцов была олимпийская регата 1956 года.

Это была моя вторая Олимпиада. Только теперь я готовился к состязанию на двойке вместе с москвичом Александром Беркутовым, и, объединяя нас, судьба, наверное, улыбнулась своему капризу.

Несколько лет я и Беркутов были соперниками. Беркутов не считался хорошим стилистом в гребле, но его своеобразная, хотя и не очень изящная техника оказалась лично для него самой рациональной.

Это был серьезный соперник. Человек мрачноватый, молчаливый, он обладал редкой самоотверженностью, и для того, чтобы выиграть у Беркутова, всегда приходилось полностью выкладываться на дистанции.

В 1954 году он впервые обошел меня на чемпионате Советского Союза, и это было тяжелым ударом. Все у меня тогда складывалось не лучшим образом, я проигрывал на международных регатах, и мое поражение на чемпионате страны руководители сборной тех лет восприняли с понятным и простительным удовольствием: победа Беркутова означала, что в классе одиночек появился сильный мастер, есть надежда, что он одолеет зарубежных чемпионов, тогда как Тюкалов, похоже, выдохся и не имеет на это шансов.

Тогда же мне предложили заменить заболевшего гребца в нашей распашной четверке с рулевым. В этой команде я выиграл первенство Европы в Амстердаме и был бесконечно благодарен своим новым партнерам, что они помогли мне преодолеть серию неудач и миновать психологический кризис. Но я знал, что вернусь в одиночку. Мне не хотелось расставаться с этой легонькой и каверзной лодкой. Только в ней я чувствовал себя на своем месте. Она давала мне чувство раскованности и абсолютной свободы, в ней я реализовывал по своему усмотрению тактические уловки, не опасаясь, что кто-то меня не поймет, не справится с темпом.

Конечно, не последнюю роль играло и честолюбие, почестей нам доставалось больше, чем остальным гребцам. Гонки на одиночках — престижные гонки, это почти то же самое, что схватка тяжеловесов в боксе. На одиночках определяется абсолютная сила гребцов, и поэтому наши заезды всегда вызывают особый интерес у публики. Я был молод, по-хорошему тщеславен, и все это имело для меня не последнее значение.

И вот, пожалуйста, становлюсь в 1954 году вторым номером в лодке. Помню счастливое, залитое потом лицо Беркутова, свое неловкое топтание на наградном плоту в Химках, легкий свист на трибунах — как же, олимпийский чемпион и так оконфузился!

Тогда же даю себе слово взять реванш, и в следующем сезоне действительно выигрываю у Беркутова звание первого гребца страны. С тех же трибун Химкинского водохранилища мне уже кричат зрители что-то приятное, и тренеры сборной снова улыбаются мне. Кто мог предположить тогда, что в наш затянувшийся, горячий спор с Беркутовым вмешается третий, и этот новый соперник легко и безжалостно ломает все наши планы, выиграет с таким преимуществом, что сразу же станет ясно — он истинный хозяин в классе одиночек.

Есть у меня фотография 1955 года. Стоим с Беркутовым обнявшись после церемониала награждения, а в сторонке высокий и худющий паренек, на шаг или больше от нас. Но за этим шагом таится огромная дистанция. Что он нам? Мы лидеры, знаменитые в своем деле люди, мы можем позволить себе такое — взять и обняться, когда позади гонка. А этому семнадцатилетнему юнцу еще расти и расти до нас, и неизвестно, что из него в конце концов выйдет. Мало ли было таких же вот скороспелок, где они сейчас? Мы и имя-то этого третьего призера чемпионата страны недавно узнали — Вячеслав Иванов.

Но именно этот юнец в следующем сезоне начисто обыграет нас на I Спартакиаде народов СССР и в течение двенадцати лет уверенно и с достоинством будет восседать на троне сильнейшего гребца мира. Кто ждал такого поворота событий?

Погоревали мы с Беркутовым после обоюдного крушения на Всесоюзной спартакиаде, общая беда как-то сгладила наше недавнее спортивное ожесточение, договорились сесть в двойку парную. Тут есть давнее неписаное правило — двое классных одиночников, объединившись, обычно сильнее старожилов этого класса судов. Мы подтвердили эту истину, с большим преимуществом выиграли у чемпионов Европы на двойке Георгия Жилина и Игоря Емчука, вошли в олимпийскую команду. Впрочем, и киевляне успели сориентироваться — пересели в другую лодку, выиграли последний отборочный заезд и завоевали путевки в Мельбурн: вот сколько судеб изменилось после внезапных побед Иванова.

Заключительные дни подготовки к Олимпиаде в Мельбурне совпали у меня с экзаменационной сессией — я был студентом-дипломником Ленинградского высшего художественно - промышленного училища имени В. И. Мухомовой. Пообещал преподавателям, что вернусь из Австралии с рисунками; запасся карандашами, бумагой.

Увы, с Мельбурном я познакомился мельком, поскольку соревнования проходили в городе Балларат, где мы и проводили большую часть времени. Провинциальный, весь в зелени Балларат требовал кисти живописца, а не графических рисунков, к которым я тяготел в то время. Так что в качестве студента я тут не преуспел, тем более что непосредственная подготовка в олимпийской регате проходила напряженно, в беспокойстве и хлопотах.

Гонки проводились на озере Вендури. Обычно спокойное и даже сонное, по рассказам местных жителей, в дни олимпийских соревнований оно забурлило не только от ударов весел, но и от могучих ветров — не спасал от них и тростник, так, казалось бы, надежно обступивший дистанцию. Плохая погода всегда вносит дополнительные осложнения в лодочные соревнования — увеличивается возможность различных происшествий на трассе.

Гонки проводились в непривычные для многих участников сроки — в конце ноября, когда сезон обычно уже закончился. Я помню волнение наших тренеров: правильно ли спланировали подготовку, сохранили ли их питомцы свежесть? Это волновало и нас, поэтому даже к своим тренировочным результатам на озере Вендури мы относились, как к большим событиям. Наши наставники оказались на высоте, советские гребцы в целом выступили на этой олимпийской регате в свою силу.

Огромное впечатление на австралийцев произвело выступление Вячеслава Иванова. Убежден, что его достижение в Мельбурне уступало по силе эффекта лишь легендарным победам Владимира Куца. Главным соперником 18-летнего московского гребца был австралиец Стюард Маккензи. Их состязание было возведено в ранг национального события.

У меня сложилось впечатление, что назойливое упоминание двух этих фамилий на газетных полосах, самые противоречивые и поэтому также разжигающие страсти, выводы об их состязании были чем-то вроде запрограммированного спектакля. Австралийские тренеры и журналисты были убеждены в успехе своего земляка, и пресса настойчиво обращала внимание на состязание между Ивановым и Маккензи, которое должно было стать одним из самых эффектных и благополучных для Австралии .

Рослый, могучего сложения и несколько грубоватый в общении Стюард Маккензи действительно производил сильное впечатление. В 1956 году ему было 20 лет. До этого он занимался легкой атлетикой и был рекордсменом своей страны в метании диска. В гребле он добился большего, легко выиграл отборочное соревнование у Мервина Вуда, поразив при этом специалистов мощью гребков. Но на олимпийской регате на его пути стоял Иванов, никакой другой гребец не имел теоретически шансов соревноваться с австралийцем на равных. Это стало ясно после тренировочных прикидок и окончательно — после предварительных олимпийских заездов.

Оба гребца — молодые, талантливые, честолюбивые. Оба быстро завоевали популярность, и теперь на озере Вендури им предстояло побороться за высшую спортивную награду — золотую олимпийскую медаль. Маккензи и на берегу делал все, чтобы убедить соперника в своем преимуществе. Иванов купил открытки с видами Австралии, на одной из них

попросил расписаться участников финального заезда на одиночках. Улыбнувшись, поставили автографы поляк Теодор Коцерка и американец Джон Келли. Маккензи же, расписавшись, оглядел Иванова с ног до головы, снова взял открытку и вывел напротив своей фамилии жирную единицу. Он и перед самым стартом не забыл подразнить нашего спортсмена. Вслед за Ивановым вынес из эллинга лодку, на плоту подошел к нему и объявил, что спустя полчаса он, Маккензи, первым закончит дистанцию.

Вячеслав ИВАНОВ
гордость советского спорта - трехкратный олимпийский чемпион
вторая олимпийская медаль на римской олимпиаде 1960 года

Когда одиночники отправились на дистанцию, я и Беркутов разминались на двойке

неподалеку от стартового плота. Впереди шел Маккензи. Могучими гребками подгонял этот двухметрового роста молодой человек свою лодку. Следом—Келли и Коцерка, они уже корпус лодки проигрывали австралийцу. А последним — Иванов. Мой партнер огорчился, увидев эту картину. Действительно, очень уж много проигрывал наш товарищ по сборной. Но я вспомнил залив Мейлахти, почти такую же ненастную погоду, свой неторопливый разгон на первой трети дистанции и счастливый затем финиш. Подумал, что не может все так просто кончиться в этой гонке, сумеет Иванов наверстать упущенное.

К отметке 1000 метров Иванов переложился на второе место. Теперь он проигрывал лидеру 3 секунды. Но Маккензи предпринял еще одно солидное ускорение и увеличил разрыв до 8 секунд. Оставалось грести какие-то 400—500 метров, и сообщение об удачном ускорении Маккензи подняло зрителей на ноги. В воздух полетели шляпы, зонтики, трости.

Окончание заезда прошло в тишине. Публика безмолвствовала, когда Иванов в какую-то минуту-полторы настиг Маккензи, «сломал» его в короткой схватке, после чего оба гонщика... перестали грести. Много писали об Иванове, об его счастливых гонках, но никто, по-моему, не обратил внимание на то, что во всех своих олимпийских финалах он останавливался за несколько метров до финишного створа. Так было в Мельбурне и Токио, после того как в зоне трибун обошел соперников, и на римском озере Альбано, приняв телевизионную машину за финишную будку. Правда, лично я подозреваю, что на Олимпиаде в Риме Иванов это сделал нарочно, решив расшевелить публику. Очень уж большое он имел преимущество в олимпийском финале 1960 года, и зрители спокойно следили за гонкой одиночников. Видимо, тогда и пришла ему мысль поиграть на их нервах. Гребец добился своего. Жестикулируя и выкрикивая советы, повскакали с мест итальянцы, и только после этого Иванов сделал несколько последних гребков.

Три раза он бросал грести, не дождавшись сигнала на финише. Но ни разу это не помешало ему выиграть золотую олимпийскую медаль. Потому что всякий раз он останавливался после кульминационной точки заезда, когда соперники были сломлены, и уже ничто не могло их спасти после последнего и решающего ускорения Иванова. Первым был побежден этими поразительными по внезапности и скорости гребками австралиец Маккензи. Он сидел в лодке вконец обессиленный. Не лучше чувствовал себя и наш гребец. Но его лодка колыхалась на волнах впереди посудыны Маккензи, и когда соперники пришли в себя, первым миновал финишный створ Иванов. Австралиец и не пытался догнать его. Все было кончено чуть раньше. Не подгоняли его и зрители, они также все поняли и молча проводили глазами этот необычный финиш соперников.

Иванов стал одним из самых популярных спортсменов XVI Олимпийских игр. Подкупало и его юношеское обаяние, непосредственность. Тогда Иванов не был большим мастером давать интервью, робел перед телевизионными камерами и микрофонами, и это умиляло австралийцев, которые, я заметил, не лишены сентиментальности.

У меня на озере Вендури закончилась тяжба с Мервином Вудом. Он также пересел в двойку парную, и местные газеты писали, что на сей раз ветеран австралийской гребли сумеет завоевать вторую золотую олимпийскую медаль. Но сам Вуд прекрасно понимал, что это нереальная задача: к тому времени знаменитый австралийский гребец потяжелел, его силовая гребля уступала быстрым движениям молодых соперников. Все усилия этот опытный спортсмен направил на то, чтобы завоевать вместе с партнером бронзовые медали. И он добился своего в очень тяжелом соревновании с гребцами ФРГ.

Нашими главными соперниками оказались спортсмены США Костелло и Гардинер. Мы были уверены, что в финале эти гребцы составят нам серьезную конкуренцию, поскольку на тренировках и в предварительных гонках они демонстрировали очень высокие скорости. Но в финале они действовали не очень слаженно, и мы выиграли без особых усилий. Мне довелось принимать участие в трех олимпийских регатах, и финальная гонка на озере Вендури оказалась самой легкой. Об этом свидетельствуют и технические результаты: мы выиграли у гребцов США 8 секунд.

Гребцы Советского Союза выступили еще в двух финальных заездах на олимпийском озере Вендури. Чемпионы Европы московские студенты-нефтяники Игорь Булдаков и Виктор

Иванов выдержали на этих соревнованиях суровое испытание. В отборочных соревнованиях серьезнейшую конкуренцию им составили гребцы Австрии, и лишь на финише наши спортсмены сумели на какое-то мгновение опередить соперников. Были у Игоря и Виктора другие серьезные конкуренты, причем наилучшие шансы на победу имели подвижные и рослые спортсмены США Файфер и Хехт.

В финале американские гребцы продемонстрировали неоспоримое преимущество, и поэтому московские студенты все силы положили на то, чтобы завоевать серебряные медали. Булдакова и Иванова всегда отличало умение выступать сильно в любой ситуации, это были очень волевые спортсмены. Свои бойцовские качества они проявили и в олимпийском финале. Наградой за это — серебряные медали.

На церемонии вручения медалей произошел случай, который вызвал бурную реакцию местной прессы и зрителей. Получив медаль, Виктор Иванов направился было к лодке, но поскользнулся, и награда упала в воду. Резервных олимпийских медалей у организаторов регаты не было. Вызвали водолазов, но они не смогли отыскать медаль нашего спортсмена. А когда стемнело, к поискам приступили местные мальчишки. Всю ночь они ныряли возле наградного плота, и только под самое утро одному из них удалось найти медаль Виктора Иванова.

Мы пригласили этого паренька в олимпийскую деревню, познакомили с наиболее известными советскими спортсменами, вручили сувениры. В 1973 году этот удачливый ныряльщик приехал в Москву на чемпионат Европы по академической гребле. В австралийской команде он был рулевым. На трибунах он отыскал наших гребцов, которые принимали участие в олимпийской регате 1956 года, вспомнили забавный случай с медалью.

Еще один комплект медалей, бронзовых, завоевали наши гребцы на двойке распашной с рулевым. Киевляне Георгий Жилин и нынешний главный тренер сборной страны Игорь Емчук тяжело пробивались в финал. Раньше они несколько лет выступали на двойке парной, выиграли на этой лодке первенство Европы. В двойке с рулевым им было труднее, их довольно легкий вес был не выгоден для этой тихоходной лодки. Все же Жилин и Емчук проявили исключительное упорство в финальной гонке, на самом финише обошли польских гребцов и завоевали бронзовые медали.

В итоге советские гребцы на академических лодках заняли на Олимпиаде в Мельбурне второе общекомандное место, уступив лишь сборной США. По сравнению с Играми 1952 года мы сделали шаг вперед. В Хельсинки наша сборная команда набрала 17 очков, на Олимпиаде в Мельбурне — 23. И если позднее лидеры мировой академической гребли — спортсмены США — неуклонно снижали свои результаты, то советская команда неизменно входила в число сильнейших гребных держав.

Еще более поразительных успехов добились наши байдарочники и каноисты. Мои земляки из ленинградского «Пищевика» Павел Харин и Грациан Ботев стали олимпийскими чемпионами на каноэ-двойке.

Рабочий мясокомбината Харин и школьный преподаватель Ботев прошли довольно своеобразный путь к олимпийской победе. До 1956 года они никогда не выступали вместе, и только в период подготовки к I Спартакиаде народов СССР ленинградские тренеры предложили им испытать свои силы в одной лодке. Харин и Ботев выступили на каноэ-двойке, стали победителями Всесоюзной спартакиады. Однако на следующий день они опять вышли на воду на одиночках. Но теперь на них обратили внимание тренеры сборной страны, они уговорили Харина и Ботева вернуться в двойку, очень уж многообещающие результаты показывали ленинградцы в этой лодке.

На озере Вендури они выступили в двух заездах. Физически очень сильные, выносливые — оба прекрасно бегали на лыжах, — Харин и Ботев выиграли финал на 10 000 метров с огромным преимуществом. Своих ближайших соперников они опередили почти на минуту. В гонке на 1000 метров им, конечно, было труднее. На этой дистанции прежде всего необходимы скоростные качества, а не выносливость, которая и была главным оружием

моих земляков. Все же Харин и Ботев достойно выступили в финале. Они на равных соревновались с известными румынскими каноистами Исмаильчуком и Думитру, уступили им только на финише. Серебряные медали стали прекрасным дополнением к золотым, которые Павел Харин и Грациан Ботев завоевали накануне.

И еще одну победу праздновала наша сборная команда. В классе байдарок-одиночек золотую медаль выиграла работница костромского завода Елизавета Дементьева. Всего три года назад она села в спортивную байдарку и на первом своем соревновании изрядно позабавила зрителей. Девушке так хотелось отличиться в гонке, она столько сил вкладывала в каждый гребок, что, забыв по неопытности о рулении, бросала свою легонькую лодку из стороны в сторону. Ближе к финишу лодка вообще пошла поперек дистанции, и озадаченные соперницы бросили грести, с удивлением наблюдая за странными маневрами Дементьевой.

Спустя три года байдарочница из Костромы стала большим и опытным мастером. На озере Вендури ее основной соперницей была знаменитая байдарочница из ФРГ Тереза Ценц. Обе спортсменки сразу же поняли, что именно им суждено решить судьбу золотой медали, и в предварительных заездах не спешили выкладываться полностью, больше присматриваясь друг к другу. В финале Дементьева с первых же гребков развила максимальный темп, чтобы ошеломить соперниц. Всю дистанцию Ценц пыталась догнать нашу байдарочницу, но безуспешно. Дементьева стала олимпийской чемпионкой.

В других заездах советские байдарочники и каноисты выступили неплохо, завоевали еще две серебряные и две бронзовые медали. На дистанции 1000 метров байдарочник Игорь Писарев был вторым, а Михаил Каалисте и Анатолий Демитков повторили это достижение на байдарке-двойке. В финальных заездах на каноэ-одиночках третьими финишировали Александр Силаев и Геннадий Бухарин.

На Играх в Мельбурне в гребле на байдарках и каноэ советские гребцы одержали общекомандную победу. Итоги их выступлений поразили специалистов, всего за четыре года наши байдарочники и каноисты прошли путь от новичков до лидеров мировой гребли.

Успехи этой сборной в значительной мере повлияли и на исход общекомандной борьбы на Олимпиаде в Мельбурне. Ведь на озере Вендури советские байдарочники и каноисты набрали 41 очко, тогда как американские спортсмены не сумели завоевать ни одного. Именно в эти дни и наступил перелом в пользу советских олимпийцев — в Мельбурне мы впервые стали победителями в неофициальном общекомандном зачете.

Вспоминаю, с каким ликованием воспринимали наши олимпийцы сообщения о счастливых выступлениях советских байдарочников и каноистов. В Мельбурне были в разгаре состязания по различным видам спорта, и вести о триумфе гребцов заставляли наших спортсменов в раздевалках, на тренировках, в автобусах, которые следовали к спортивным аренам. И всякий раз олимпийцы аплодировали своим товарищам-гребцам, радовались их успехам, сами увереннее вступали в борьбу.

В Мельбурне советские байдарочники и каноисты одержали свою первую победу. Позднее только два раза они уступали первенство на олимпийских регатах: в Токио в 1964 году и в Мехико в 1968 году, где они заняли второе общекомандное место. На всех остальных Олимпиадах команда Советского Союза всегда была сильнейшей.

У КАЖДОЙ ОЛИМПИАДЫ — СВОЙ НОРОВ

Каждые Олимпийские игры имеют свое лицо, отличаются от остальных не только результатами и событиями, но и самой атмосферой, которая царит на них.

Скажем, Игры в Хельсинки запомнились как Игры высокой ответственности. Советские спортсмены были дебютантами, и нам пришлось выдержать тяжелое испытание. Думаю, что нашим наследникам было легче, они шли путем, проторенным первыми советскими олимпийцами.

С Мельбурном связано нечто экзотическое, необычайное. Далекая заморская страна со своеобразной природой, со своим укладом жизни. У хозяев этой Олимпиады я даже заметил некую отрешенность от событий большого мира. Что поделаешь, отдаленность сказывается.

И наконец Римские игры. Веселые, жаркие, пестрые. Две недели какого-то карнавального сумасшествия. Это была прекрасная Олимпиада.

Итальянское правительство не поскупилось на проведение Игр, и у организаторов не было больших финансовых проблем. Но не в этом мне видится главное достоинство Игр в Риме. Это событие вызвало огромный энтузиазм у пылких итальянцев, они старались, чтобы спортивный фестиваль, проходивший в их стране, запомнился участникам, которые были окружены их трогательной заботой и вниманием. Если, скажем, кто-нибудь из нас терял ориентир в лабиринтах итальянских улиц, на помощь спешили прийти сразу несколько прохожих. Ну, а если уж заплутавший олимпиец оказывался чемпионом, то его участи было не позавидовать: он попадал в окружение восторженных, жестикулирующих людей, из которого трудно было вырваться. В честь нашей Антонины Серединой, которая выиграла на олимпийском озере Альбано две золотые олимпийские медали, окружившие ее на улице итальянцы принялись распевать модную тогда песенку, где слово «Марина» они, импровизируя, поменяли на «Середина».

Этот огромный интерес к Олимпиаде спешили использовать и крупнейшие фирмы. Как-то мы увидели в небе самолет, который тянул за собой рекламу конфет «Перуджина». Телевизионные комментаторы постоянно обращали внимание зрителей, что чемпионы Олимпиады пользуются инвентарем и услугами той или иной фирмы. При этом деловые люди демонстрировали небывалую щедрость: одна страховая компания бесплатно застраховала всех участников Игр на миллион лир. Фирма Филлипс выделила олимпийской деревне несколько сот телевизоров и радиоприемников, Паркер — авторучки, Нестле — кофе. Все эти преподношения, разумеется, использовались для широкой рекламы.

В дни Олимпиады на проезжей части римских улиц творилось сущее столпотворение. Тогда в олимпийской деревне был популярен анекдот, рассказывающий о том, что кто-то из гостей итальянской столицы, удивленный лихой и беспорядочной ездой, спросил местного таксиста: «По какой же все-таки вы стороне ездите — левой или правой?» — «У нас ни левостороннее, ни правостороннее движение, правила в такой толчее соблюдать бессмысленно, и мы стараемся ездить лишь там, где есть тень. В этом хоть какой-то смысл».

Со мной и Александром Беркутовым, увы, лихая езда сыграла в Риме злую шутку. Мы тогда считались главными претендентами на победу в классе двоек парных. Только вроде бы и осталось — дожидаться решающей гонки и положить золотые медали в карманы. Не вышло: нелепый случай помешал нам отстоять высшие олимпийские титулы.

Водитель автобуса, балагур и хват, типичный итальянец, так и этак развлекал нас на пути к олимпийскому озеру. Мы не оставались в долгу, прихлопывали и притопывали под его тенорок, дарили значки и матрешки. Довеселились. Проскочили поворот на Альбано и такой сделали крюк, что только чудо могло нас спасти, — мы не успевали к старту полуфинального заезда.

Бедный малый, с испариной на лице, вел теперь свой автобус с отчаянностью автогонщиков, и мне по сей день непонятно, как мы не угодили тогда в кювет. К старту все же успели. Но что это был за старт! Точнее — подготовка к нему. Переоделись в автобусе. Кубарем по склону к своему эллингу. Сразу же в лодку и на дистанцию. Ни разминки, ни хода лодки поймать не успели. Поэтому на первой тысяче метров у нас вообще все из рук валилось, шли последними: эх, веселый и безрассудный водитель, как же ты нас подвел!

В этом заезде нам следовало бы отказаться от надежды пробиться в финал, надо было все отложить до утешительной гонки. Но мы до последних метров верили, что успеем настичь соперников и прорвемся в финал: мы же были олимпийскими чемпионами, и легко ли нам было смириться с мыслью, что борьбу придется продолжить в утешительной гонке!

И вышло так, что мы вымотались в этой гонке, а в финал все равно не попали. В утешительном заезде мы завоевали право на участие в финале, но нам снова пришлось изрядно потрудиться, все аутсайдеры боролись с отчаянием обреченных, и в итоге в борьбу за олимпийские медали мы вступили уставшими.

Гребного канала в Риме не было, и гонки, как известно, проводились на озере Альбано. Ничего красивее этих мест мне видеть не доводилось, не случайно, видно, на берегу озера раскинулась летняя резиденция римского папы. Озеро Альбано возникло в кратере потухшего вулкана. Вода в нем прохладная и чистая, даже на большой глубине видно дно.

На Альбано впервые в истории олимпийских регат была применена разметка водных дорожек, ширина каждой из шести равнялась 12,5 метра. Это новшество очень понравилось гребцам — разметка помогала вести лодку строго по курсу, уменьшала опасность столкновения судов, и в дальнейшем все крупнейшие соревнования гребцов проводились на дистанциях с заякоренными шарами ограждения.

Финальные состязания привлекли на трибуны восемь тысяч зрителей. На крутых склонах берега их было в несколько раз больше. Рассказывали даже, что, когда шло состязание на двойках парных, машинист пригородного поезда сделал незапланированную остановку и вместе с пассажирами криками поддерживал участников гонки.

Дела наши в финале складывались прескверно: не было свежести в гребках, никак не могли приблизиться к основной стае лодок. Только в зоне финиша появились какие-то шансы на успех. Последнюю треть дистанции я и Беркутов шли безо всякого расчета и плана. Не до этого уже было. Только бы догнать соперников. Четыре команды настигли и обошли, но гребцов Чехословакии догнать не успели, и нам вручили серебряные медали.

Огромной популярностью пользовался в Риме Вячеслав Иванов. Незадолго до этого он обыграл своего самого грозного соперника — австралийца Маккензи, и считался безусловным фаворитом олимпийского заезда одиночников.

Он оправдал надежды. Правда, на первой трети дистанции Иванов шел четвертым, но затем он легко усилил мощь проводки, вышел вперед, и ближе к финишу его преимущество стало подавляющим. Итальянская «Гадзетта делло спорт» писала: «Это большой мастер, гребец высокого класса, самый сильный в мировом гребном спорте после войны, и если мы не рискуем пойти дальше в глубь времен, то лишь из-за трудности сравнения».

В олимпийской команде советских гребцов 1960 года было счастливое сочетание молодости и опыта. Среди молодых прекрасно зарекомендовали себя Зигмас Юкна и Антанас Багдонавичус. Ветеранов представляли я и Беркутов, а также мои земляки Валентин Борейко и Олег Голованов. Невысокого роста, подвижные, они добивались преимущества выносливостью, темпом: оба, замечу, бегали на лыжах в силу мастеров спорта. Они резко и слитно делали захват воды лопастями, будто гвозди вколачивали. Эта манера гребли помогла им выдержать острейшую борьбу у финишного створа, где образовалась страшнейшая теснота, и какие-то мгновения сумели вырвать на финише Борейко и Голованов.

И тогда и позднее наша пресса много писала о гребцах — победителях Римской олимпиады и без особого внимания оставила выступление на озере Альбано четырех ленинградских инженеров, которые завоевали бронзовые олимпийские медали. На этой регате мои земляки вошли в сборную страны в пяти классах судов, это и поныне непревзойденное достижение посланцев Малой Невки. Юрий Бачуров, Анатолий Тарабрин, Игорь Ахремчик и Валентин Морковкин в те годы были едва ли не самыми яркими представителями ленинградской школы гребли.

По физическим данным они уступали участникам финальной гонки. Зато в умении ловко владеть веслом, хитро строить план гонки могли посоревноваться с любым зарубежным экипажем. Это и позволило им завоевать бронзовые медали.

Римская олимпиада оказалась самой удачной для советских гребцов на академических

лодках. Мы приняли участие в шести финальных заездах из семи, в двух праздновали победу, на двойках парной и распашной с рулевым завоевали серебряные медали, на четверке распашной без рулевого — бронзовые. Еще одна наша команда — четверка ленинградского «Труда» — заняла четвертое место. Широкое представительство советских гребцов в финале, ровное в нем выступление позволило нам стать в 1960 году первой гребной командой мира.

Сильно выступила на Олимпиаде в Риме и советская сборная байдарочников и каноистов. Правда, не совсем удачно соревновались на озере Альбано наши байдарочники-мужчины, но победные финиши Антонины Серединой, Марии Шубиной, каноистов Леонида Гейштора, Сергея Макаренко, а также серебряная медаль Александра Силаева позволили этой сборной вновь одержать общекомандную победу.

Редкого успеха — победы в двух финальных заездах — добилась Антонина Середина. Она выиграла очень тяжелую гонку на байдарке-одиночке. Поднялась на пьедестал почета, получила золотую медаль и поспешила забиться в укромное место, чтобы прийти в себя перед второй гонкой. Тут ее и отыскивали журналисты. Кто-то из них пошутил: дескать, здесь ли место для олимпийской чемпионки, вас же жаждут увидеть тысячи болельщиков. Тоня вежливо отвечала на вопросы, а потом сказала, что ей надо спешить на старт байдарок-двоек. Журналисты были удивлены, они не знали, что наша спортсменка отважится выступить в двух классах лодок. Спустя час зрители вновь увидели Середину на пьедестале, на сей раз она одержала победу вместе с Марией Шубиной

Антонина СЕРЕДИНА и Мария ШУБИНА
чемпионки Олимпийских игр 1960 года

Белорусские каноисты Макаренко и Гейштор повторили мельбурнский успех Ботева и Харина, уверенно выиграв решающую гонку на двойке. Любопытно, что и путь их к золотым олимпийским медалям был похож на путь их предшественников, они тоже получили путевку в большой спорт на Спартакиаде. До 1959 года они мало знали друг о друге: Сергей Макаренко жил в Бресте Гейштор — в Гомеле. Оба дебютировали на республиканской Спартакиаде, выступая на каноэ-одиночках .

После этих состязаний тренеры предложили молодым гребцам попытать счастья на двойке. На II Спартакиаде народов СССР, к всеобщему удивлению, Гейштор и Макаренко стали чемпионами. Эта победа открыла им «зеленую улицу» в Рим. Их возможности были неясными не только для соперников, но и для наших тренеров, поскольку белорусские гребцы не имели международного опыта. И только в финале выяснилось, что ни одна

зарубежная команда не в состоянии соревноваться на равных с нашими каноистами. На спринтерской дистанции в 1 километр Гейштор и Макаренко сумели выиграть у ближайших конкурентов почти 3 секунды.

Все возможности выиграть золотую олимпийскую медаль были у Александра Силаева. Но за день до финала он перегрелся на солнце, поднялась температура, и встал вопрос об его участии в решающей гонке. Всю свою волю собрал Силаев перед финальным заездом, весь свой опыт и сумел дать бой соперникам. Да такой, что только знаменитый венгерский каноист Янош Парти выдержал отчаянный рывок нашего гребца и на какие-то сотые доли секунды опередил Силаева на финише.

После выступления советских байдарочников и каноистов газета «Унита» опубликовала следующий комментарий: «В заливе папской резиденции, где обычно звучит священная музыка, вчера трижды звучало эхо национального советского гимна. Подзорные трубы, через которые монсеньоры следили с горы за проходящими внизу состязаниями, наверное, дрожали, когда раз за разом советский алый флаг взвивался вблизи их резиденции высоко - высоко в небо».

На Олимпиаде в Риме впервые выступили гребцы ГДР, и представитель этой страны Иоахим Хилл стал серебряным призером. По нынешним временам это обычный результат для сборной ГДР по академической гребле, когда она занимает ведущее положение в мире. Но в 1960 году спортсмены ГДР только выходили на международную арену, и серебряная медаль Хилла, завоеванная им в олимпийском финале одиночников, обратила на себя внимание, вселила в гребцов этой страны уверенность в свои силы.

На олимпийском озере Альбано гребцы социалистических стран выступили очень хорошо. Они приняли участие едва ли не во всех финальных заездах, заняли несколько призовых мест. В гонках на академических лодках наибольшего успеха добились гребцы Чехословакии, которые выиграли золотые медали на двойке парной.

Гонки на Альбано изменили расстановку сил в мировой академической гребле. Они продемонстрировали подавляющее преимущество европейцев, а традиционные победители — сборные Австралии, Канады и США — в целом выступили на Олимпиаде в Риме слабо. Только в классе четверок распашных без рулевого экипажу из США довелось праздновать победу.

Американские гребцы были особенно огорчены своей неудачей в финальном заезде восьмерок. На десяти предыдущих Олимпиадах побеждали они в этом классе судов, а на озере Альбано финал уверенно выиграли представители ФРГ. Это была выдающаяся команда, специалисты и поныне с восхищением вспоминают об эффектной победе западногерманского экипажа, который показал на озере Альбано фантастические по тем временам скорости. Физически сильные, техничные гребцы ФРГ прошли дистанцию в очень высоком темпе. Команду тренировал Карл Адам, который первым в академической гребле применил жесткий интервальный метод подготовки, что и позволило его ученикам продемонстрировать замечательную выносливость.

В гребле на байдарках и каноэ представители Европы сохранили на Играх в Риме свое ведущее положение, они выиграли все финальные заезды. Три победы одержали советские спортсмены, одну венгр Парти. В заезде на байдарках-одиночках первенствовал датчанин Эрик Хансен. После финала Хансен и серебряный призер венгр Дьюла Шелеси удивили зрителей тем, что направились не к наградному плоту, а под тенты. Оказалось, что третий призер швед Герт Фредрикссон спешил в эти минуты к старту на байдарках-двойках.

Сейчас уже немногие помнят шведского гребца. А это был выдающийся мастер. Он выиграл финальные заезды на Олимпийских играх в Лондоне, Хельсинки и Мельбурне. Причем в Лондоне был награжден двумя золотыми медалями — за победы на одиночке и двойке. Его успехи и спортивное долголетие в значительной мере объяснялись аскетическим образом жизни. Одна немецкая газета после успеха Фредрикссона на Играх в Хельсинки написала следующее: «Когда состязания закончились и нечего было выигрывать или проигрывать, почти все шведские гребцы говорили «да», когда им предлагали рюмку коньяку или

сигарету, танцевали вместе с друзьями из Франции, Италии и Германии. Король байдарочников Герт Фредрикссон в это время уже давно был в постели и спал мертвым сном, чтобы утром снова отправиться на тренировку».

У шведского чемпиона была своеобразная тактика. Он очень энергично действовал на первой трети дистанции, затем сбавлял темп, чтобы, набравшись сил, совершить затяжной рывок на финише. Только однажды эта тактика подвела Фредрикссона. На чемпионате мира 1950 года он слишком близко подпустил к себе на середине дистанции финского байдарочника, и тот внезапным рывком на финише вырвал победу у своего знаменитого соперника.

Много прекрасных побед одержал Фредрикссон, и вот теперь на озере Альбано 36-летний ветеран боролся за шестую золотую олимпийскую медаль. И он выиграл ее на байдарке-двойке.

НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Литовские спортсмены Зигмас Юкна и Антанас Багдонавичус начали грести в самой тихходной двойке распашной с рулевым, всего двумя веслами подгоняют эту тяжелую посудину, в которой еще и рулевой.

Место загребного занимал Юкна. В гонках был беспощаден к себе, партнерам, соперникам. Сказывалась, наверное, кровь предков: родом он из воинственной в старину и непокорной крестоносцам Жемайтии, люди в этих краях всегда отличались отвагой и несговорчивостью. В Литве и поныне говорят: «Упрям, как жемайтиец».

Что же касается физических достоинств Юкны, то сознаюсь — природа его мощных, пластичных гребков не ясна для меня и поныне. Рост он имел 180 сантиметров и 82 килограмма веса, самые заурядные в академической гребле данные.

Он был не только достойным партнером могучих гребцов, но и превосходил большинство из них в классе, причем именно силой и длиной проводки. В литовской восьмерке все были выше его на голову. Но когда однажды узкоплечий и немного сутуловатый Юкна не вышел на тренировку, очень скоро партнеры поняли — не стало без него команды, словно по песку тащили лодку.

Зато физические данные другого литовского гребца, Антанаса Багдонавичуса (рост 190 сантиметров, вес 87 килограммов), признавались образцовыми. И спокойствие его удивительное, человеку раздражительному общение с этим гребцом принесло бы немалую пользу: Багдонавичус прямо-таки излучает токи душевного равновесия и безмятежности.

Осенью 1959 года Юкна и Багдонавичус впервые появились в стане наших сильнейших гребцов: литовцев пригласили на двухнедельный «разгрузочный» сбор. Странное они производили впечатление. Нам годами прививали вкус к ювелирному стилю, тонким мышечным ощущениям в лодке, и мы, чемпионы и метры академической гребли, с удивлением наблюдали, что все эти нюансы совершенно не волнуют двух новобранцев из Вильнюса.

Вместе с тренером Вайткавичусом они стремились к одному: к длинной и мощной проводке весла. Сгибались до боли в спине и лопатках, когда пытались подальше вывести руки за уключины и чуть ли не у самого носа лодки «взять» веслами воду. За эту манеру грести они скоренько получили прозвище «кузнечики», да и вообще Юкна и Багдонавичус вызывали у многих иронию.

Напрасно. Они оказались дальновиднее многих, поняли значение размашистой, мягкой и одновременно сугубо силовой гребли: этот стиль в основе своей практикуется и поныне. Они не были первооткрывателями этой техники, и раньше некоторые наши и зарубежные команды пытались действовать так же. Зато Юкна и Багдонавичус наиболее последовательно, ярко и убедительно доказали преимущество своей, быть может, не очень красивой, но продуктивной гребли.

Позднее этот стиль позаимствуют остальные гребцы, и бывалые гонщики станут приглашать Юкню и Багдонавичуса в свои лодки хотя бы на четверть часа для тренировки. И после на плоту будут разводить руками: действительно, когда гребешь с Юкней и Багдонавичусом, кажется, что совершаешь прогулку, словно с горы катит лодка, на прекрасной гоночной скорости, и дается это вроде бы само собой, легко и непринужденно.

Но это пришло позже, а в 1959 году литовцев воспринимали не более как милых чудаков. Да и было, пожалуй, отчего. Заслуг на гребных соревнованиях у них не было, только и сумели профсоюзное первенство выиграть и заявляют, что не только попадут в олимпийскую команду, но и завоюют на озере Альбано медали. Знаменитые гребцы и заикаться об этом боялись — не сглазить бы, а новички охотно делились своими олимпийскими планами.

Юкна и Багдонавичус были неискушенны тогда, прямодушны и непосредственны, им и в голову не приходило держать свою мечту в тайне. И часто после вечерних тренировок насмешники обстоятельно расспрашивали Юкню об олимпийских планах, интересовались мелкими подробностями, дескать, имеют ли путеводители по Риму, словари. Багдонавичус безмолвно и с едва уловимым удовольствием внимал ответам партнера, выражая одобрение медленным наклоном головы.

Помню их выступление в Риме. Они сильно прошли дистанцию, были в шаге от золотых олимпийских медалей. Три четверти дистанции Юкна и Багдонавичус шли первыми, а потом допустили классическую для гонки на двойках с рулевым ошибку: прозевали ускорение соперников. В этой лодке все полагается делать заблаговременно. В двойке с рулевым долго приходится разгоняться: плывет и плывет себе эта тяжелая «посудина», а лихие рывки не всегда получаются. А литовцы на последних 500 метрах замешкались с ускорением, экипаж ФРГ уже шел предельно высоким темпом, а наши только начали разгоняться. Вот и выпустили соперников.

Мо как бы то ни было, а серебряные олимпийские медали Юкны и Багдонавичуса оценили как достижение отличное. Прекрасная дорога открывалась перед ними. Пришел опыт — литовцы стали искусными, умными гонщиками. Прибавилось мастерства, и если раньше лодка, по их собственному выражению, напоминала поплавок в момент клева — оседала и подпрыгивала, то теперь она легко и плавно резала гладь воды.

Увы, серебряные олимпийские медали, которые они завоевали со всей своей незрелостью, со всеми тактическими и техническими ошибками, оказались самыми внушительными их наградами. Класс повысился, а достижения пошли на убыль. Чего только не бывает в спорте, каким он иной раз бывает нелогичным!

Летом 1961 года Юкна и Багдонавичус были приглашены в восьмерку «Жальгириса». Они дали согласие с легким сердцем — почему бы не помочь землякам? Да и самим было полезно погрести в этой лодке — хорошая разрядка после скучноватых тренировок на тихоходной двойке.

Знали ли они, что в этот день обрекают себя на кочевую, полную неудобств жизнь в гребле? Что отныне им придется то и дело менять классы судов, садиться с новыми партнерами и закрывать самые уязвимые места в сборной республики и в сборной команде страны. Пластичная гребля давала им возможность быстро добиться взаимопонимания с любыми партнерами, они соревновались в четырех классах судов и всюду успешно. Но успешно для партнеров, для сборной команды, наконец. Но не для себя. Они были достойны большего, нежели бесконечные серебряные и бронзовые медали.

ОТ ОДНОГО ДО ВОСЬМИ

Академической гребле на I Олимпийских играх в Афинах крупно не повезло. Этот прекрасный вид спорта был с энтузиазмом включен в программу I Олимпийских игр, но 1 апреля в бухте Пирея поднялся ураганный ветер, и состязание пришлось отменить.

Огорчены были все — и участники, и организаторы Игр, и зрители, которых даже в этот

ненастный день собралось на берегу около 30 тысяч. Гребля была уже очень популярным, с глубокими традициями видом спорта. Чтобы этого больше не произошло, руководители МОКа здесь же в Афинах поставили перед организаторами Игр 1900 года задачу создать все условия для проведения регаты гребцов. С тех пор стали ограждать гоночные дистанции тростником, зачаливать в открытых местах баржи. Только в 1964 году олимпийские регаты впервые были проведены на специальном канале, и теперь участники и организаторы избавились от волнений и хлопот, связанных с капризами погоды.

До сих пор гребцы сетуют на то, что в 1896 году нелепая случайность помешала академической гребле стать одним из немногих избранных видов спорта, с которых началась олимпийская история. Правда, немалым утешением служит то обстоятельство, что первым международным объединением в спорте стала ФИСА (Международная федерация академической гребли). Создана она была в 1892 году, и в следующем сезоне в местечке Орси, что на севере Италии, был проведен первый чемпионат Европы по гребле.

В развитии академической гребли большую роль сыграли англичане, что позволило им долгое время сохранять лидирующее положение на всех главных международных регатах. Еще в 1829 году — если подумать, так это все происходило спустя несколько лет после наполеоновских войн — ректор Кембриджа послал вызов Оксфорду: «Настоящим университет Кембриджа вызывает Оксфордский университет на гребной матч. Соревнование будет проводиться в окрестностях Лондона на пасхальной неделе».

Вызов, написанный гусиным пером, по сей день хранится в Оксфорде — реликвия эта многое значит не только для английской, но и для мировой академической гребли.

Состязания двух студенческих восьмерок приобрели в Англии колоссальную популярность. Последние дни перед матчем проходили, по свидетельству газет, в обстановке всеобщего помешательства: ночные шествия с зажженными факелами, многочасовое скандирование имен любимцев гребцов, пари на сумасшедшие суммы.

Чтобы более ярко и точно передать эту атмосферу, я позволю себе процитировать письма одного из участников матча, которые в довоенные годы были опубликованы у нас в журнале «За рубежом».

«Дорогой Дик! Ты помнишь, о чем мы мечтали мальчиками? Поступить в Оксфорд или Кембридж. Меньше всего мы интересовались тогда наукой. Нам хотелось попасть в знаменитую восьмерку гребцов, в команду «синих» или «голубых».

Представь себе, эта мечта для меня осуществляется. Наш гребной клуб выдвинул мою кандидатуру в университетскую восьмерку. Это будет рекордная по весу команда, мы тянем в среднем 82 килограмма.

Итак, на три месяца я свободен от зубрежки. Правда, придется взамен этого поработать мускулами, пожертвовать табаком, виски и прочими нашими развлечениями. Но что поделаешь! Слава даром не дается. Надеюсь попасть в боевой состав. Все данные для этого у меня есть. Искренне твой «синий» Джордж Эшби».

«Старина! Вчера окончательно был утвержден состав команды. Я — первый номер. Загребным сидит Ходжес — здоровяк, каких мало. У руля — Джим Мерифилд. У него зычный голос, глаза рыси и вес мухи.

Тренер Люс прочел нам вчера лекцию о том, как мы должны себя вести в этот критический период. По его словам, кругом шныряют шпики «голубых». Они пытаются разузнать, что и как у нас.

Вчера осматривали новую восьмерку. Это чудо техники. Но и денежки она стоит солидные: около тысячи фунтов. Знаешь, кто в этом году субсидирует «синих»? Лорд Ноффилд, автомобильный король. Если мы выиграем, он не прогадает. Твой Джордж».

«Дорогой Дик! Всего десять дней отделяют нас от великого события. Нервы напряжены до

крайности. Вокруг атмосфера ажиотажа. Она заражает. Нам запрещают читать газеты. Мы живем как затворники. Единственное развлечение — тренировка.

Сегодня утром мы встретили на воде восьмерку «голубых». Салютовали друг другу. Они щегольнули безупречным стилем. Быстро работают, черти. Для них 38 ударов в минуту — пустяк. Правда, у нас более резкий и длинный рывок. Твой усталый, но полный надежд Джордж».

«Гип, гип, ура! Дик! Ты уже знаешь все из газет. Мы выиграли. Извини за почерк. После вчерашней нагрузки руки плохо слушаются. У первого поворота «голубые» опередили нас. Но уже у Чисвикского моста мы ликвидировали этот просвет и опередили их на полкорпуса. Здесь, по-видимому, решилась судьба гонки. Твой отныне знаменитый Джордж».

Бог его знает, кто он такой — Джордж Эшби. Но гонка, описанная им, была в действительности, 89-й по счету, и у нас публиковались отчеты о ней.

В начале века в Центральной Европе регулярно проводились чемпионаты мира для гребцов-профессионалов, и эти спортсмены были посильнее многих олимпийских чемпионов тех лет. Матчи Кембридж — Оксфорд подняли результаты любительской гребли, и в конце концов любители превзошли достижения профессионалов. Высокий престиж этих состязаний обязывал к серьезной и целенаправленной подготовке гребцов-любителей. Систему подготовки английских студентов переняли гребцы других стран.

Состязания «синих» и «голубых» в какой-то мере оказали влияние и на советскую греблю. В 1929 году журнал «Физкультура и спорт» учредил приз матча восьмерок и стал его организатором. Первый матч был пробным, соревновались не самые лучшие наши команды. Гонка проходила под лозунгом «Даешь советский Оксфорд—Кембридж», и выиграла ее команда подшипникового завода.

В следующих соревнованиях встретились классные экипажи Москвы и Ленинграда. Шли от Киевского вокзала до нынешних гранитных трибун ЦПКиО имени Горького. Выиграли мои земляки, которых возглавлял Михаил Савримович.

Уже давно потерял свое спортивное значение матч восьмерок Кембридж — Оксфорд. Участвуют в нем далеко не первоклассные команды. Но по-прежнему ранней весной мчатся по Темзе восьмерки «синих» и «голубых», по-прежнему это состязание привлекает много зрителей, и телевидение многих стран показывает ключевые фрагменты матча. Потому что гонка двух английских восьмерок — это сама история академической гребли.

Я — непоколебимый сторонник прогресса, но к некоторым сторонам спорта отношусь консервативно. Убежден, что нельзя легко расставаться с какими-то старыми и традиционными регатами или равнодушно следить за угасанием интереса к ним. Нельзя состязание сводить лишь к выявлению сильнейших, так можно засушить спорт. Должны оставаться и соревнования — праздники, и соревнования — удовольствие. Нужны ли они современному спорту? Очень нужны: такие состязания привлекают массу зрителей, делают спорт популярным.

В довоенные годы стали проводить у нас оригинальные соревнования — эстафетные гонки. Приз учреждала газета «Вечерняя Москва». Трибуны ЦПКиО всегда были заполнены зрителями. Журналисты «Вечерки» делали спецвыпуски своей газеты, целиком посвященные эстафете. Ну, а победителям, по давней традиции, вручали квитанции с годовой подпиской.

Потом эту эстафету стали проводить на акватории Химкинского водохранилища, потом она еще раз поменяла адрес. Зрителей поубавилось, да и участники не проявляли к гонкам прежнего интереса. Стали приурочивать эстафету к различным торжественным датам, вносить изменения, и в итоге эти гонки потеряли всякое значение, и только блистательное прошлое не позволяет окончательно вычеркнуть ее из нашего календаря соревнований.

Любой вид спорта путем естественным и длительным создает свои характерные формы общения, свои нормы поведения, и гребля в этом плане не исключение. Гребцы обычно очень общительные, легко вступающие в приятельские отношения молодые люди. Лично я большую часть своей жизни в сборной провел в зрелом возрасте и поэтому выделял гребцов своего поколения. Особенно поляка Теодора Коцерку и Джона Келли из США.

В свое время у нас много писали о Келли. С ним я соревновался на Играх в Хельсинки, спустя четыре года американец оказался соперником Вячеслава Иванова, и таким образом попал в поле зрения наших журналистов. Но представляли его нередко хвастливым и развязным парнем.

Отправляясь в Мельбурн, Джон Келли пообещал сестре, знаменитой киноактрисе, золотую олимпийскую медаль к свадьбе, но занял в финале третье место. Его бронзовая медаль вызвала бурную реакцию, иронизировала пресса, хотя лично я ничего вызывающего в его обещании не вижу. Шутка, скорее всего, не больше. Келли прекрасно знал силу своих конкурентов и не мог рассчитывать на победу в Мельбурне.

Фамилия «Келли» чрезвычайно популярна в Соединенных Штатах. Джон Келли-старший выиграл в 1920 году золотую олимпийскую медаль на одиночке, на этих же Играх он первенствовал в двойке парной с Полом Костелло. Затем они повторили свой успех на Олимпиаде 1924 года.

На озере Вендури моим соперником в финале на двойках был сын Костелло. Ходили слухи, что в Мельбурне он выступит в паре с Келли-младшим. О, это был бы уникальный экипаж! Но сыновья друзей-чемпионов на Олимпиаде 1956 года гребли в разных лодках, и оба завоевали медали, хотя и не золотые.

Келли-младший запомнился мне, как чрезвычайно серьезный и молчаливый человек: не могу вспомнить и трех случаев, когда он улыбался. Он был бесконечно предан академической гребле, и я всегда считал его большим мастером. Признавал Келли только одиночку, но способностей для этой лодки он, по-моему, не имел. У Келли были превосходные условия для тренировок, он много работал под руководством отца, а удача лишь изредка улыбалась ему. В 1947 году он выступил на знаменитой Хенлейской регате в Англии и выиграл на одиночке приз «Бриллиантовые весла». В следующем сезоне Келли принял участие в Лондонской олимпиаде, считался одним из главных претендентов на золотую медаль, но в предварительной гонке проиграл мгновение уругвайцу Риссо и не попал в финал.

Эта история повторилась спустя четыре года. В олимпийском заливе Мейлахти я лишился возможности Келли выступить в финале. И только с третьей попытки этому упорному человеку удалось завоевать олимпийскую медаль — на Играх в Мельбурне, где американец занял третье место.

Келли с большой симпатией относился к советским гребцам. В этом мы убедились, когда в 1962 году прибыли в Филадельфию на матч с американцами. Джон много внимания уделил нам, устроил фантастически увлекательную загородную прогулку на своем «кадиллаке». Вечером мы были приглашены к нему в дом, где нас очень тепло принимали. Там он посадил мне на колени своего сынишку. Как я узнал позднее, это высший знак дружелюбия в их семье.

В дни подготовки к матчу Келли всячески помогал нам, а когда заметил, что в его эллинге Иванов присмотрел красивую одиночку и не может оторвать от нее тоскующего взора, то разрешил нашему чемпиону выступить на этой чудо-лодке, хотя до этого в нее садился только сам — чем-то она была особенно дорога Джону Келли.

Два дня тренировался Иванов на одиночке Джона, и все дни его неизменно сопровождал полицейский катер. Стоило кому-нибудь из нас приблизиться к Иванову, как местность оглашалась душераздирающей сиреной, и полицейские угрожающе вытягивались в свой огромный рост: все это очень нравилось Иванову, все-таки было в нем много мальчишества.

Расскажу о Коцерке. Выразительный, с рельефными морщинами профиль. Всклощенные рыжевато-волосы. Широкий, легкий шаг и традиционное польское обаяние. Но я знал, что на самом-то деле это невероятно цепкий и способный на уловки гонщик. Мы и приветствовали друг друга только так: «Здравствуй, хитрый Юрка!» — «Здравствуй, хитрый Коцерка!» — и улыбались понимающе: все знали друг о друге. Многих мы были способны провести и в гонке, и в дни подготовки к ней, но ни Коцерка меня, ни я его перехитрить уже не могли.

Польский одиночник был замечательным мастером: олимпийский призер, чемпион Европы, победитель Хенлейской регаты. Его век в спорте пришелся на небывалый и неповторимый доселе расцвет достижений у одиночников. Он шел в финале олимпийской регаты в Хельсинки, но тогда за победу боролись Вуд и я, и польский спортсмен занял третье место.

Потом появились югослав Власич и швейцарец Коломб. Скорости возросли, конкуренция стала жестче, а между тем Коцерка не только не сошел со сцены, но и сумел выиграть в 1955 году чемпионат Европы в Генте.

Следующее испытание оказалось труднее: новое поколение одиночников захватило ключевые позиции — Иванов, Маккензи, фон Ферзен из ФРГ. В 1956 году на озере Вендури польский гребец, который только минувшим летом стал сильнейшим одиночником Старого Света, закончил олимпийскую дистанцию последним.

Теперь вроде бы все, окончательное крушение надежд и планов: Коцерка уже - изрядно истрепал нервы в бесконечных и трудных регатах, чтобы еще раз подняться до результатов молодых и неутомимых соперников. Но ведь это был Коцерка — терпеливый и хитрый. Он не баловень судьбы — великий труженик, боец. Четыре года ждет своего часа, проигрывает и проигрывает, ни одного живительного глотка удачи не получает взамен. И наконец самая главная — олимпийская регата 1960 года дает ему маленький шанс.

В финале почти все поспешили подальше уйти от Иванова и все проиграли на этом, потому что к середине дистанции наш чемпион спокойными сильными гребками добился преимущества. Соперники скисли, безо всякого плана пошли вторую часть дистанции. Только старый и мудрый Коцерка начал гонку в свою силу, вот и появился у него шанс на успех, и он реализовал его: выиграл бронзовую медаль. Повторил Теодор спустя восемь лет высшее спортивное достижение своей молодости, когда в заливе Мейлахти финишировал за мной и Вудом.

Мне было легко и просто с Коцеркой, мы хорошо понимали друг друга. В мастерской я нередко засиживаюсь до глубокой ночи — увлекает работа. И чтобы передохнуть, достаю огромный альбом, подаренный Коцеркой, и разглядываю фотографии минувших регат. Грустно становится иной раз, честное слово. Замечательное это было время, и как ни растрогаться, вспоминая людей, с которыми были связаны лучшие твои годы. И Коцерка тут впереди всех стоит — самый для меня близкий человек в спорте.

Именно с него начался мой разгон в большом" спорте. Коцерка был первым зарубежным гребцом на одиночке, с которым я померился силами. Весной Коцерка приехал в Москву, имея несколько внушительных побед, и никак не ожидал, что проиграет мне гонку. А спустя несколько месяцев я выиграл золотую медаль в Хельсинки.

Сейчас он работает тренером. Готовил гребцов в студенческом клубе «Варшава», потом в сборной Польши. Но ни Коцерка, ни его коллеги не могут подготовить такого же классного одиночника, каким в пятидесятых годах был он сам. Считают, что не хватает молодым силы воли. Одаренные попадались ребята, работали с ними серьезно, но позднее разочаровывались. Характера не хватает его наследникам. Характера истинного одиночника. А такого гонщика иной раз долго ждать приходится. Вот Коцерка и ждет. Работает в поте лица и ждет своего лучшего ученика.

Мервин Вуд, Джон Келли, Теодор Коцерка — это гребцы моего поколения. Все мы давно завершили свой путь в спорте, имена многих из нас ныне известны лишь небольшому кругу старых тренеров, и все же, думаю, наша жизнь в академической гребле имела высокий

смысл не только для нас: в меру своих сил и способностей мы содействовали развитию гребли, показывали высокие для своего времени результаты, оставляя тем самым ориентиры последующим поколениям. Как оно, впрочем, было и до нас, как будет всегда.

В доме Келли я увидел небольшой музей истории академической гребли. Он был устроен рядом с рабочим кабинетом хозяина, и мой бывший соперник с гордостью и трогательным волнением знакомил нас с фотографиями знаменитых гребцов прошлого, вырезками из газет и даже гравюрами.

О многом из увиденного я знал, о чем-то услышал впервые. Скажем, фотография Эрнеста Барри. Помню, эту фотографию мне показал один старый ленинградский гребец. На снимке — встреча Барри после его очередной победы на чемпионате мира среди профессионалов. Он совершает триумфальное шествие по лондонским улицам. Чемпион по гребле шагает в окружении конной полиции: толпы восторженных людей тянутся к нему, бросают цветы. Барри был олицетворением мощи английского спорта: пять раз выигрывал первенства мира среди профессионалов, с 1908 по 1920 год был сильнейшим одиночником своей страны.

Он был так горд своим титулом сильнейшего гребца-профессионала, что отказался от предложений перейти в любители и защищать цвета английской сборной на Олимпийских играх. За него это сделали Харри Блэк-стэф—на Играх 1908 года он выиграл золотую медаль—и спустя четыре года Уильям Кинниар, имя которого было хорошо известно в России благодаря матчам английского чемпиона с Анатолием Переселенцевым и Михаилом Кузиком.

С Эрнестом Барри я встретился в 1953 году на чемпионате Европы в Копенгагене. В суматошные дни последних тренировок ко мне подошел пожилой джентльмен, который, как я заметил, со знанием дела наблюдал за приготовлениями гребцов. Он улыбнулся мне и произнес: «Я Эрнест Барри, не слышали?» На невообразимом эсперанто я объяснил, что, конечно же, мне известно его имя.

Продолжая разговор, он сказал, что ему нравится моя гребля, но такая гребля требует бережного к себе отношения, потому что держится она на мышечных ощущениях и может легко нарушиться. Видно было, что Барри глубоко понимал академическую греблю и очень тонко уловил суть моего стиля.

Он подарил мне на память свою фотографию, она хранится в моем альбоме.

Молодым свойственно несколько иронично относиться к достижениям предшественников. Так и я одно время расценивал результаты старых гребцов. Как-то разгорелся у меня спор с одним специалистом, который доказывал, что в видах спорта с большими традициями прекрасные результаты были и раньше.

Полистали протоколы давних олимпийских регат. Я пожал плечами — да эти же результаты курам на смех! Скажем, в 1904 году победитель олимпийской регаты на одиночке показал 10.08,5, а самая быстроходная лодка — восьмерка с превеликим трудом вышла из 8 минут. Приблизительно такие же результаты были показаны и на следующей Олимпиаде.

Но я напрасно удивлялся. Как выяснилось, на Олимпиаде 1904 года гребцы шли не классические 2000 метров, а две английские мили (3218 метров). Спустя четыре года олимпийская дистанция равнялась 2412 метрам. Результаты гребцов на Олимпиаде 1912 года еще больше запутали наш анализ. Дистанция уже была 2000 метров, но участникам приходилось делать два поворота, а за 300 метров до финиша проходить между сваями моста. Все это снижало скорость лодок, на таких участках вполсилы приходится идти, и, кстати сказать, именно наезд на сваю помешал Михаилу Кузику бороться за выход в финал — разбил лодку и не закончил дистанцию.

Стали искать хорошо известную и стабильную, то есть защищенную от ветра, олимпийскую дистанцию. Нашли. Это канал Босбаан в Амстердаме, где в 1928 году проходила олимпийская регата. Русло канала проложено в глубокой ложине, к тому же густой парк

укрывает ее и от встречных, и от попутных ветров. Взглянули на протоколы, и вот тут-то я ахнул. Чемпион Олимпиады 1928 года знаменитый австралиец Генри Пирс прошел на одиночке 2000 метров за 7.11,0. А американцы Пол Костелло и Мак Илвэйн на двойке парной показали 6.41,4. Результаты в остальных классах судов также были хорошие, но результаты на одиночке и двойке парной просто потрясли. Я даже расстроился немного: как же так, прошло столько времени, а мне, олимпийскому чемпиону на одиночке, всего несколько, раз удавалось показывать результаты в пределах 7.10,0—7.15,0. Да и на двойке мы с Беркутовым только «по праздникам» проходили дистанцию за 6.40,0—6.45,0, причем в идеальных погодных условиях и в прекрасной спортивной форме. А ведь о нас тогда писали как о лучшей парной двойке всех времен.

В 1977 году на Босбаане был проведен чемпионат мира по академической гребле. Там соревновалась моя ученица Аня Кондрашина. Вернувшись, привезла мне протоколы с результатами. Рассказала, что в день финальных заездов погода была преотличная — солнечная, с умеренным попутным ветерком. Снова принялся сравнивать, хотя был глубоко убежден, что нынешнее поколение гребцов, с их легонькими пластиковыми лодками и жесткой системой подготовки, шутя разделяется в заочном споре с олимпийцами 1928 года.

Сравнил и... посочувствовал сегодняшним гребцам. Не сумели они превзойти результаты 1928 года на одиночке и двойке парной. В остальных лодках намного быстрее шли дистанцию, но чемпион мира 1977 года на одиночке Драйфке из ГДР показал 7.12,22, а англичане Белью и Харт на двойке парной — 6.42,83.

Сравнения эти озадачивают. И можно было бы отмахнуться от них, сославшись на все те же погодные условия, дескать, в 1928 году они, видимо, были получше. Возможно. И все равно результаты Пирса и двух американцев вызывают восхищение; на стабильном, без всякого течения Босбаане непросто пройти на одиночке дистанцию за 7.11,0 и на двойке за 6.41,4.

Безусловно, в гребном спорте скорости постоянно увеличивались, и нынешние мастера весла значительно сильнее своих предшественников. Но в старой гребле были одаренные люди, которые своими результатами обгоняли время. Как обогнал его в 1938 году Александр Долгушин, когда на своей тяжелой и ветхой одиночке прошел 2000 метров за 7.15,1. Как обогнал свое время Вячеслав Иванов, когда на чемпионате Европы 1959 года первым в мире вышел на одиночке из тисков 7 минут. Этот результат и поныне снится многим первоклассным гребцам.

ВСЕ ПО-СВОЕМУ И ВСЕ ПРАВИЛЬНО

Летом 1954 года Вячеслав Иванов оттолкнулся от плота и на потрепанном английском клинкере с прозаическим русским названием «Окунь» ушел на старт своей первой гонки. Тогда ему было 16 лет, и дебютировал он на чемпионате Москвы среди гребцов второго и третьего разряда: гонки эти собирали в основном новичков.

Спустя два года — в один сезон — Иванов становится чемпионом Спартакиады народов СССР, выигрывает чемпионат Европы в Югославии и, наконец, олимпийский финал в Мельбурне. И тогда, и позднее журналисты, которые брались писать об Иванове, неизменно оказывались в затруднительном положении, когда выясняли, что путь этого человека к золотой олимпийской медали исчислялся всего лишь тремя годами подготовки. И никаких при этом конфликтов или неудач, которые могли бы стать стержнем очерка.

Больше скажу, даже и эти три года тренировки Иванова не носили целенаправленный характер. Был период, когда он увлекся боксом и провел на ринге несколько боев. Потом в одно прекрасное летнее утро укатил отдыхать в деревню. И тем не менее в 1956 году он превзошел лучших гребцов мира — стал олимпийским чемпионом.

С момента появления Иванова в нашей гребле и едва ли не до заключительной стадии его сказочной спортивной карьеры я был его постоянным соперником на одиночке. Мы садились с Александром Беркутовым в двойку лишь накануне главных соревнований

сезона — такая у нас была договоренность. Все остальные гонки проводили на одиночках. Так что я имел возможность хорошо узнать Иванова и могу сказать, что более одаренного гребца мне видеть не приходилось.

В мировой академической гребле Иванов занимает особое место. И до него были гребцы, которые не раз выигрывали олимпийские регаты. Скажем, англичанин Джек Бересфорд соревновался на пяти Олимпиадах и завоевал в разных лодках три золотые и две бронзовые медали. Американцы Джон Келли и Пол Костелло трижды выигрывали Олимпиады. И все же как гребцы на одиночках они уступают Иванову, поскольку все три победы на Олимпиадах он одержал именно в этой лодке, а это не удавалось никому.

Причем побеждал Иванов в период наивысшего расцвета гребли в классе одиночек. Его первыми соперниками были Стюард Маккензи, Джон Келли-младший, Теодор Коцерка. Потом — западногерманский гребец фон Ферзен, американец Дон Сперо, аргентинец Альберто Демиди, Иоахим Хилл из ГДР. Все они очень сильные одиночники, завоевавшие большую популярность, все они претендовали на золотые медали на олимпийских регатах, но все они были побеждены им.

Особый интерес вызвало его соперничество с Маккензи. Австралийский гребец был наиболее стойким и опасным соперником Иванова. После поражения на Олимпиаде в Мельбурне он дал слово выиграть следующие Игры, и казалось, что так и будет. В 1957 году он во второй раз встретился с Ивановым — на сей раз на Хенлейской регате в Англии, выиграл финал, и с того дня у него началась длительная серия счастливых стартов. В 1957 и 1958 годах Маккензи финишировал первым на открытых чемпионатах Европы, был сильнейшим на других международных регатах.

Он побеждал не только легко, он дразнил Иванова, наказывая и наказывая за свое жестокое поражение на олимпийском озере Вендури. На дистанции он подпускал Иванова вплотную к своей лодке, а затем стремительно уходил вперед. На финише преимущество австралийца было подавляющим.

Это было черное время для Иванова. Еще вчера он — талантливый и самый сильный гребец, всеобщий любимец и баловень, сегодня стал мальчиком для битья, вызывающим лишь разочарование и сочувствие. Но потихоньку он выбрался из беды, много поработал с новым тренером и для начала в блестящем стиле выиграл в 1959 году первенство Европы. Спустя год — вторую золотую олимпийскую медаль. Но в этой регате Маккензи не участвовал. Он расстался со своей птицеводческой фермой в Австралии, переехал в Англию, был принят в университет. Незадолго до Олимпиады 1960 года ему сделали операцию, вынужденный перерыв в тренировках он заполнил устройством личных дел, и после того, как Иванов выиграл на озере Альбано олимпийскую медаль, Маккензи вместе с поздравлениями послал ему и приглашение на свадьбу.

Недавние успехи Маккензи были столь впечатляющими, что его отсутствие на олимпийской регате 1960 года несколько приуменьшило блеск второй медали Иванова. Все ждали новой встречи двух знаменитых одиночников. Маккензи приступил к тренировкам и в 1962 году принял решение выйти на старт. Место поединка — швейцарское озеро Люцерн, где должен был пройти первый чемпионат мира по академической гребле.

Выиграл Иванов, и уже никогда больше не видели Маккензи в лодке. Позднее он вообще отошел от спорта, перестал даже бывать на гребных соревнованиях. Но свой след в нашем виде спорта он оставил. Это был великолепный мастер. Как человек он был склонен к экстравагантным, а порой и вызывающим поступкам. Всегда уверенный в своих силах, Маккензи позволял себе перед ответственным соревнованием проводить время на пляже. Иной раз прибывал к месту старта в роскошном автомобиле, наспех переодевался — и в лодку. Однажды не успел переодеться и вышел на старт международной регаты в ночной сорочке, чем привел в неописуемое негодование арбитров.

Во всем этом, разумеется, было немало пижонства", но верно и то, что многих соперников выбивал из равновесия своей самоуверенностью.

Мне доводилось соревноваться с многими знаменитыми гонщиками. Ко всем я относился с уважением, выходил на состязания с ними без всякого опасения. Знал, что и у меня есть шансы на победу. Иное дело, когда я шел дистанцию против Иванова. Он действовал на меня угнетающе. Это было что-то вроде гипноза. Я мог идти впереди него с запасом в три-четыре корпуса лодки — огромное преимущество, — но я знал, что в гонке с Ивановым оно не гарантирует победу. Ближе к финишу он примется за дело всерьез, сначала его лодка будет скользить рядышком, а затем уйдет вперед. Именно тем и заканчивалось. В 1956 году я впервые проиграл Иванову и позднее ни разу не сумел взять у него реванша. Мне мешала мысль о его непобедимости, очень высоким был его авторитет.

Больше скажу, я прекрасно видел уязвимые места Иванова. Никогда не считал его стиль безупречным, но это мне не помогало. Правда, когда его пытались переучивать, ставить классические движения, то эффект неизменно был отрицательным. В олимпийском сезоне 1964 года Иванов еще раз попытался изменить свою технику, и опять это не принесло ему пользы. Это лето вообще было не лучшим для чемпиона, он тяжело шел, не чувствовалось в нем прежнего азарта и свежести.

В полуфинале олимпийской регаты в Токио Иванов начисто проиграл Дону Сперо из США. Причем проиграл настолько безнадежно, что специалисты решили — за победу будут бороться только Сперо и Хилл.

Олимпийский чемпион 1968 года Анатолий Сасс на Играх в Токио был запасным, видел всю финальную гонку одиночников на канале. Тогда и рассказывал, что уже само появление Иванова на старте вывело из равновесия некоторых его соперников. Дон Сперо был неузнаваем в этой гонке, вяло шел дистанцию, не проявил инициативы, всю дистанцию на Иванова и Хилла поглядывал. А вот гребец из ГДР долгое время держался молодцом, прекрасную имел позицию на последней трети дистанции, выигрывал у Иванова около 8 секунд.

Но не сумел выстоять и Хилл. В самый критический момент гонки Иванов перешел к своей былой своеобразной гребле, все отбросил, что ему навязали в последние месяцы, и погнал лодку к финишу. Хилл попытался принять рывок, но в суматохе поймал «леща» — весло слишком глубоко ушло в воду, и спустя какие-то мгновения Иванов уже шел впереди. Так он выиграл третью золотую олимпийскую медаль.

Одно время Иванов демонстрировал абсолютное равнодушие к подготовке соперников, их замыслам. Говорил: «Пусть моими делами интересуются, пусть тратят на это время и нервы. Не на берегу же все решается, а в гонке, а уж там я придумаю что-нибудь».

Я сам присутствовал при том, как однажды на чемпионате Европы Иванов только за несколько минут до старта узнал фамилии своих соперников по финальному заезду. Да и то не сам поинтересовался, а кто-то из тренеров дал ему стартовый протокол. Полистал его рассеянно наш чемпион и, никак не прореагировав, вернул. Отправился на старт. Выиграл.

Иванов больше своими олимпийскими подвигами известен. А ведь он очень долго был нашим единственным чемпионом мира по гребле. Одержал четыре победы на европейских первенствах. Одиннадцать раз выигрывал чемпионаты страны на одиночке, а в 1962 году — на двойке парной.

В этой гонке мы были партнерами, и наше совместное выступление ассоциируется у меня со страшной суматохой. Занятый своими делами; Иванов задержался в Москве — с ним и я. К месту проведения чемпионата помчались ночью на машине, и пока один из нас спал, другой сидел за рулем. Было много осложнений, я беспокоился за лодку — ее также в авральном порядке везли нам московские тренеры.

Словом, на нервничался я на этом чемпионате. Несерьезная какая-то была подготовка к нему. Но все это, заметил я, не беспокоило Иванова, это была его стихия — вечная спешка, всевозможные неурядицы и... неизменно благополучный исход. Так закончился для нас и чемпионат страны 1962 года. И хотя до состязаний на двойке Иванов выступал на одиночке, а после финиша, оступившись на берегу, до крови разбил ногу, в мою лодку он

сел в прекрасном расположении духа. На пути к старту едва успели поделиться своими соображениями о тактическом плане гонки.

*Вячеслав ИВАНОВ (справа)
поздравляет нового чемпиона СССР в 1х,
Виктора МЕЛЬНИКОВА с победой. Москва. 1968 год*

В целом же у него был неустойчивый, я бы даже сказал, несколько капризный характер, как ни странно это звучит по отношению к трехкратному олимпийскому чемпиону, который должен иметь иные качества. Но я глубоко убежден, что в психологическом плане Иванов был чрезвычайно уязвимым человеком.

На этом, кстати сказать, и сыграл в свое время Маккензи. В 1958 году в швейцарской газете было опубликовано интервью с австралийским гребцом, который говорил, что понять и победить Иванова ему помогли шахматы. Как-то они уселись за шахматную доску, и Маккензи с удивлением обнаружил, что его соперник совершенно не может играть вдумчиво и терпеливо. Только жертвы и кавалерийские атаки вдохновляли Иванова, когда же сложилась «скучная» позиция, то наш чемпион, не доиграв, поднялся и ушел.

После этого Маккензи душу выматывал Иванову мерной погоней, не позволял ему воспользоваться природными скоростными качествами и выигрывал. Иванов всегда избегал постоянных усилий. Он и на тренировках не особенно утруждал себя. Только незадолго до главных регат брался за дело всерьез. Уезжал в подмосковное Хлебниково — на природу, и там в две-три недели подводил себя к наилучшей спортивной форме.

Человек нетерпеливый и азартный, Иванов одновременно обладал поразительной способностью мобилизоваться в критической ситуации. Это качество он проявил и в затянувшейся борьбе с Маккензи. Поражения заставили его более серьезно относиться к подготовке, он сумел довольно быстро поднять свои результаты, которые оказались недостижимыми для его соперников.

Первым тренером Иванова был Игорь Янович Демьянов. Он многое дал Иванову. Поставил ему своеобразный гребок, развил в ученике природную резкость. Тренируя Иванова, Демьянов продолжал принимать участие в соревнованиях, они даже нередко были соперниками, пока в один прекрасный день Игорь Янович не понял, что его время в спорте миновало — ученик шел дистанцию неизмеримо сильнее учителя.

Под руководством Демьянова Иванов выиграл свою первую Олимпиаду. Позднее Иванов перешел в ЦСК ВМФ и его новым тренером стал Аркадий Николаевич Николаев. Бывший лыжник, чемпион страны в эстафете, Николаев помог Иванову усилить общефизическую подготовку. Был он и прекрасным психологом, и в том, что Иванов сумел преодолеть «комплекс Маккензи», немалая заслуга его нового наставника. Николаев не донимал своего ученика нудными нотациями, больше на шутку полагался, понимая, что брать в жесткие тиски эту стихийную натуру бессмысленно и невозможно.

Позднее они разошлись, и именно Николаев подготовил одиночника, который закрыл Иванову дорогу в Мехико. Правда, сомнения по поводу кандидатуры одиночника у тренеров сборной были немалые, тем более что в дни подготовки к олимпийским стартам Иванов выиграл тренировочную гонку у нескольких сильных зарубежных гребцов. Но на последнем тренерском вече Николаев дал слово, что его ученик Виктор Мельников непременно выиграет золотую олимпийскую медаль. Это и решило спор.

Увы, суровое олимпийское испытание оказалось для Мельникова непосильным, он даже не пробился в финал. Впрочем, дело не только в результате. Очень уж вяло соревновался Мельников на канале Сочимилко, не проявил себя бойцом. Как видим, превосходная интуиция тренера Николаева дала осечку.

В Мехико президент ФИСА Томас Келлер предложил своему любимцу Иванову выступить вне конкурса в финальном заезде одиночников. Велики были заслуги Иванова в гребле, и Келлер хотел воздать особые почести выдающемуся одиночнику. Жаль, что Иванову не дали выступить в финале. Всего один представитель выразил свое несогласие с предложением президента ФИСА, но этого было достаточно.

Вскоре трехкратный олимпийский чемпион принял решение уйти из спорта. Его проводили тепло — Иванова очень любили. В его честь был дан небольшой салют И кто-то, выступая, сказал, что сейчас наш спорт прощается с чемпионом, который рождается раз в сто лет. Возможно, это преувеличение. А там кто знает? Пока что в мировой академической гребле не видно такого же своеобразного и могучего спортсмена.

СЧАСТЛИВЫЕ ЛИНИИ

Вот уже на шести олимпийских регатах соревновались советские гребцы. На академических лодках они одержали 11 побед. На байдарках и каноэ — 23. В неофициальных командных зачетах наши сборные по гребле справедливо считаются одними из самых стабильных.

Они всегда были среди лидеров мировой академической гребли. Советская сборная на академических судах один раз была первой в командном зачете, четыре раза — второй, один раз — третьей, и только на Играх 1968 года не сумела занять призового места. На олимпийском канале Сочимилко советские гребцы-академисты имели в командном зачете четвертый результат.

Еще более высокие достижения демонстрировали на Олимпийских играх наши байдарочники и каноисты. Четыре раза они одерживали командные победы, дважды занимали вторые места. Причем особенно сильно советские байдарочники и каноисты выступили на олимпийских регатах в Мюнхене (1972 г.) и Монреале (1976г.). На этих соревнованиях они одержали шесть побед в финальных гонках и с большим преимуществом первенствовали в командном зачете.

Конечно, не только победные гимны звучали после выступлений наших гребцов на олимпийских трассах. Для сборной команды байдарочников и каноистов очень тяжело сложились Игры в Токио и Мехико. К тому времени сильно возросла популярность этого вида спорта, и если в 1952 году на олимпийской дистанции выступила 21 национальная сборная байдарочников и каноистов, то на Играх в Токио и Мехико их было соответственно 27 и 29. Возросла конкуренция. Возросла цена каждой медали, каждого очка в командной борьбе, и поэтому даже отдельные неудачи резко снижали результаты сборной.

*Чемпионы Олимпийских игр 1976 года на байдарке-двойке
С.Нагорный (слева) и В.Романовский (справа)*

На Олимпиаде 1964 года в Токио слабо выступили наши мужчины на байдарках. Правда, на четверке они завоевали золотые медали, но в заездах на одиночках и двойках не сумели войти в число шести сильнейших. Это и предопределило судьбу командной борьбы. На Играх в Токио советская сборная байдарочников и каноистов уступила гребцам ФРГ и ГДР, которые выступали тогда объединенной командой (ОГК).

Спустя четыре года нашу сборную подвели мужчины-каноисты: они сумели завоевать лишь две бронзовые медали. Лидерами гребли на байдарках и каноэ стали в 1968 году спортсмены Венгрии. Эти уроки не прошли бесследно для наших тренеров, и позднее немало усилий было положено на то, чтобы улучшить подготовку во всех классах судов, создать сборную команду страны без уязвимых звеньев.

Олимпийская регата в Токио могла стать для советских гребцов на академических лодках одной из самых успешных. При благоприятном стечении обстоятельств наши спортсмены могли бы превзойти достижения Олимпиады 1960 года. Но в Токио фортуна была немилостива к нашей сборной, что и не позволило ей отстоять свое лидирующее положение.

На Играх в Токио советские гребцы на академических лодках приняли участие в пяти финальных заездах из семи. Причем потенциально все наши гребцы имели шансы бороться за высшие олимпийские награды. Но так получилось, что победы добились лишь Вячеслав Иванов на одиночке и на двойке парной Олег Тюрин и Борис Дубровский. В остальных заездах советские экипажи не заняли ни одного призового места.

На двойке с рулевым Леонид Раковщик и Николай Сафронов легко миновали сито отборочных заездов, показали лучший результат дня. А в финале поспешили форсировать события, очень много сил отдали на первой половине дистанции, и на последней «пятисотке» наступила расплата. Я видел киноленту этой гонки. На экране показался щит с отметкой 1750 метров, на этом финишном отрезке Раковщик и Сафронов еще шли впереди. А потом, совершенно выбившись из сил, наши гребцы в какие-то несколько секунд пропустили три лодки. В полном беспомоществе закончили они дистанцию. Спустя год Раковщик и Сафронов выиграли на двойке с рулевым первенство Европы, доказав тем

самым, что они сильны и на олимпийском канале То да им помешала отличиться тактическая ошибка.

В двух других наших командах — восьмерке и четверке распашной с рулевым — оказались больные спортсмены. В результате обе прекрасно подготовленные, волевые команды с трудом закончили дистанцию, и ни о каких медалях в такой ситуации не могло быть и речи.

Особенно высоки были шансы у четверки с загребным Владимиром Евсеевым. Летом 1964 года этот экипаж выступал с небывалой силой. На Большой Московской регате четверо московских инженеров прошли сложную, открытую всем ветрам дистанцию на Химкинском водохранилище с замечательным и по нынешним временам результатом — 6.23,4. Второе место с отставанием в 13 секунд заняли спортсмены ГДР.

Спустя месяц москвичи выступили на чемпионате Европы и опять победили с большим преимуществом. После этого некоторые их соперники поспешили пересечь в другие лодки, поскольку было ясно, что на олимпийской регате советский экипаж будет вне конкуренции. Увы, гонки на канале То да проходили в сырую, дождливую погоду, заболели гребцы во многих командах. Простудился и член нашего экипажа; москвичи заняли лишь пятое место.

Наши неудачи на следующей Олимпиаде не были связаны с досадными случайностями. На Играх в Мехико сборная советских гребцов на академических лодках заняла четвертое место из-за методического просчета тренеров. Очень уж поторопились тогда с подведением команд к наилучшей спортивной форме. Это позволило нашим гребцам прекрасно выступать на второстепенных регатах, но осенью на канале Сочимилко многие выглядели уставшими. В Мехико единственную победу одержали на двойке парной Анатолий Сасс и Александр Тимошинин, они не спешили форсировать подготовку, проиграли первое отборочное соревнование, но на олимпийской регате гребли с азартом, демонстрируя энергию и свежесть.

На Играх 1972 года в Мюнхене советские гребцы выступили значительно сильнее. Гребцы-академисты приняли участие в шести финальных заездах, в двух — одиночке и двойке парной — завоевали золотые олимпийские медали. И хотя в командном зачете уступили сборной ГДР, конкуренцию лидерам мировой академической гребли наши гребцы оказали серьезную.

В шести заездах на олимпийском канале Фельдмохинг первенствовали наши байдарочники и каноисты. Приблизительно с такими же результатами обе эти сборные выступили и в Монреале.

В целом авторитет нашего гребного спорта высок. За время участия в шести олимпийских регатах советские гребцы внесли немалый вклад в развитие мировой гребли.

Любой тип лодок дает гребцам абсолютно равные шансы. Гребля справедливо считается одним из самых объективных видов спорта: ни арбитры, ни зрители не могут существенным образом повлиять на результаты. И вместе с тем и раньше и теперь любая ведущая гребная держава имеет какие-то свои любимые и выигрышные лодки.

Скажем, румынская сборная всегда отличалась сильными каноистами. Особенно известны Иван Пацайкин и Сергей Ковалев, которые на каноэ-двойке выиграли в 1968 году олимпийскую регату в Мехико, а спустя четыре года завоевали в Мюнхене серебряные медали. Основу румынской сборной составляют гребцы из придунайских сел уезда Тулча. В старину сюда пришли казаки, основали свои поселения, а ныне их правнуки с успехом занимаются гребным спортом. Олимпийский чемпион Василе Дибба, чемпион Европы Андрей Игорев, Поликарп Малыхин, Хараламбие Иванов в разные годы с успехом защищали цвета сборной Румынии.

В академической гребле долгое время лидерами были английские спортсмены. Но наиболее успешно они выступали на четверках без рулевого: в этом классе судов они одержали

четыре победы подряд на Олимпиадах 1908, 1924, 1928 и 1932 годов. Сейчас лидерство перешло к гребцам ГДР: на четверках без рулевого они выиграли три последние Олимпиады. Правда, на чемпионате мира 1978 года признанным фаворитам серьезную конкуренцию составили гребцы ЦСК ВМФ, и на финише наш "экипаж сумел выиграть мгновение. Второе место в классе четверок без рулевого озадачило тренеров ГДР, и можно не сомневаться, что они постараются подготовить более сильную команду к олимпийской регате в Москве.

Природа возникновения счастливых линий таинственна. Ровно как и пересечение их неудачами. Длительную серию побед американских гребцов на восьмерке одно время объясняли их завидными физическими данными. В гонках на «линкорах» большой рост имеет немалое значение, а рослых молодых людей в США много, и, дескать, поэтому они всегда будут первыми в этом классе судов.

С этим не согласился западногерманский тренер Карл Адам. Он подготовил великолепную команду, которая выиграла в 1960 году финальный заезд восьмерок. После этого борьба в этом классе судов шла с переменным успехом. На Олимпиаде в Токио американцы сумели взять реванш. Но в Мехико Карл Адам привез новую и очень сильную восьмерку, которая и выиграла олимпийскую регату на канале Сочимилко.

Карл Адам был очень своеобразным тренером и человеком. Молчаливый и даже несколько угрюмый, он пользовался огромным авторитетом среди своих учеников. Сам Адам никогда не занимался греблей, был метателем молота и профессиональным боксером. Но он свято верил, что в самых различных видах спорта можно найти много общего.

Свои команды он готовил исподволь, комплектовал восьмерку новичками. Популярность Адама обеспечивала ему приток самых способных гребцов ФРГ. В Ратцебург, где он работал, приезжали тренироваться из разных городов страны. Всех новичков Адам сажал в одиночки и просил пройти 500—600 метров в максимально высоком темпе. В этой лодке, считал Адам, особенно ярко проявляются как недостатки, так и сильные качества молодого гребца.

Из большой группы претендентов он оставлял человек десять-двадцать. Каждому давал персональный тренировочный план, после чего гребцы разъезжались по домам. Субботу и воскресенье они обязаны были провести в Ратцебурге, где Карл Адам проверял, как ученики справились с «домашними заданиями», тренировал их на восьмерке.

После Олимпиады в Мехико я встретил Адама на Большой московской регате. Он жаловался на козни своих коллег, которые лишили его возможности работать с лучшей восьмеркой ФРГ. У Адама действительно было немало сложностей и в своем клубе, и в национальной сборной. Многих западногерманских тренеров по гребле раздражал тяжелый нрав Адама, его стремление любой ценой добиваться выигрыша на восьмерке. Он забирал у коллег многих перспективных учеников.

В 1970 году Адам ушел из гребли. Математик по образованию, он начал печатать в солидных изданиях статьи по социологии. Но без него восьмерка ФРГ выступала слабо, и Адама вновь пригласили в сборную. Он стал готовить команду к Олимпийским играм 1972 года в Мюнхене. Как всегда, он сделал ставку на молодежь. Как всегда, применил жесткий метод подготовки.

Но на сей раз Адам не сумел создать классной восьмерки. На олимпийском канале Фельдмохинг его ученики, к великому огорчению зрителей, заняли пятое место. Раздосадованный этим результатом, Адам имел неосторожность сказать журналистам, что столь крупную неудачу он объясняет неудобными веслами своей команды. Его заявление вызвало в печати град насмешек. Вскоре было объявлено об отставке Адама. Больше он в греблю не вернулся.

Что же все-таки позволяет долго, иногда на протяжении десятков лет сохранять счастливую линию в той или иной лодке? Не берусь утверждать, что мое предположение непогрешимо, но лично я вижу тут влияние все тех же традиций, которые закладываются выдающимися спортсменами.

Скажем, в гребле на академических одиночках советские спортсмены завоевали пять золотых олимпийских медалей. А разгон советских гребцов на одиночках я связываю с успехами Александра Долгушина, который добился замечательных результатов в этой лодке.

В 1952 году я выиграл на одиночке золотую олимпийскую медаль. Потом пришло время Вячеслава Иванова, который побеждал на трех Олимпиадах подряд. После его ухода из гребли мы долго ждали пятой олимпийской медали на одиночке.

Под впечатлением подвигов Иванова тренеры искали такого же рослого, редкостно одаренного гребца, способного в один-два сезона войти в большой спорт. Между тем время бежало, и, ко всеобщей досаде, поиски достойного наследника успеха не приносили.

Комплекцией они соответствовали образу идеального одиночника, да только за внушительную фигуру и способности медали в гребле не дают. Проигрывали наследники на международных регатах, где полновластным хозяином чувствовал себя аргентинец Альберто Демиди — человек с профилем Данте, несколько тяжелым, скрытным характером и огромным соревновательным стажем. Демиди выступал еще на Олимпиаде 1964 года, правда, без особого успеха.

Все же мы дождались пятой медали. Выиграл ее Юрий Малышев из подмосковного города Химки. Путь его к победе был тяжелым и долгим. Сначала боролся лишь за места в финалах различных регат, потом стал приближаться к результатам призеров. Но это получалось у него от случая к случаю и всегда ценой предельного напряжения.

Еще на чемпионате мира 1970 года в Канаде Малышев мог завоевать бронзовую медаль. Но арбитр финала дал Малышеву знак вырулить свою лодку на середину дорожки. Рассказывают, что этого совершенно не нужно было делать: наш чемпион никому не мешал, а главное, лодки уже скользили в зоне трибун, и вот-вот должна была начаться «раздача призов». Ни один искушенный в таких ситуациях гонщик и ухом бы не повел на указание арбитра, а Малышев кивнул и сделал несколько лишних гребков: вот и простился с надеждами на призовое место.

У него вообще не было присущей одиночникам хитрецы, об этом свидетельствовали и выводы врача-психолога борной команды страны, который прежде всего выделил в Малышеве прямоту и доверчивость. Иной гребец чисто проиграет гонку, а выйдет на берег и такое нагородит, что хоть к главному арбитру беги и требуй повторения заезда. Малышев же никогда не пытался оправдываться, говорил, что соперники были сильнее и надо еще работать и думать.

Сдержанность, нежелание быть на виду долгое время снижали популярность этого спортсмена, его авторитет, хотя Малышев стал представлять уже немалую силу. Он и

внешне не выделялся: при росте 179 сантиметров весил 77 килограммов, для гребцов последней формации — это посредственные физические данные.

Наивысших результатов Малышев добился в олимпийское лето 1972 года. Позади были суровые испытания, неудачи и новые попытки, они обернулись для него ощущением силы, он пришел-таки к мягкому и такому экономному гребку, что, казалось, ни одна капля воды не пропадает зря, все в проводку весел идет.

В предварительной гонке Малышев показал лучшее время дня, и впервые Альберто Демиди обеспокоенно взглянул на него. Олимпийская регата многое значила для аргентинца, после нее он намеревался уйти из спорта. Он все познал в гребле, стал чемпионом мира, и только золотой олимпийской медали не хватало ему.

Демиди прекрасно знал основных конкурентов — Гюльденпфеннига из ГДР, швейцарца Бюргина, который в двойке парной имел титул чемпиона мира, Хильда из ФРГ. Знал и нашего одиночника. Считал, что прибавить, конечно, Малышев может в скорости, но не настолько, чтобы встать по классу рядом с ним.

За день до начала регаты тренер Сиротинский вместе с запасными гребцами налаживал лодку Малышева, которого отпустил отдохнуть в олимпийскую деревню. Подошел Гюльденпфенниг и другие гребцы. Взглянули на запасных, поинтересовались, кто же будет выступать на одиночке? Они решили, что Малышев, видимо, не выдержал конкуренции на Всесоюзных соревнованиях, нашелся более сильный гребец.

Тренер Сиротинский отшутился: «Мне доверили идти на одиночке, хорошую задам вам трепку». Мимо катил на велосипеде Демиди, мельком и без особого интереса взглянул на оживленную группу, поехал дальше. Похоже, ему было безразлично, кто именно из советских гребцов окажется его соперником, не убедительно соревнуются они на регатах последних лет.

И вот великолепный результат Малышева в первой отборочной гонке. Но, быть может, это эпизод или погода благоприятствовала советскому одиночнику? В полуфинале Демиди показывает лучшее время, а все же тревога не покидает его. Он шел дистанцию с большим напряжением, тогда как Малышев едва ли не шутя, и теперь Демиди окончательно убеждается, что именно этот невысокий, светловолосый гонщик будет самым опасным конкурентом в решающей гонке.

За минуту-другую до старта арбитры и тренеры шестерых участников финала собрались в автобусе, который по специальной дорожке сопровождал заезд. Чтобы как-то разрядить обстановку, главный арбитр, улыбаясь, предложил шутливое пари: кто же все-таки станет сильнейшим на одиночке? Все кивнули на Демиди, который поодаль заканчивал разминку. Только тренер Сиротинский проворчал: «Не быть этому, мой ученик выиграет».

В этой гонке Малышев шел дистанцию на 3—4 гребка реже любого финалиста. Поразительно! Ведь соперники были значительно выше его ростом, и Малышеву вроде бы следовало полагаться на темп, частить и частить веслами. А он мягко и не спеша катит на «банке» к уключинам, подчеркнуто аккуратно делает захват и проводку. И его лодка спокойно и мягко выходит вперед, и только Демиди, в горошинах пота и багровых пятнах волнения, устремляется следом за лидером.

В этой гонке Малышев проявил себя зрелым гонщиком. Он знал оружие аргентинца — короткий и мощный рывок на финише, и поэтому решил постоянным и ровным давлением отбирать силы у чемпиона мира, и когда Демиди пытался передохнуть и снижал силу гребков, то немедленно отставание увеличивалось. А все же это был Демиди — человек редкой стойкости, в зоне трибун он попытался совершить свой отчаянный рывок, но не было в этих последних гребках былой остроты и силы. Вплотную приблизился аргентинец к лодке Малышева и большего сделать не мог. Это были горькие минуты для Демиди. Он стоял на плоту для награждения с низко опущенной головой, пряча слезы. Что поделаешь, в спорте победа одного всегда означает драму остальных.

После Малышева сильнейшим одиночником страны стал Витаутас Буткус. В 1973 году на последнем открытом чемпионате Европы в Москве он имел возможность выиграть финальную гонку, но в районе финиша его дорожка особенно сильно продувалась сквозняком, и энергичным ускорением гребца из Каунаса обошел западногерманский одиночник Петер Кольбе, огромного роста и несколько экстравагантного поведения парень. Позднее он то расставался с греблей, то возвращался, но всякий раз длительные перерывы не мешали ему вернуть хорошую тренированность: на Олимпиаде 1976 года Кольбе завоевал серебряную медаль, а спустя два года он выиграл первенство мира в Новой Зеландии.

Сам же Буткус не был особенно привязан к одиночке, стал выступать в командах. Сейчас у нас выделяется Николай Довгань из Киева. В большой спорт он вошел легко и быстро. Выиграл первенство мира среди юниоров, сразу же после этого — взрослый чемпион страны. Повезли на международную регату, и там Довгань проявил себя молодцом, выиграл едва ли не у всех сильнейших одиночников мира. Пошли разговоры, дескать, смотрите, какие темпы у этого молодого человека, похоже, дождался второго Иванова. Увы, позднее одиночка Довганя забуксовала. Он сумел завоевать две бронзовые медали на чемпионатах мира. Но в этом классе только победы могут принести нам удовлетворение, а их как раз и нет. Довгань, судя по всему, человек упорный, есть надежда и на других одиночников.

Это все разговор об академической гребле, о традиционно сильном ее звене. Но есть чем гордиться и нашим мастерам на байдарках и каноэ. На последних олимпийских регатах «эскадра» главного тренера сборной Александра Павловича Силаева выступает очень сильно.

Традиционно не везло нашим гребцам на каноэ-одиночке. Силаев сам был в шаге от золотой олимпийской медали, когда в 1960 году соревновался с венгром Яношем Парти и когда после финиша суматоха поднялась в трехэтажном деревянном павильоне для арбитров. Никак не могли определить сильнейшего, и только фотофиниш отдал золотую медаль венгерскому каноисту.

После серебряной олимпийской медали, завоеванной Александром Силаевым, никому из его наследников не удалось хотя бы повторить этот результат: на олимпийских регатах в Токио и Мехико наши каноисты завоевали бронзовые медали, в Мюнхене вообще остались без наград.

Чемпионаты мира и Европы выигрывали, а на Олимпиадах — нет. Во всех классах судов имели олимпийские победы советские байдарочники и каноисты, кроме этой верткой и самой маленькой лодки.

И пришла долгожданная победа не к зрелому, с большим авторитетом и славой гонщику, одержал ее новобранец сборной команды, 19-летний Александр Рогов из подмосковной деревеньки Путилково, который в 1976 году мог на пальцах одной руки пересчитать солидные регаты, в которых он принимал участие.

Начинал он в гребле без особого блеска. Случалось, выигрывал в разряде юношей, случалось, проигрывал. Все, как у многих его сверстников. Способности у Рогова были замечательные, но необходимы условия для их раскрытия, а как раз целенаправленной и жесткой подготовки он не имел. До того дня, пока не попался на глаза спартаковскому тренеру Вячеславу Малюкову.

Уже на берегу Рогов сумел произвести благоприятное впечатление на тренера — прекрасный рост у юноши, длинные выносливые мышцы. И в характере — серьезном и сдержанном — Малюков нашел все то, что необходимо классному каноисту.

В период комплектования олимпийской сборной 1976 года Рогов имел всего два многообещающих результата — победы на Кубке СССР и на регате в Англии. У него не было большого авторитета в международной гребле, и его успех на Олимпиаде в Монреале оказался неожиданным для многих зарубежных специалистов.

*Первый Олимпийский чемпион на каноэ-одиночке
Александр РОГОВ*

Гонка на каноэ-одиночке вызвала огромный интерес у канадцев. В финале шел их соотечественник Джон Вуд, он имел превосходные шансы на золотую медаль, и в день решающей гонки толпы зрителей спешили на трибуны гребного канала, расположенного на островке Норд-Дам. Неслыханно упорным было состязание каноистов, всего какие-то сотые доли секунды разделили на финише Рогова и Вуда, но первым пересек створ наш каноист. Так было вознаграждено упорство тренеров, которые никак не желали смириться с печальной традицией в этом классе судов.

*Андрей ХОМИЧ и Степан ОЩЕПКОВ
чемпионы Олимпийских игр на каноэ двойке
1964 г. Токийская Олимпиада*

Другое дело — наши достижения в каноэ-двойке. Советские гребцы выиграли в этом классе судов на пяти Олимпиадах. Начало было положено Павлом Хариным и Грацианом Ботевым. Они стали олимпийскими чемпионами в 1956 году. На Играх в Риме победили Леонид Гейштор и Сергей Макаренко, а в Токио — Андрей Химич и Степан Ощепков.

В Мехико на олимпийском канале Сочимилко золотые медали выиграли румынские гребцы, но спустя четыре года в Мюнхене советский экипаж восстановил наш престиж в этом

классе судов, стал олимпийским чемпионом. В Монреале каноисты соревновались на двух дистанциях — 500 и 1000 метров. Сергей Петренко и Александр Виноградов выиграли оба финала.

А результаты на байдарке-четверке! В 1964 году состязания на этой лодке были включены в программу Олимпийских игр, и первые золотые медали выиграли наши мастера: Николай Чужиков, Анатолий Гришин, Вячеслав Ионов, Владимир Морозов. Спустя четыре года они также были основными претендентами на победу, но в финале лопнул трос руля, и экипаж был вынужден сойти с дистанции. Зато в Мюнхене и Монреале советские гребцы на байдарке-четверке завоевали титулы олимпийских чемпионов. В составе команды-победительницы 1964 и 1972 годов был киевлянин Владимир Морозов, который, помимо

этих двух золотых медалей, еще одну золотую олимпийскую медаль выиграл в 1968 году, выступая на байдарке-двойке.

Замечательные достижения связаны у нас с женской байдаркой-одиночкой. Столько судеб тут переплетено, сколько знаменательных вех!

Все началось с Елизаветы Дементьевой. На Олимпиаде 1956 года она выиграла золотую медаль. Спустя четыре года пробил час Антонины Серединой: все тот же фотофиниш дал ей крошечное преимущество над Терезой Ценц из ФРГ. Дважды выиграла олимпийские регаты Людмила Пинаева. Свою третью золотую медаль она получила на Играх 1972 года в Мюнхене, но уже на байдарке-двойке. А на самой маленькой лодке первенствовала Юлия Рябчинская. Эта веселая и непоседливая девушка, в сущности, только начинала свою жизнь в спорте, и много счастливых финишей ждали ее. Но в 1973 году жизнь Юлии Рябчинской трагически оборвалась.

На Олимпиаде в Монреале цвета сборной страны на байдарке-одиночке защищала 20-летняя Татьяна Коршунова. При росте 162 сантиметра она была самой маленькой участницей финала. Но боролась эта малышка отважно, и в награду за это серебряная медаль: большего Татьяна Коршунова и не могла добиться.

Еще раз переберем цепочку многолетних успехов наших байдарочниц, попытаемся разглядеть тугое переплетение человеческих судеб, где расставание со спортом одной чемпионки было связано с восхождением ее наследницы.

Итак, на озере Вендури Елизавета Дементьева выиграла первую золотую медаль. Это был человек редкого трудолюбия. Работала на фабрике, хорошо ходила на лыжах. Как-то села в учебную лодку, и не стало Дементьевой-лыжницы, родилась Дементьева-байдарочница. Все знали, что чемпионка из Костромы тренируется много. Когда она уходила из спорта, молодые спортсменки попросили чемпионку познакомить их с ее графиками нагрузок. Познакомились — и ахнули. Чтобы выйти на тренировочные нагрузки Дементьевой, следовало кому в два, а кому и в три раза увеличить свои объемы.

А со стороны казалось, что припеваючи жила Дементьева в спорте: безо всякого надрыва готовилась к гонкам, легко и весело. Могла перед стартом «барыню» сплясать. А то и частушкой развеселить, много она их запомнила в своей деревеньке. К случаю могла и сымпровизировать:

«Моя лодка—утюжок, Вся она—фанерная, Чтоб такую разогнать, Нужна сила беспримерная».

Улыбнется начальство, поаплодирует, а через неделю другую, смотришь, везут Елизавете новую байдарку. Ну, а насчет «беспримерной силы» она преувеличивала, никогда Дементьева на нее не полагалась. Легкий, порхающий был гребок, и лодка всегда чистенько шла — без брызг, плавно.

Человек она горячий, но отходчивый. Могла с пол-оборота, как говорится, завестись, накричать, но пройдет немного времени, остынет и сама же подойдет, смущенно извинится. После Олимпиады в Мельбурне Дементьева года три-четыре оставалась лидером нашей сборной команды. Второстепенные регаты, прикидки проигрывала, но решающие всегда проводила в полную силу и обычно первой заканчивала дистанцию.

Все имеет свой предел: годами держишься молодцом, натиск многих соперников отражаешь, но рано или поздно появляется спортсмен, который сильнее тебя. Вот и в женскую сборную пришли в пятидесятые годы Антонина Середина, Мария Шубина, Нина Грузинцева, которые потеснили олимпийскую чемпионку.

Два года Дементьева гребла в двойке с Антониной Серединой, дав тем самым прекрасный разгон своей знаменитой наследнице. В 1958 году они выступили на чемпионате мира в Праге и заняли там второе место, уступив самую малость Шубиной и Грузинцевой. Вместе они выиграли спустя год на двойке чемпионат Европы в Дуйсбурге. С этого дня началась у

Серединой серия замечательных побед на международных соревнованиях.

В ее судьбе Дементьева вообще сыграла исключительную роль. Они встретились задолго до того, как стали соперницами в гребле, а потом и членами самой маленькой команды. Встретились на лыжных соревнованиях, где Дементьева бежала за Костромскую область, а Середина — за Калининскую.

Середина была самой настойчивой соперницей чемпионки. Обычно на сборах она жила с Дементьевой в одной комнате, видела ее тренировки, воочию убеждалась, как много и самоотверженно трудится олимпийская чемпионка и как тяжело бремя лидера. Середина понимала, что все это уготовлено и ей.

Трудолюбие и упорство свойственны всем нашим сильнейшим байдарочницам. Одних из них я знал хорошо, с другими был только знаком. Но все они вызывали чувство глубокого уважения: это характеры истинно русских женщин, с их великим терпением и самоотверженностью.

В своей очень искренней книге «В любую погоду» Середина рассказывает о детстве. Она родилась в многодетной семье. Из одиннадцати детей трое умерли от голода в годы войны, двое погибли на фронте. Ушел на фронт и отец, и весной 1942 года одиннадцатилетняя Антонина Середина стала работать с матерью в колхозе. Сеяли, бороили, пахали. Несколько раз Тоня пыталась возобновить занятия в школе, не получалось: наступали холода, и девочке не во что было обуться. Пропустила три года. И все же окончила школу, устроилась работать на завод, пошла на курсы бухгалтеров.

Рассказывает она об этом без малейшего желания вызвать сочувствие. Вспоминает человек, делится давно пережитым, не более. Ведь такой была судьба многих ребят военных лет.

Два года назад известный ленинградский архитектор Сергей Борисович Сперанский, воевавший на Ладого, предложил мне принять участие в создании мемориального комплекса, посвященного защитникам Ленинграда, — я должен был выполнять художественную чеканку.

Это была самая большая моя работа. Не только по масштабности, но и по незабываемым для меня воспоминаниям. Четкие профили солдат-ополченцев, колонна моряков-балтийцев на марше, строгие, с горькими морщинами лица женщин с детьми, люди, растапливающие печку «буржуйку», — все это навсегда осталось в памяти старых ленинградцев, а теперь застыло в металле и камне. Мемориальный комплекс находится на дороге, ведущей к Пулковским высотам, и с первых же дней строительства сюда стали приходить мои земляки. Многие в письмах делились воспоминаниями о невыносимых 900 блокадных днях. Строки эти были перенесены на 900 страниц тонкой меди и вместе с фамилиями павших составили уникальный дневник.

Конечно, блокада Ленинграда была одной из самых многострадальных страниц Великой Отечественной войны. Но тяжелейшие испытания выдерживала тогда вся страна, и особенно дети. Поэтому меня так тронули воспоминания Серединой.

Самые трудные годы остались позади, жизнь потихоньку налаживалась, и появилось время для занятий спортом. Хорошо помню, с какой жадностью тренировалась молодежь в первые послевоенные годы, спорт был для нас чем-то вроде постоянного праздника.

Как и многие ее сверстники, Антонина бегала на лыжах и коньках, играла в баскетбол, увлекалась гимнастикой и велосипедом. Это дало ей хорошую общефизическую подготовку, но осложнило ее жизнь в гребле, поскольку в гоночную лодку Середина села, когда ей было 24 года. Я не сторонник ранней специализации, и все же в 24 года поздно проходить азы в спорте.

Серединой везло — встретила тренера Марию Николаевну Фадееву. Неоднократная чемпионка страны, она зарекомендовала себя и прекрасным, спортивным педагогом, имела

большой авторитет во всесоюзной сборной команде. Но прежде всего Фадеева была тренером-практиком, ее тянуло «на глубинке» поработать с новичками: взять за руку и самой привести в большой спорт.

*Леонид ГЕЙШТОР и Сергей МАКАРЕНКО
после победного финиша на Олимпиаде 1960 года в Риме*

В 1955 году она увидела Антонину Середину и поняла, что это именно тот человек, которого она так долго искала. Байдарочница из Калинина не удивила ее совершенной техникой и результатами. В ту пору Середина была сырой спортсменкой — есть такое выражение, свидетельствующее о плохой подготовленности. Характер Серединой прежде

всего понравился тренеру — желание во что бы то ни стало добиться наивысших результатов в гребле.

*Неоднократный чемпион Мира и Европы,
призер Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне
Геннадий БУХАРИН*

В чем-то они были очень похожи. Натуры цельные и бескомпромиссные, даже несколько жесткие. И одновременно отзывчивые на дружескую поддержку, доброе слово. Фадеева изрядно намаялась со своей ученицей: росли результаты у Серединой, одерживала и серьезные победы, но никак не могла добиться признания у тренеров сборной — не верили

в нее. Считали, что уже в «почтенном» возрасте человек, зачем тратить на нее силы и время, лучше молодых поддерживать — им принадлежит будущее.

Досталось в ту пору Серединой. И лодку у нее забирали для другой спортсменки, и на крупные всесоюзные соревнования, случалось, забывали приглашать. И времени для тренировок в зимнем бассейне не всегда хватало. Выход был один — делом и классными результатами добиваться признания.

Этим единственно разумным и реальным путем пошли тренер Фадеева и ее ученица. На воду нередко выходила с каноистами Силаевым и Бухариным, это были очень полезные тренировки. Именно со своими спарринг-партнерами сумела она избавиться от давней слабости — неумения энергично финишировать.

Тренировалась Середина до умопомрачения, даже в праздничные дни выходила на воду. Зимой решила повысить специальную подготовку за счет тренировок в полынье возле спартаковской базы в Химках. Сначала хорошая разминка, не меньше часа бегала по обочине Ленинградского шоссе, потом в лодку. Сделает несколько гребков, и уже пора разворачиваться. Скоростную тренировку в таких условиях не проведешь, но над техникой гребли поработать можно. На берегу, постукивая валенком о валенок, следит за Антониной тренер, дает советы.

Людмила ПИНАЕВА
Чемпионка Олимпийских игр 1964 года

Можно тут и плечами пожать — к чему такие крайности, тренировки в Новый год или 8 Марта, утомительное снование в полынье? Но ведь именно неослабеваемая устремленность формирует характер большого спортсмена.

Слава московской спортсменки связана прежде всего с ее замечательными достижениями на Олимпиаде 1960 года в Риме, и это справедливо. Там она одержала победы на одиночке и двойке с Марией Шубиной. Дальнейшая спортивная судьба этой спортсменки широкому кругу людей почти не известна. А ведь Середина выступила и на Олимпиаде в Токио в паре с Ниной Грузинцевой, заняла там четвертое место на байдарке-двойке. Но и эти Игры не были для нее последними: 39-летняя Середина соревновалась в 1968 году на олимпийском канале Сочимилко, и там внесла свой посильный вклад в достижения сборной команды, заняв третье место в финальной гонке на байдарках-двойках.

После Игр в Риме были у нее победы на чемпионатах Европы, мира. Правда, в одиночке Середина отличилась всего раз: в 1961 году выиграла в Познани первенство Европы. Затем к ее достижениям вплотную подошли молодые спортсменки, и лучшей из них оказалась Людмила Пинаева.

Незадолго до Римской олимпиады Дементьева села в двойку с Серединой. Теперь Середина составляла команду с Пинаевой — своей преемницей по байдарке-одиночке. Они выиграли три чемпионата Европы, в 1966 году — чемпионат мира, и с ней Середина провела свою прощальную гонку на Олимпиаде 1968 года в Мехико, где наши спортсменки завоевали бронзовые медали.

Не хочу идеализировать отношения между нашими знаменитыми байдарочницами, но каждая сознательно и искренне делала все для того, чтобы с ее уходом из спорта не оборвались славные традиции в этом классе судов, помогала наследницам словом и делом, и в этом объяснение непрерывного поступательного движения нашей женской гребли.

Людмила Пинаева оставила яркий след в олимпийской истории. Она выиграла золотые медали в Токио, Мехико, Мюнхене: две на байдарке-одиночке, третью вместе с Екатериной Курышко. На олимпийском канале Фельдмохинг она могла отстоять свой титул в одиночке, но интересы команды требовали ее участия в состязаниях в двойке. В 1959 году, когда Елизавета Дементьева вместе с Антониной Серединой в последний раз выступили на чемпионате Европы в Дуйсбурге, Пинаева впервые пришла на базу ленинградского «Труда» и села в учебную лодку. Она жила и работала на фабрике в Красном Селе, добираться оттуда на тренировки было непросто, тем более после трудового дня, но тренер Нил Васильевич Савин не припомнит случая, когда бы его ученица опоздала на занятия.

У нее были завидные способности: тонко чувствовала гребок и лодку, делала проводку весла легко и резко. Техника Пинаевой и поныне прекрасный образец для молодых спортсменок. А поскольку все это приплюсовывалось к прекрасным бойцовским качествам, то не мудрено, что она уже через три года вошла в сборную команду страны.

После своей второй олимпийской победы, в Мехико, ленинградская байдарочница рассталась с греблей. Родился сын, прибавилось хлопот на работе: Пинаева — педагог, да и возраст уже не девичий. Так что у двукратной олимпийской чемпионки были основательные причины для ухода из спорта.

Но именно в этот период начали снижаться достижения наших байдарочниц, не было еще среди них авторитетного и сильного лидера, и Пинаева снова села в лодку. Будто и не было длительного перерыва: в шахтерском городе Зугрэс она выиграла чемпионат Советского Союза, и стало ясно, что у ленинградской спортсменки есть возможность получить третью золотую олимпийскую медаль.

Пинаева — человек очень скромный, доброжелательный. Со всеми у нее ровные, уважительные отношения. Рассказывают такой случай из ее жизни. Как-то пришла на свою базу, а там замок на эллинге. Берегом Малой Невки отправилась к соседям, но сторож этого гребного клуба, не узнав Пинаеву, принялся ворчать — не могу, мол, дать лодку необученному человеку, еще перевернется. Пинаева не обиделась, не стала распространяться о своих титулах, улыбнулась, пошла на свою базу, чтобы все-таки дожидаться лодки. Сторожу несладко пришлось от насмешек, когда узнали, что он поостерегся дать лодку «необученной» чемпионке.

К решению тренеров сборной перевести ее в байдарку-двойку Пинаева отнеслась с пониманием. Конечно, ей хотелось выиграть в одиночке третью олимпийскую медаль, но к тому времени вихрем ворвалась в сборную Юлия Рябчинская, и опытная Пинаева составила сильный дуэт с Екатериной Курышко. На Олимпиаде 1972 года в Мюнхене старшим тренером женской сборной была Середина. Она долго и тщательно готовилась к этой роли, стала кандидатом педагогических наук. Состав команды наших сильнейших байдарочниц оказался идеальным: одиночку в Мюнхене выиграла Рябчинская — Антонина Середина была ее персональным тренером, а двойку — Пинаева и Курышко.

Итак, пятая золотая олимпийская медаль наших байдарочниц. Воспоминания о Юлии Рябчинской у многих ассоциируются с нетерпением и великим азартом этой чемпионки. Однажды она так спешила уйти на дистанцию, что сделала фальстарт, потом, разогнавшись, перевернулась и, наконец, сломала весло. Взрывной был характер у Юлии, и он сказывался на ее стиле — дистанцию Рябчинская шла не иначе как в темпе 130—135 ударов в минуту. В те годы это был своеобразный мировой рекорд. Когда она гребла, казалось, еще чуть-чуть — и блестящие мокрые лопасти образуют непрерывную круглую линию.

Человек непоседливый и эмоциональный, Рябчинская проявляла удивительное терпение на тренировках: перерабатывала постоянно, самый высокий режим нагрузок казался ей щадящим. Тренеры нашли единственное против ее одержимости средство — не позволяли Юлии день-другой выходить на воду. Только так они могли снизить ей нагрузки.

В Мюнхене она рвалась поскорее уехать на канал, скорее бы выйти на старт финальной гонки. Тренер Середина сделала ей массаж, принялась отвлекать какими-то байками. Наконец, дождалась. И сразу же—135 гребков в минуту, сразу же в лидеры. В этой гонке Рябчинская не дала соперницам и малейшего шанса на победу, вела гонку от выстрела ракетницы до сигнала на финише. Так была завоевана пятая золотая медаль советских байдарочниц. Завоевана порывом, натиском молодой и талантливой спортсменки.

В ряду этих высших олимпийских достижений серебряная медаль Татьяны Коршуновой, завоеванная в Монреале, может показаться скромной. Но это не так. Второе место Коршуновой из тех достижений, которые с полным удовлетворением воспринимаются специалистами. В 1976 году это была программа максимум для 19-летней спортсменки, она справилась с заданием.

*Чемпионки Олимпийских игр 1976 года
Нина ГОПОВА и Галина КРЕФТ*

Коршунова не была первым номером в этой лодке. Сильнее выступали Нина Гопова и Галина Крефт, которая могла побороться за олимпийскую победу в одиночке. И все же в двойке шансы на золотую медаль у Галины и Нины были потверже, и действительно, в Монреале девушки стали олимпийскими чемпионками.

Поэтому на одиночке выступила Коршунова. Она была самой молодой участницей финала. Карола Цирцов из ГДР и венгерская байдарочница Клара Райпаи считались явными

лидерами в этом классе судов. Но наша маленькая, цепкая гонщица отважно вступила в борьбу и большую часть дистанции шла первой. Все же класс Цирцов был выше, и у самого финишного створа она сумела опередить советскую спортсменку.

Живет Коршунова в Раменском, небольшом городке Московской области. В детстве ходила на лыжах, училась в музыкальной школе игре на аккордеоне, увлекалась байдаркой. Тренером ее стал Яков Костюченко, который когда-то с восхищением следил за греблей Антонины Серединой. В ту пору московская спартаковка вместе с Фадеевой частенько приезжала в Раменское, чтобы потренироваться на местном озере.

Знаменитая спортсменка и тренер познакомились с ребятами, вместе стали выходить на воду. Однажды Костюченко так намаяло! на совместной тренировке с Серединой, что не выдержал и попросился в катер Фадеевой. Спортсменка отчитала его и посоветовала научиться терпению. Случай этот пошел на пользу, Костюченко научился терпению, трудолюбие привело его в молодежную сборную страны, он выступил на чемпионате Европы и стал мастером спорта, а много позднее — заслуженным тренером СССР, прекрасным специалистом, и Татьяна Коршунова — одна из многих его способных учениц в раменской гребной секции. Так была продолжена линия счастливых олимпийских стартов наших байдарочниц.

ШТУРМАНЫ В ЛОДКАХ

Это своего рода ассистенты в гребных командах. Сообразительные и преданные экипажу люди. Соревнования на лодках с рулевым стали проводиться на олимпийских регатах с 1900 года, и история гребного спорта знает немало случаев, когда малыши штурманы помогали своим партнерам одерживать большие победы.

В 1928 году братья Шёхлины из Швейцарии стали олимпийскими чемпионами на двойке распашной с рулевым. Вел их по дистанции 14-летний Христофер Буркэн. Своеобразие ситуации было в том, что братья Шёхлины работали преподавателями в лицее, а Буркэн в нем учился. В финале олимпийской регаты сборная «люцернского лицея» долгое время уступала французскому экипажу, и ближе к финишу юный Буркэн в отчаянье крикнул: «Завтра я расскажу товарищам, что вы неженки и слабаки». Эта мальчишеская угроза встряхнула братьев Шёхлиных, они предприняли рывок и сумели опередить соперников. Случай этот стал известен журналистам, в печати появились дружеские шаржи на чемпионов и их штурмана.

В том же возрасте, что и Буркэн, олимпийским чемпионом стал Гюнтер Тирш. Он был рулевым восьмерки ФРГ, которая в 1968 году выиграла финал на канале Сочимилко в Мехико. Но в целом рулевые-подростки — это, скорее, исключения, нежели правило. Тренеры предпочитают иметь дело со штурманами более зрелого возраста. С подростками со временем непременно возникают осложнения; пестуют ребят, знакомят со всеми тонкостями штурманского дела, а они спустя два-три года набирают вес и рост.

Нечто подобное произошло с Борисом Дубровским. Будущий олимпийский чемпион начинал свой путь в гребле с места рулевого. В свободное время садился за весла, греб в одиночке. И вот прелюбопытное продолжение истории: на Олимпиаде 1964 года в Токио экипаж, в котором Дубровский некогда был рулевым, занял пятое место, сам же он — первое в гонке парных двоек.

На этих же Играх рулевым американской восьмерки был 46-летний Роберт Жименьи. В финале экипаж США занял первое место, и Жименьи немало способствовал этому успеху. Рассказывают, что в гонке Жименьи постоянно дезинформировал соперников: громко подавал ложные команды к ускорениям, рулевые остальных команд спешили принять ответные меры, тогда как американские гребцы, заранее предупрежденные Жименьи, спокойно делали свое дело, методично увеличивая преимущество.

В гонке рулевые выдерживают огромное психологическое напряжение. За несколько минут борьбы теряют в весе килограмма полтора. Это немало и для грузного человека, а у рулевых вес в пределах 55 килограммов. Так что на финиш они обычно прибывают

охрипшими и обессиленными от нервных перегрузок. В свое время конструкторы лодок пытались облегчить их участь, ставили в некоторые «посудины» электрические звонки, чтобы штурманы берегли свои голосовые связки, с помощью определенных сигналов давали распоряжения экипажам.

Лодки с электровзвонками в основном прижились в Англии, гребцы этой страны соревновались на них вплоть до Олимпиады 1956 года в Мельбурне. Воспользовался звонком и американский рулевой на Олимпиаде 1924 года в Париже. Звали этого рулевого Линн Стоддерт. Партнеры частенько сетовали, что у их штурмана очень уж слабенький голос — не слышали Стоддерта гребцы, которые сидели ближе к носу. Тогда Стоддерт установил на своем «рабочем месте» электровзвонки. На Играх 1924 года возглавляемая им восьмерка одержала победу. Любопытно, что членом этого экипажа был известный ныне общественный деятель доктор Бенжамен Спок.

У нас долгое время не было никаких ограничений по отношению к рулевым. Скажем, даже на крупных соревнованиях штурманами мужских экипажей могли быть женщины, и наоборот. Кстати, рулевые-женщины демонстрировали прекрасную реакцию и сообразительность — основу основ действий штурмана. Помню, как замечательный ленинградский тренер Вера Александровна Савримович расчетливо и спокойно вела молодежную четверку, в которой я греб в первые послевоенные годы.

Обычно же рулевыми в наших командах становились персональные тренеры, хотя едва ли не все они имели солидный вес, и это снижало скорость лодки. С этим мирились, полагая, что опытный наставник искусно проведет лодку по дистанции, поможет советом. Но когда советские гребцы познакомились с зарубежными соперниками, то убедились, что их рулевые, не уступая нашим в опыте и мастерстве, давали своим партнерам немалое преимущество благодаря меньшему весу.

Стали и у нас искать и готовить классных рулевых. Поначалу их не хватало даже в сборной команде страны, и я помню, в каком затруднительном положении оказались гребцы московской восьмерки «Крыльев Советов», когда после Олимпиады 1952 года в Хельсинки они принялись искать легкого штурмана, — в заливе Мейлахти их вел тренер Игорь Николаевич Поляков, вес которого равнялся 75 килограммам.

Наконец, они уговорили сесть в лодку столяра-краснодеревщика гребного клуба «Стрелка» Александра Маянцева. Два-три месяца он готовился вместе с командой к чемпионату Европы в Копенгагене. На тренировках все вроде бы обстояло нормально, но ускоренный метод подготовки в конце концов сказался. Хорошего глазомера у Маянцева, разумеется, еще не было, и в финале европейского первенства он преждевременно дал команду финишировать. Все могло обернуться крупными неприятностями, но опытный экипаж вовремя догадался об ошибке рулевого и постарался сохранить запасы сил.

Все завершилось благополучно — наша восьмерка выиграла чемпионат Европы в Копенгагене. Но позднее гребцы «Крыльев Советов» самым вездливым образом оценивали действия своих штурманов. Ведь едва уловимая ошибка в рулении приводит к потере 8—10 метров, а этого иной раз вполне достаточно, чтобы отделить победителя от аутсайдера.

Долгое время московские гребцы подозревали в промахах рулевого Владимира Петрова, прозванного «директором» за умение властвовать в лодке и строгий соревновательный костюм (накрахмаленная белоснежная рубашка и темная «бабочка»). Петров в прошлом был перворазрядником по боксу и присмотрел эту форму у арбитров ринга.

Очень часто критиковали Петрова партнеры, пока в Генте он не пригласил команду в кинозал, где прокрутили по его просьбе ленту международной гонки восьмерок. Съемка велась с вертолета и давала полное представление о движении лодок. Когда же в зале вспыхнул свет, то рулевой Петров с гордостью и немым укором взглянул на смущенных гребцов: безукоризненно провел он лодку, ни одного лишнего сантиметра не взял на душу.

Со временем у нас появились квалифицированные рулевые: ленинградцы Юрий Лоренцссон, Игорь Рудаков, москвичи Сергей Носов, Николай Колоссовский. Они многое

умели. Уверенно и грамотно вели по дистанции лодки. Были неплохими психологами, знали, что и когда сказать экипажу, умели гасить конфликтные ситуации среди своих подопечных.

Наиболее опытный Лоренцссон был участником пяти олимпийских регат. Он олицетворял собой классический тип рулевого: был строг и вежлив, не снисходил до шуток и прибауток, запанибратских отношений с партнерами и соперниками. На состязаниях суховато и внятно давал указания гребцам и вообще всем своим видом подчеркивал значение своей роли.

Лоренцссон сам был неплохим спортсменом, волевым, упорным, постоянным участником марафонских пробежек по трассе Пушкино — Ленинград. На гребных соревнованиях очень переживал за команду, результат. Поражение было для него сущей драмой. И так уж получалось, что на олимпийских регатах его экипажи больше проигрывали.

Долгое время основную силу нашей сборной составляли безрульные лодки — двойка парная, одиночка. Свою первую значительную победу Лоренцссон праздновал в 1952 году, когда в составе ленинградской распашной двойки с рулевым выиграл чемпионат СССР. А первую олимпийскую награду получил спустя 16 лет — был рулевым восьмерки сборной страны, которая завоевала в Мехико бронзовые медали. На Играх 1976 года Лоренцссон получил еще одну олимпийскую награду — серебряную медаль. Его партнерами на двойке распашной с рулевым были Юрий Шуркалов из Калининграда и новгородец Дмитрий Бехтерев, дисциплинированные, скромные и трудолюбивые спортсмены. Правда, шансы их на олимпийские медали были, по мнению специалистов, незначительные. Бехтерев и Шуркалов и на всесоюзных регатах не показали себя сильнейшими, в классе двоек с рулевым властвовали могучего сложения ленинградцы Владимир Ешинов и Николай Иванов. Но незадолго до олимпийской регаты в Монреале они пересели в четверку, и вакантное место заняли Шуркалов и Бехтерев.

В классе двоек с рулевым гребцы ГДР Харальд Яринг и Фридрих Ульрих были явно сильнее своих конкурентов. А на серебряные и бронзовые медали претендовало несколько команд, и любая из них могла рассчитывать на успех. Посягнули на олимпийские медали и советские гребцы, и рулевой Лоренцссон очень помог им в этой гонке.

Соперники то и дело совершали рывки, растрачивая запасы энергии, тогда как Бехтерев и Шуркалов, подчиняясь плану рулевого, шли дистанцию ровно, спокойно готовились к решающему ускорению. И когда ближе к финишу они разогнали лодку, то у соперников уже не было сил побороться с Бехтеревым и Шуркаловым. Гребцы ГДР стали олимпийскими чемпионами, наши завоевали серебряные медали.

Другой ленинградский рулевой, Игорь Рудаков, был участником четырех олимпийских регат. Он, кстати сказать, оказался первым советским рулевым, завоевавшим олимпийскую медаль. На Олимпиаде 1960 года Рудаков был штурманом Зигмаса Юкны и Антанаса Багдонавичуса, которые заняли в финале второе место.

У него, пожалуй, был самый зычный голос среди рулевых всего мира. Оторопь могла взять, когда своим львиным рыком Рудаков подавал команды. Лодку вел очень квалифицированно, обладал неплохими артистическими способностями, его шуточные реплики вспоминало не одно поколение гребцов. Человек общительный и несколько ироничный, бесконечно преданный гребле, Игорь был и остается всеобщим любимцем.

Дебют Рудакова на Олимпиаде в Риме оказался для него высшей точкой его карьеры в гребном спорте. Он был участником еще двух финальных заездов на Олимпийских играх, но и в Токио и в Мюнхене ведомые им спортсмены заняли четвертые места. Первым же олимпийским чемпионом среди наших рулевых стал москвич Александр Лукьянов. На Играх 1976 года в Монреале он был штурманом распашной четверки с рулевым.

С этой командой связан уникальный в истории олимпийских регат случай. В составе советской четверки в предварительных заездах выступал Александр Сема. Накануне финальной гонки он сильно простудился: высокая температура, слабость, и его участие в решающем состязании обрекало команду на неудачу. Однако и замена заболевшего гребца

ничего доброго не сулила экипажу: месяцами, а то и годами складывается в гребной команде общий рисунок движений, взаимопонимание. Поэтому обычно попытки незадолго до гонки посадить в лодку нового гребца заканчивались крупными неприятностями, даже если приглашали классного спортсмена.

**Чемпионы Олимпийских игр 1976 года в классе 4+ (слева на право)
Александр КЛЕПИКОВ, Михаил КУЗНЕЦОВ, Николай ИВАНОВ
загребной Владимир ЕШИНОВ, рулевой Александр ЛУКЯНОВ**

Но в Монреале наши тренеры пошли на замену, и место Александра Семы занял Михаил Кузнецов. Вместе с Владимиром Ешиновым, Николаем Ивановым, Александром Клепиковым и рулевым Александром Лукьяновым он выиграл финальную гонку. А что заболевший? Александр Сема также был приглашен на наградной плот, где ему вручили золотую олимпийскую медаль. Правила гребных соревнований на Олимпийских играх гласят, что, если спортсмен выступил в предварительной гонке, а затем по болезни был выведен из команды, он имеет право получить медаль.

Еще одно качество, свойственное всем классным рулевым: самоотверженность, глубокая преданность своему экипажу. В сугубо человеческих отношениях рулевые ближе команде, нежели тренер. Они делят с ней брызги, холод и тропическую жару на тренировках. Они остаются с экипажем на состязаниях. Они пусть своеобразные, а все равно партнеры гребцов.

Никто из упомянутых мной рулевых не стал тренером, хотя они многое поняли в гребле за годы выступлений на состязаниях. Объясняется это тем, что все классные рулевые — это энтузиасты чистой воды, и именно азарт и теплые, дружеские отношения с партнерами тянули их в греблю. А в тренерской работе иное, тренер отдален от непосредственных событий в гонке, и с командой он вынужден вести себя иначе, чем рулевой: сохранять во взаимоотношениях определенную дистанцию. Приходится иной раз и наказывать и заменять слабого. Инженерами работают Владимир Петров и Сергей Носов, электротехником — Юрий Лоренцссон, в таксомоторном парке — Игорь Рудаков, преподает в ДОСААФе Николай Колоссовский.

На Олимпиаде 1968 года в Мехико зрителей изрядно потешил рулевой итальянской команды Бенвенутто Чиполла. Как только его партнеры финишировали первыми в классе

двоек распашных с рулевым, Чиполла вскочил и бросился в воду. На трибунах хохот, в умилении публика от столь оригинального проявления радости. Только немногие знали, чем вызван этот поступок: худенький Чиполла боялся большой потери веса в этой гонке, после взвешивания могли быть неприятности у экипажа, вот и решил на всякий случай поплавать в прохладной воде, сделать несколько глотков. Мало было в этом удовольствия, но чего не сделаешь ради своих друзей.

Однажды я заглянул в комнату, где жили рулевые. Часом раньше завершилось последнее соревнование сезона, и из комнаты доносился невероятный шум. Будто ватага дюжих молодцов разбушевалась. Это рулевые резвились. Отмечали закрытие сезона: боролись друг с другом, устроили кучу малу, под конец в пляс пустились.

А еще в той комнате вызывающе красовались блюда с бифштексами и пирогами, сладости. Конец постам и режиму, не надо больше выходить с командой на воду и после сломя голову мчаться в столовую, занимать очередь!

Пройдет месяц-другой. Не больше. И в один прекрасный день в квартире рулевого раздастся звонок, и перед ним предстанут тренер и капитан команды. Бесцеремонно взглянут на хозяина, возмутятся наметившимся брюшком и назовут время тренировки. И все пойдет по-старому. На станции рулевой осмотрит тросы и свое рабочее место, поудобнее расположится в лодке и, лавируя между льдинами, поведет команду.

Судьба не даровала рулевым возможности добиться личного успеха. Но они смирились с этим, они выбрали занятие, которое ввело их в большой спорт — с его великими страстями, солеными радостями и неудачами.

ВЕС ОЛИМПИЙСКОЙ МЕДАЛИ

Московский спартаковец Анатолий Сасс посвятил гребле около двадцати лет. А в большом спорте он прожил два-три года, не более. Это удивительно, поскольку он имел и прекрасные физические данные, и трудолюбие, и способность мыслить глубоко и здраво. Его тяжелая и несколько странная спортивная судьба вызывает в чем-то мысли отвлеченного, если не сказать, философского плана.

Тренером Сасса был Игорь Янович Демьянов, в послевоенные годы сильнейший одиночник страны, кандидат в сборную олимпийскую команду 1952 года. На весеннем сборе в Поти мы жили с Демьяновым в одном номере, и, хотя именно мне было суждено перечеркнуть его олимпийские планы, отношения наши неизменно оставались дружелюбными.

Обладал Игорь Янович редкой физической силой. Без всякой подготовки выступал на турнирах борцов и выиграл однажды первенство Москвы. Подходил к сопернику, стискивал до хруста в костях и валил несчастного на ковер — вот и вся тактика. Но в гребле эта дремучая сила мешала Демьянову: лодка дергалась и выпрыгивала, да и соревновался он всегда на высочайшем эмоциональном подъеме — с перекошенным лицом и проклятиями, весь в страстях.

Демьянов был человеком высокообразованным, с прекрасными оценками закончил МАИ, много читал, вел интересные разговоры «за жизнь». Написал книгу о гребле. Очень, на мой взгляд, любопытную и полезную.

Было в нем и своеобразное обаяние — тяжелый и неодолимый напор, солоноватые, но не лишённые блеска шутки. Ученики Демьянова вспоминают о нем с улыбкой и симпатией, хотя в годы совместной работы всякое между ними бывало, команды его редко жили в согласии.

В те годы Демьянов любил работать с новичками. В 1953 году он появился в Московском приборостроительном техникуме, чтобы набрать очередную группу рослых, сильных ребят. Пригласил он на водную станцию и Анатолия Сасса. Не скажу, что Демьянов сразу же стал выделять его среди своих учеников. Тогда сердце тренера тешил своими потрясающими способностями Вячеслав Иванов, и ему отдавал Демьянов большую часть времени. Надо

отметить, что тренировался Иванов в тот период со всем пылом юношеского честолюбия и в совершенно аскетичном режиме.

С Демьяновым у них были очень теплые, дружеские отношения. Несмотря на внушительную разницу в возрасте, чем-то особенно мил был Демьянову его взбалмошный ученик. Оба имели склонность постоянно опаздывать на тренировки, и вот сцена: по набережной Обводного канала, перевозомая одышкой, весь в поту спешит Демьянов, а мимо старается незаметно проскользнуть на велосипеде Иванов. А поскольку тренер всегда был погружен в свои мысли и шагал с опущенной головой, то этот скрытый рейд нередко удавался. При появлении Демьянова Иванов принимался корить своего наставника за опоздание. Тот же лишь руками разводил: «Ну что, Славка, ну, бывает».

Когда же Иванов перешел в другой клуб, то у Демьянова появилась идея — подготовить одиночника, который сумел бы превзойти бывшего его ученика. Выбор пал на Анатолия Сасса: вот человек, который рассчитается за него с Ивановым, выиграет у дерзкого.

Много позднее Сасс поймет, что затея эта была почти неосуществимой. И дело тут не в их мастерстве и способностях. Сасс тоже не был обижен природой, даже в его сутуловатой фигуре угадывались задатки истинного лодочника. «Гребля горбатых любит» — эта пословица не вчера родилась. И когда Сасс приходил в команды, то всякий раз стремительно продвигался в них, занимал место загребного, умно и в целом счастливо вел экипажи в гонках.

Там бы ему и грести — в больших лодках. А он возвращался в одиночку. И снова проигрывал в ней, снова появлялось недовольство собой, раздражение, потому что, по сути своей, он не был одиночником.

Постоянные неудачи Сасса, казалось бы, могли осложнить его отношения с Ивановым. Ничего подобного. Они ладили, и олимпийский чемпион с немалым интересом и даже сочувствием следил за попытками Анатолия Сасса выиграть на одиночке представительную регату. Иногда давал ему свою лодку. В гонках советовал предпринять тот или иной маневр — беспокоился, как бы другие не обошли Сасса.

В 1963 году Сасс окончательно зашел в тупик. Лодка стала вызывать у него отвращение. Занес ее как-то в эллинг и поспешил за ворота гребного клуба: не выдержал человек, решил покончить со всей этой бессмысленной маятой.

Но именно в тот год проводилась Спартакиада народов СССР. В сборной команде Москвы не было сильной распашной четверки, и ему предложили стать загребным нового экипажа. Всего месяц был дан этому экипажу на подготовку, и все же Сасс успел объединить партнеров. Тут ему повезло. Еще за день до начала Спартакиады команда показала на контрольной прикидке такой результат, что партнеры даже не стали обсуждать гонку, молча разошлись. А за час до выстрела спартакиадной ракетницы, на разминке, вдруг пошла у них лодка, и в финальном заезде московские гребцы завоевали серебряные медали. Спустя день к Анатолию пожаловал Демьянов, попил в семейном кругу чаю и, уходя, назвал час следующей тренировки. Разумеется, в одиночке. Исключительным даром убеждения обладал этот человек.

Интерес к Сассу вновь появился, когда в 1965 году он удачно выступил на чемпионате Европы. Он отправился в Дуйсбург не потому, что завоевал это право победой. Выиграв на Олимпиаде в Токио третью золотую медаль, Иванов решил отдохнуть, в отборочных соревнованиях не участвовал, и поэтому тренеры взяли на чемпионат Анатолия Сасса.

Сасс завоевал там серебряную медаль и вернулся в прекрасном настроении. Почувствовав опасность, Иванов покончил с баловством, в две недели набрал спортивную форму и на чемпионате Советского Союза вчистую обыграл призера европейского первенства.

Тогда много говорили об Анатолии Сассе, по-всякому объясняли его неудачи. Я же склоняюсь к той точке зрения, что причина его проигрышей была чисто психологической.

Он не был малодушным человеком, намертво выкладывался в гонках. Он только слишком хотел выиграть, слишком большое придавал значение всевозможным пустякам, а «слишком» в подобных делах не сулит успеха.. Сядет, скажем, Сасс поиграть в шашки. Партнер и осмеивается, балагурит, Сасс же, весь в пятнах от волнения, насупленный и взъерошенный, перед каждым ходом сосредоточенно сопит, сжимает ладонями табуретку. Представьте теперь степень его напряжения накануне серьезного соревнования на лодках...

Жило в нем и какое-то странное изумление перед всем новым, будь то внезапная ситуация в гонке или обычная методическая идея Демьянова. Как он тут робел и пытался, тяжело и с оглядкой перестраивался, сколько терял душевных сил.

Изрядно намаялся с ним и Демьянов. От навязчивой идеи наказать прежнего своего ученика он не отказывался, но пришло время, и он стал срываться. Уж совсем было выиграл однажды Сасс гонку на чемпионате страны 1966 года в Киеве, самую малость оставалось до финиша, да забыл оглянуться и угодил в заякоренный шар ограждения. Пометался тренер Демьянов на берегу — никак не мог в полной мере выразить все, что испытывал, наконец, схватил ручищами подвесной мотор от катера, потряс над головой. А его же люди недюжинной силы вдвоем переносят, и колени гнутся при этом.

А сколько набралось таких гонок за десять с лишним лет! С нелепейшими «зевками» на дистанции, с авариями лодок и навалами на чужую воду — чего только не было.

В 1973 году на новом канале в Крылатском проводился чемпионат Европы по академической гребле. Была в программе и гонка ветеранов. Иванов и Сасс оказались соперниками, оба заняли места загребных в восьмерках, и в этом состязании в Крылатском как бы сфокусировались их давние запутанные отношения.

Иванов собрал команду в основном из иностранцев. Экзотично она выглядела: с бородками, в ярких майках и с талисманами на груди. В спешке даже двух рулевых посадил в лодку. Сасс же в это время сидел на трибунах и все ворчал, дескать, ишь что удумали, не подготовлены, зачем срамиться с такой греблей? Но все с шутками-прибаутками шли к лодкам, и не выдержало сердце старого бойца. Стянули с кого-то для Сасса майку, усадили загребным восьмерки. Причем известные мастера сидели за ним.

Только увидел его Иванов на воде, и сразу громко объявил: «Следите за мной, обязательно раньше времени со старта уйду». Посмеялись. Сасс же, как всегда, очень серьезно отнесся ко всему, так постарался на старте, такую проявил прыть, что свалился с «банки», лодка остановилась, и с превеликим трудом удалось вывести ее на второе место. После награждения Иванов фертм разгуливал с медалью по берегу, репортеры его обступили, бразильские тренеры — в 1965 году он был официальным гостем этой страны, — и он рассказывал, как с двумя «пассажирами» шел дистанцию, а все же выиграл. Тут он был прав. Не имела его команда шансов, но вот длинная майка Сасса попала под колесики «банки», Анатолий свалился с нее, и сразу же эти шансы появились: хоть плач тут, хоть смейся.

И все же Сасс «размочил» счет в своем соревновании с чемпионом. Случилось это в спартакиадном финале. Эти соревнования трижды ставили его на ноги: в 1963 году, когда он завоевал на четверке первую в своей жизни медаль всесоюзной регаты, в 1967 году, когда выиграл-таки в Серебряном бору сумасшедшую гонку у Иванова, и наконец в 1971 году, когда 35-летний Сасс вновь объединился с Александром Тимошининым и выиграл гонку.

Но вернемся в лето 1967 года. Проигрывать Сасс проигрывал, но это никак не отражалось на его самоотверженности, он всегда много работал, и поэтому процесс накопления мастерства у него постоянно шел по восходящей. В спартакиадном сезоне лодка у него словно с горы покатила, никакой при этом не было усталости, только прибавляй и прибавляй нагрузку. Вот так и он наконец испытал чувство абсолютной раскованности в лодке, которое знакомо лишь первоклассным гребцам на одиночке.

Понаблюдав за ним как-то Иванов, помог занести в элинг лодку, сказал: «Врежешь ты, наверное, мне в финале, старый. Чувствую — обязательно врежешь». Тренер Демьянов запаниковал, узнав об этом эпизоде. Не отходил от ученика, твердил: «Усыпляет твою бдительность, Славка. В оба смотри, не раскисай».

Но Иванов говорил искренне. Он уже начал уставать от выступлений в большом спорте: не было прежней легкости, куража поубавилось, да и сами победы не радовали так, как прежде, — привык, всего достиг в спорте, все отведал. Хотя, конечно, это был Иванов, и легко отдавать победу он не собирался.

...Ушла в небо зеленая ракета. Иванов и Сасс быстро добились преимущества над остальными участниками финала. Затем принялись терзать друг друга на дистанции. В этот день Сасс твердо знал если проиграет, то непременно уйдет из гребли. И мысль эта не давила его, весь был в работе, с настроением трудился в лодке. Свое решающее ускорение выполнил основательно, без суеты: мягко прибавил — от проводки, а не суматошной ездой на «банке», — и лодка выкатилась вперед. Иванов оглянулся, глаза их встретились, и оба поняли, что все сейчас и решилось, — конец десятилетнему соперничеству.

На плоту для награждения Демьянов слова сказать не мог, только руками разводил, да и не нужны тут были слова — результат обо всем говорил. С того дня начался у Анатолия Сасса прямой путь к золотой олимпийской медали.

Думаю, что счастливая спартакиадная гонка в Серебряном бору имела для Сасса значение прежде всего своим символическим смыслом. Он, конечно, совершил ошибку, когда согласился вступить в единоборство со своим знаменитым соперником, и за это расплатился сполна. Но слишком далеко зашло соперничество, поздно было отказываться от цели, да и не хотел он идти на попятную. И вот теперь в спартакиадном финале доказал, что человек, который упорствует до предела своих возможностей, в конце концов должен победить.

После этого состязания он справедливо посчитал, что теперь его обязательство — грести в одиночке — теряет свою силу. Цель достигнута — выиграл, и он волен по-своему распорядиться судьбой. Выбор его пал на Александра Тимошинина. И сколько в этом было иронии: один шел к олимпийской победе в Мехико двадцать лет, и чего только не испытал за это время, другой всего три года ждал олимпийского часа.

Соревнования на олимпийском канале Сочимилко многие участники и поныне вспоминают, словно кошмарный сон. Высокогорье и жара превратили гонки гребцов в истязание. Только после отборочных гонок двадцать два гребца потеряли сознание, и раздевалка напоминала полевой госпиталь: безжизненные тела, стоны, запах лекарства.

Наши же гребцы на двойке парной избежали этой участи. Каждый шаг обдумывал Сасс, все учитывал. И когда его юный партнер восхищался изящными движениями тореадора Мануэля Мартинеса или, задрав голову, разглядывал пирамиды, Сасс все прикидывал, как же сохранить свежесть в столь сложных и непривычных соревновательных условиях. Еще на тренировках понял, что не стоит увлекаться лихими рейдами на трассе, дистанционным ходом лучше идти, и отборочные заезды убедили его в этом.

В одном загвоздка была — план его требовал адской выдержки. Легко ли сознательно отдать инициативу в столь ответственном соревновании, легко ли ждать мгновения, когда мерный темп начнет оборачиваться выигрышными секундами. Да и наступит ли это мгновение? Но в плане этом Сассу виделась логика и мудрость, и он утвердил его.

Проводил их на старт олимпийского финала Иванов. Помог отойти от плота, хотел дать какой-то совет Сассу, но махнул молча рукой: сам все знаешь. С тем и покатили они на дистанцию.

В финале раньше остальных погорячились болгары Желев и Вылчев. Невысокие, шустрые ребята, они могли завоевать бронзовые медали, это им было по силам. Но они замахнулись на большее, и Сасс с Тимошининым первыми вычеркнули их из числа серьезных

соперников. Потом не выдержали голландцы, за ними потянулись остальные, началась крепкая рубка. Вопли с берега, завывание моторов судейских катеров, сама борьба и стремление отличиться, выиграть заставили финалистов очертя голову броситься в пекло гонки — все спешили к трибунам, забыв о последствиях.

Только наши ребята шли и шли себе возле самого бережка — крайняя дорожка им выпала. Сдали голландцы Ван Дис и Дроод. Но спохватились американцы, их загребной Нанн, запрокидывая голову с бородкой а-ля Генрих IV, принялся раскручивать темп. Однако Сасс и их перехитрил. Только поубавилось пыла у Нанна и Мэйчера, только они приготовились к последнему рывку, как Сасс и Тимошинин мягкой и сильной греблей настигли их и покатали дальше.

После награждения смеющиеся и веселые люди обступили олимпийских чемпионов, затем их проворно оттеснили репортеры, и тогда Сасс громко сказал, что он благодарит судьбу за такое счастье.

Спасибо судьбе?! Не слишком ли он был великодушен? Не рано ли забыл о ее ударах? Но он держал в руках золотую олимпийскую медаль, и ему было за что благодарить судьбу.

КТО И КАК СТАНОВИТСЯ ЧЕМПИОНОМ

Когда видишь выступление большого спортсмена, задумываешься — почему именно он стал сильнейшим в мире?

Многое тут можно сказать. О трудолюбии, например. Большой спортсмен — всегда труженик. Редкие исключения не в счет, к тому же чемпионы, которые не особенно утруждали себя на тренировках, могли выигрывать только во вчерашнем спорте. Сейчас победа требует полного использования физических и нервных ресурсов.

Итак, трудолюбие. Это, разумеется, неременное условие. Но не единственное. Иначе все было бы просто в спорте, и шло бы в нем прежде всего состязание в объемах нагрузок: кто особенно усердствовал на тренировках, тот и становится сильнейшим. Но так бывает не всегда, и спорт знает немало «великомучеников», которые ничего значительного в нем не добились.

Не помню, к сожалению, имен четверых западногерманских гребцов и названия клуба, цвета которого они защищали. Знаю лишь суть истории. Эти молодые люди сделали целью жизни победу над экипажем из ГДР с загребным Франком Форбергером. После победы на Олимпийских играх в Мехико гребцы ГДР завоевали огромный авторитет: помимо прекрасных спортивных результатов, спортсмены располагали к себе остроумием и общительностью. Это была замечательная команда, самая блистательная в современной академической гребле.

Но большая слава становится сильным раздражителем для соперников, и это понятно. Спорт давно бы потерял притягательную силу, если бы не было в нем доброй конкуренции, желания повергнуть сегодняшних кумиров. Другое дело, что не всем это удается.

Не удалось это и честолюбивым гребцам. Они дали друг другу клятву во что бы то ни стало победить знаменитых соперников. Они ложились спать на позднее 21.00. Отказались от самых безобидных радостей жизни. Были разборчивее самых изощренных гурманов Европы, когда садились за стол. А главное — они выдерживали чудовищные нагрузки на тренировках. Позднее, отчаявшись, стали принимать стимуляторы, причем сильные и с неприятными последствиями.

И все впустую. Несколько лет нечеловеческих усилий не дали им перевеса над уравновешенной командой ГДР, в которой сидели два преподавателя и два инженера. Они выиграли Олимпийские игры в Мехико и Мюнхене, неизменно были сильнейшими на чемпионатах мира и Европы, а их соперники проигрывали не только им, но и другим экипажам.

Вот такая история. С крайностями, конечно, поэтому особенно поучительная. В спорте необходимо поставить перед собой цель и настойчиво идти к ней. Но и этого мало, требуется и осмотрительность, и хитрость, и знания, сказать по-житейски — голова на плечах. Если спортсмен трудолюбив и способен еще глубоко мыслить, то это уже прочный фундамент для достижения успехов. Как тут не вспомнить английского гребца Тэйлора, который в конце прошлого столетия изобрел подвижное сиденье в академической лодке и одержал несколько впечатляющих побед.

Тэйлор не был одаренным от природы спортсменом и поэтому полагался больше на сообразительность. Рассчитал, что если использовать в лодке силу ног, то выигрыш в результате будет равняться 15 секундам.

До современной подвижной «банки» с колесиками он не дошел, но принцип его решения был правильным и перспективным. Тэйлор заказал портному кожаные брюки и перед гонкой обильно намазал их гусиным жиром. Его знакомые по гребному клубу всласть потешились, наблюдая за елозящим на сиденье Тэйлором, но прикусили языки, когда тот первым закончил гонку.

О Тэйлоре рассказал молодым ленинградским гребцам тренер Савримович. Рассказал ярко, с юмором, и мы содрогались от хохота, воображая озадаченные лица клубменов, когда они увидели Тэйлора с кубком в руках. Тренер, дождавшись паузы, закончил уже назидательно: — Спортсмен что солдат, на одну храбрость да силу-матушку не должен надеяться. Смекалка еще нужна, ничего без нее не сделаете.

Этот совет был понятен мне, я всегда старался иметь хотя бы общий план действий в гонке. В деталях невозможно продумать ее ход, тут уж на импровизацию следует полагаться. Но перед каждым соревнованием нужно трезво оценивать свою подготовку, и наиболее вероятные маневры соперников. С гордостью могу сказать, что я и Беркутов однажды перехитрили самого Вячеслава Иванова. Правда, не о гонке на одиночках идет речь, на двойках парных мы соревновались на чемпионате Советского Союза в 1961 году.

Завязка этой истории давняя. Еще в 1956 году Иванов «высадил» нас из одиночки, и мы с Беркутовым об этом не забывали. И когда обосновались в двойке, то пошло у нас своеобразное и молчаливое соревнование. Все трое составляли главную ударную силу сборной команды страны, и про себя вели счет победам на международных регатах. Счет этот, по-моему, не давал тогда бесспорного преимущества нашему молодому сопернику. Иванов сильнее выступал на Олимпиаде в Риме, но мы старательно набирали очки на чемпионатах Европы и других представительных регатах.

И вот летом 1961 года Иванов решился — сел в двойку с моим земляком Олегом Тюриным, который в то время считался вторым одиночником страны. Не думаю, что Иванов готовился надолго задержаться в этой лодке и дотянуть в ней до Олимпиады в Токио. Он был прирожденным одиночником, и в 1961 году скорее всего ему было скучновато на домашних соревнованиях в одиночке — намного сильнее других шел он в ней. А в двойке его ждали острые ощущения.

Все понимали, что наше поражение на Олимпиаде в Риме было нелепым и мы остаемся сильнейшим экипажем мира. Иванов бросал нам серьезный вызов, речь шла о нашем престиже, испытывалась наша классность в двойке, весомость прежних достижений на ней. Пять лет назад этот человек отобрал у нас славу сильнейших гребцов на одиночке, теперь добрался и до другой нашей лодки. Были, одним словом, у нас причины для беспокойства.

У Иванова с Тюриным было больше шансов выиграть, чем у нас. Самый элементарный подсчет давал им перевес: в одиночках Иванов и Тюрин шли значительно сильнее нас, и если сложить их положительный баланс, то окажется, что на дистанции Матвеевского залива в Киеве, где проводился чемпионат страны, нас ждет отставание в «трамвайную остановку». Больше скажу, когда я, чрезвычайно озабоченный всеми этими событиями, прибыл в Киев, то узнал, что Беркутов простудился. Отыскал я своего партнера в школьном зале физкультуры лежащим на матах и укутанным одеялами.

В самых сложных ситуациях следует сохранять душевное равновесие и стараться делать то, что в твоих силах. Да, соперники грозные, но окончательно все выяснится на воде, там посмотрим — все ли у них в порядке. Несколько дней только и было разговоров о нашем состязании, и большинство специалистов отдавали предпочтение дуэту Иванов — Тюрин.

Мы же твердо решили всерьез побороться в этой гонке, и уж если проиграть, то чисто, не сетовать позднее, дескать, там не дожали, там ошиблись. Соль нашего замысла была в решающем ускорении после трех пятисоток дистанции, поскольку мы уязвимое место обнаружили у соперников — не было еще у них безукоризненной слаженности, и сказаться это могло именно в районе 1500 метров. Тут особенно тяжело грести, в этой точке и должен был нарушиться рисунок движений у наших азартных соперников.

Замыслить-то мы замыслили, но надо еще было дотянуть до этой отметки. Беркутов к тому дню чувствовал себя сносно, спортивной злости у него всегда было предостаточно, и в конце концов мы сумели реализовать свой план. Ближе к финишу действительно забарахлило у наших соперников. Иванов, слышу, начал давать указания партнеру. Олег — человек с характером — ответил, и пока суть да дело, мы одним сильным и затяжным ускорением завоевали преимущество.

Позже Олег Тюрин говорил, что результат этой гонки был полной для него неожиданностью: не сомневались молодые гребцы в победе на чемпионате 1961 года. И это поражение немало дало моему земляку. Понял, что не стоит увлекаться какими-то этапными целями, следует бить и бить в одну точку, серьезнее относиться к делу. Спустя три года я прощался с выступлениями в большом спорте. Отдал Олегу свои весла, в том же 1964 году в паре с Борисом Дубровским он выиграл в Токио финал олимпийской регаты. Это была оригинальная команда, и я еще расскажу о ней. Бывает и так — прекрасно подготовлена команда, все у нее есть для завоевания олимпийских медалей, но их нет, из рук выскальзывают. Причем именно на Олимпийских играх чаще всего происходят такие вот драматические события, о них знают в любом виде спорта.

Уже совсем рядом была победа, уже восторженной скороговоркой повторяли твое имя теле- и радиорепортеры и с трибун неслись приветственные крики, как вдруг свело судорогой плохо разогретую мышцу или лопнула шина, перекачанная всего на один вздох насоса, или выскочил из-за спины хитрый и проворный соперник, и тогда ощущения своей силы и торжества сменяются горечью и негодованием. И драма велосипедиста Эдуарда Раппа, когда из-за собственной доверчивости и ошибки арбитра он не получил возможности выступить в финале трековой гонки — ему показалось, что соперник сделал фальстарт, и Рапп остался на месте. И внезапная судорога руки, остановившая в день фехтования пятиборца Павла Леднева в Монреале. Но много ли стоят объяснения этих нелепейших неудач? Есть олимпийский чемпион. Он сильнейший. И в спортивных справочниках стоят только фамилии, результаты, даты.

На Олимпиаде в Мехико великолепную подготовку демонстрировали голландские гребцы на распашной четверке. Высокого роста, техничные ребята, они с иной восьмеркой могли на равных идти внушительный отрезок дистанции. А ведь разница в скоростных возможностях этих лодок огромная, едва ли не минуту преимущества должна иметь восьмерка. За день до предварительных заездов один из голландских гребцов отправился поплавать. Разбежался, зацепился за край бассейна, разбил лицо, сломал ногу. В тот же день вместе с ним вылетела на родину его команда. Четыре года ждали спортсмены олимпийской регаты, сколько ради нее было положено времени и усилия, и нелепая случайность свела все на нет. Этот удар команда не выдержала — никогда позднее не видели ее на международных соревнованиях. Именно на Олимпиадах больше всего плачут. Радуются победе. Хоронят дерзкие надежды.

На олимпийском канале Тока в 1964 году выиграла Дубровский и Тюрин. Выиграли у американцев Кромвелла и Сторма, которых с превеликим удовольствием взял бы тренер баскетбольной команды: оба имели рост за два метра. Это были опытные гребцы, с Кромвеллом еще в 1962 году Иванов соревновался на одиночке в Филадельфии, и изрядно измотал тогда американец нашего чемпиона.

В Токио они были основными фаворитами. Публика в большинстве своем находится в полном неведении относительно ожидаемых событий на трассе. Другое дело — участники и тренеры. Несколько дней тренировок проясняют ситуацию: в катерах следят за соперниками тренеры, в кустах — рулевые с секундомерами. Многие поэтому предпочитают готовиться в открытую, соглашаются на совместные прикидки. И предварительные заезды также ставят все на свои места.

Кромвелл и Сторм еще на тренировках навели панику среди гребцов на двойках парных. Если говорить откровенно, в какой-то момент и наши ребята дрогнули: шутя обламывают соперников американцы, что поделаешь с такими отчаянными людьми! Тут тренер Аркадий Николаевич Николаев вовремя вмешался. Собрал незадолго до финала ребят и сказал: «Все я видел, друзья, видел, как нарочно, в поддавки играли с соперниками, потешили меня изрядно, но теперь хватит, теперь надо всерьез соревноваться».

Понимали гребцы, что витийствует их наставник, но на Олимпиаде господствует такое психологическое напряжение, что любая малость может приобрести значение. Своеобразная установка развеселила ребят, иначе уже взглянули они на сложившуюся ситуацию, посмеялись и в хорошем настроении отправились к лодке.

Задание они имели такое: на первой трети дистанции выйти в лидеры, чтобы сбить главных соперников с толку. Кромвелл и Сторм наверняка построили план гонки с учетом своего преимущества, и поэтому следовало сразу же выбить их из равновесия. Тюрин и Дубровский хорошо разогнали лодку, они вообще были прекрасными спринтерами. Тут и началось: Кромвелл и Сторм заволновались, оборачиваться стали, грести невпопад — ошибки, простительные разве что новичку, — и все спешили сломать лидеров. Никак не могли прийти в себя американские гребцы после того, как оказались в роли преследователей. А наши ребята держат свой темп, подгоняют и подгоняют лодку.

Наконец, Кромвелл и Сторм пошли ва-банк. Дело приближалось к развязке, а они никак не могли настичь лидеров. Выбрали для ускорения третью пятисотку: из огня в полымя попали. Сильный дул ветер на этом участке. Гонка решается прежде всего дистанционным темпом. Внезапный и хорошо подготовленный рывок — сильное оружие, но лишь в том случае, если перед ускорением и после него не было резкого снижения скорости.

И вот ближе к последней трети дистанции Кромвелл и Сторм пошли в наступление. Славно они тут потрудились, вплотную подошли к нашим гребцам. Но сразу за этим наступил глубокий и уже окончательный спад в темпе: вымотал американских гребцов этот участок дистанции, на нем все и решилось.

Симпатичные литературные герои Джерома К. Джерома довольно беззаботно проводили время, путешествуя по Темзе на лодке. И все же не обходилось у них без размолвок и недоразумений. В лодке приятна часовая прогулка, не более. Иначе потихоньку начинают раздражать монотонное скрипение уключин, журчание воды. В лодку Джером К. Джером посадил трех путешественников, среди трех всегда найдется человек-громоотвод. А вот двое в лодке — это проблема, при таком составе всегда есть почва для конфликтов.

Ежедневно на протяжении нескольких лет молодые люди садятся в одну лодку, и не всегда голубое, безоблачное небо над ними, чаще стужа и дождь. И делать приходится одни и те же движения, гребля в этом отношении удивительно скупой вид спорта, это не игра, нет тут импровизации. Покатил себе на «банке», взял веслами воду — и обратно. И таких движений — три-четыре тысячи за одну тренировку. Не шуточное испытание, согласитесь.

Вот и у Тюрина с Дубровским контакта не налаживалось. Они постоянно вели молчаливое и упорное соперничество. Подтянется один из них, скажем, четырнадцать раз на гимнастической перекладине, другой ужом будет извиваться на ней, а все равно хоть на один пункт, но обязательно побьет достижение. На лыжах выйдут: солнечный денек, морозец, джазовая музыка из репродуктора веселит. И тренер дал указание — в свое удовольствие покататься, разгрузочный день по плану. Какое там, выбрали круг — и пошло-поехало, в седьмом поту мчатся на лыжах.

Разными уж очень они были, Олег и Борис. Первый — эмоциональный, со своим видением жизни. Склонный к сиюминутным и не всегда верным решениям. Не имея специального гуманитарного образования, Олег удивлял знатоков литературы глубоким и своеобразным пониманием самых сложных книг. При этом был страшным максималистом: понравились ему сказки Шварца, так он готов первому встречному превозносить их. Ну, а если не по душе была книга, то кривая презрительная улыбка, сарказм. Будто личное оскорбление ему нанесено.

Жил он неподалеку от Малой Невки, как-то заглянул в гребной клуб. Правда, первое время с прохладцей тренировался в лодке, иные были у него планы, и если верить рассказам его сверстников, то готовил себя Олег к карьере циркового артиста. Какое-то время работал верхолазом, потом пришел в ленинградский цирк, но артистом не стал. Он всерьез увлекся греблей: его пригласили в хорошую команду, которая сильно выступила на нескольких регатах.

Стиль его был своеобразным и уж никак не для учебной кинограммы: греб Олег несколько коряво, в подчеркнуто силовой манере. Но ему такое было, пожалуй, с руки. Имел бесстрашный характер: всегда показывал свой результат. Есть такие спортсмены, все им нипочем в гонке — ни сложные погодные условия, ни любые неожиданности, ни встреча со знаменитым соперником.

Послали его на Хенлейскую регату, там Тюрин встретился со Стюардом Маккензи. В том году австралиец был в хорошей форме, у всех одиночников легко выигрывал. Но Тюрин всю дистанцию заставил работать Маккензи. В поту закончил Маккензи дистанцию, чертыхался после — не был он готов к серьезной гонке, отвык, а Олег исподлобья посматривал на победителя и все грозился задать в следующий раз трепку покрепче. Но больше он уже не встретился с австралийцем в гонке, Тюрин сел в двойку с Дубровским, и другие соперники ждали молодых гребцов.

Дубровского знаю меньше. И не только потому, что в разных городах живем. Очень уж долго не проявлял он себя в большом спорте. Физические данные у Дубровского были скромными, и на юношеских соревнованиях он больше проигрывал. Но каждый очередной сезон проводил сильнее, и когда однажды проиграл Иванову всего 20 секунд — по тем временам это было многообещающее достижение, — то московские тренеры впервые посмотрели на него всерьез и посоветовали сесть в распашную двойку с Вячеславом Солдатовым. Вот уж, кстати сказать, кто был великим неудачником в гребле. Тружеником и великим неудачником. А ведь многое было у Солдатова для прекрасных результатов. Хороший рост и атлетическое сложение, в те годы это был едва ли не первый Геркулес сборной команды. И выносливость у него была — на лыжах бежал в силу мастера спорта. И начал он хорошо в гребле, совсем еще молодым в паре с ветераном Алексеем Смирновым — давним соперником Долгушина — выиграл в 1951 году первенство Советского Союза.

Но в следующем сезоне москвичам совершенно неожиданно перекрыли дорогу на Олимпиаду в Хельсинки киевляне Георгий Жилин и Игорь Емчук. Еще весной 1952 года сами киевские тренеры не возлагали на эту новую и «необученную» команду особых надежд, делали ставку на восьмерку, но эта восьмерка после сбора в Потти отправилась домой, а Жилин и Емчук — в Хельсинки, где и выиграли серебряные олимпийские медали.

В том же сезоне Смирнов ушел из гребли, и Солдатов сел в одиночку. В ней и началась его маета: сколько раз завоевывал призовые места на чемпионатах страны, сколько одиночников, обыгрывая его, добивались впоследствии прекрасных результатов. Какое-то время Солдатов был достойным соперником Вячеслава Иванова, Александра Беркутова и других мастеров, но все они шли дальше — к олимпийским успехам, а он оставался на месте, с очередным призовым местом.

Тем он и запомнился как своего рода ориентир для многих наших чемпионов. Что ж, сцена спорта обширна, и ей нужны разные персонажи. Но как бы то ни было, а Солдатов прекрасно разбирался в гребле и много дал Дубровскому. Солдатов и с ним не стал чемпионом, но самого Дубровского начали выделять тренеры сборной страны — совсем еще молодой, а смотрите, не портит каши в одной лодке с известным ветераном, пора

выдвигать. Солдатов вскоре расстался с греблей, а Дубровский сел в одну лодку с Тюриным.

Как люди они сразу не сошлись. Но поистине неисповедимы пути к олимпийским медалям: лодка не пошла, а полетела у них, и в 1962 году мы с Беркутовым поняли, что именно эти ребята заставят нас поставить точку.

*Валентин БОРЕЙКО (слева) и Олег ГОЛОВАНОВ (справа)
приветствуют зрителей после победы на Олимпиаде в Риме, 1960 г.*

У тренера Николаева больших хлопот с этими гребцами не было: Тюрин и Дубровский пришли к нему сложившимися спортсменами. Одно беспокоило тренера — как же все-таки

добиться согласия между ними, ведь серьезные задачи обоим предстоит решать. А их разделяло нечто большее, нежели разница характеров, в каких-то принципиальных точках не сходились молодые люди. Присмотрелся к ним Николаев. Поразмывлял. Потом объявил:

— Давайте-ка вот как. Только на тренировках будете встречаться, с вас хватит и этого. А на берегу в разные стороны расходитесь.

После олимпийской регаты в Токио эта команда выиграла чемпионат страны, завоевала серебряные медали на мировом первенстве. Затем Дубровский ушел из спорта. Человек целеустремленный, он занялся наукой: поступил в аспирантуру, стал кандидатом наук. От гребли отошел совсем, уже какой год не видно его на лодочных состязаниях.

Затем сошел на берег Тюрин. Он не сразу определился в жизни. Опубликовал очерк во всесоюзном журнале. Яркий и глубокий. О своей гонке в Токио рассказал. Профессиональные журналисты не верили, что это лишь первая проба пера. Но Тюрин не задержался на этом поприще, увлекся кино. Снял короткометражный фильм «Идущие в гонку», и эта работа не прошла незамеченной — была удостоена приза на Всесоюзном фестивале спортивных фильмов.

Пытался тренировать молодых гребцов, и вот тут-то не пошло, у него. Странное дело, в совершенно незнакомых сферах Тюрин быстро добивался успехов, а в гребле, которой посвятил более десяти лет, вышла осечка. Сейчас работает преподавателем в военной академии.

О Борейко и Голованове расскажу, о своих земляках. Эти гребцы отличались огромной целеустремленностью. Для олимпийской победы немножко должно повезти — это старая истина. У Борейко и Голованова все наоборот складывалось, и немалую стойкость они проявили на пути к золотым олимпийским медалям.

Тренировал их мой давний соратник по гребным соревнованиям Владимир Кирсанов, человек тактичный и немногословный, прекрасный специалист. С ним я когда-то выступал на распашной двойке, выиграли чемпионат страны. Вместе гребли и в восьмерке «Красное знамя», и я помню, каким авторитетом пользовался у нас загребной Кирсанов: логично и безо всякого эмоционального натиска доказывал свою правоту, ему принадлежало последнее слово в конфликтных ситуациях.

Он и в работе с учениками больше полагался на доверие и спокойные, уважительные отношения. Борейко и Голованов были людьми с тяжелыми судьбами и большой требовательностью к себе, партнеру, тренеру. Поэтому Кирсанов сразу же высказал свою позицию: будем расходиться во взглядах, обязательно будем, но и это должно быть подчинено главной цели. Если кто-то из нас докажет целесообразность своего мнения, то я, не опасаясь за тренерский авторитет, признаюсь в ошибке и внесу изменения в подготовку.

Так они и пришли к согласию. Стали единомышленниками. Вежливый, во всем аккуратный Олег Голованов. С постоянным «пунктиком» по поводу наладки лодки. Все ему казалось, что в запущенном она состоянии, с педантичностью старого аптекаря менял угол накрытия вертлюга, лишний виток изоляционной ленты мог привести Олега в отчаянье. Переставлял подножку, копался в «банке». Характер вроде бы покладистый. Но это только внешне. Страшно был упрям Голованов во всем, что касалось дела, тихое, но абсолютно непоколебимое упрямство. " А рядом — взрывной и нетерпеливый Борейко. Ворчун. Всем и всегда недовольный. С ним все же было полегче: быстро, как и все импульсные натуры, отходил. Они и гребли по-разному. У Олега был мягкий, продуманный в малейших деталях стиль. Борейко действовал в лодке резко, большие вспененные гребни оставляло его весло.

Это также поставило перед тренером Кирсановым проблему: так и эдак ходила лодка по дистанции у его учеников, и надо было срочно добиваться необходимого взаимопонимания между партнерами. Плохое руление погубило не одну классную распашную двойку. В

парной лодке с этим легче — у каждого два весла. А в распашной несогласованное движение весел делает команду практически беспомощной. И дело тут не только в потере секунд и темпа. Сразу же начинается выяснение — кто из двоих «пассажир» в лодке, кто кого перегребают. И если незамедлительно не принять меры, то экипаж распадается. Всю энергию своих учеников Кирсанов направил на поиски выхода из положения. Пробовали ставить рулевое устройство на подножки обоих номеров — в этих лодках курс изменяется движением «башмака» одного из партнеров, — менялись местами в двойке, переставляли уключины, а попутно тренер приводил к единому знаменателю технику Голованова и Борейко: одному чуть жестче рекомендовал брать воду, другому — наоборот.

Так потихоньку и решили проблему, ровненько заскользила лодка. Взлет этой команды произошел в 1959 году на Спартакиаде народов СССР. Главными соперниками были москвичи: в том сезоне Солдатов выступал в паре с Борисом Добрыниным. В финале ленинградцы добились первенства в корпус лодки, и перед ними открылась дорога на международные состязания.

Позже говорили, что Борейко и Голованов составили экипаж всего одного сезона и даже одной гонки, имея в виду их олимпийскую победу на озере Альбано в 1960 году. Да, это лето было самым счастливым для них, больше они уже не имели первых мест на официальных международных регатах. Но у Борейко и Голованова хранятся и два комплекта серебряных медалей: в 1959 году на чемпионате Европы в Маконе они проиграли в финале всего 0,65 секунды гребцам ФРГ, а на мировом первенстве 1962 года в Люцерне опять же заняли второе место.

Причем в Люцерне им помешали осложнения в полуфинальной гонке. Она была очень тяжелой, и Борейко, закончив дистанцию, потерял сознание. Наступило, видимо, солевое голодание, и весь следующий день ленинградского гребца мучили судороги мышц, да и на старт финальной гонки он отправился, морщась от боли. Тем не менее Борейко и Голованов лидировали до 1800 метров, и лишь у трибун команда ФРГ вырвала у ленинградцев крохи преимущества.

Их вообще не баловала удача. В том же олимпийском сезоне так и сыпались на них удары судьбы. Для начала разбили на тренировке лодку. Это пренеприятнейшая штука: уже никогда пострадавшая посуда не будет такой же легкой и быстрой в ходу, как прежде, заплатки и швы снижают гоночные качества. К новой же лодке привыкаешь долго, не сразу проведешь на ней полноценную тренировку. Можно и вовсе не привыкнуть, свой у каждой лодки характер, не всякого гребца примет.

Потом простудился Борейко. Только выздоровел, как его партнер, сев на гоночный велосипед, не совладал со скоростью и получил серьезную травму. Борейко, пока Олег ходил по базе с палочкой, греб в одиночке, подсаживался в команды. Месяц-полтора очень важной подготовки к Олимпиаде в Риме пошли насмарку.

Впрочем, в Рим еще надо было попасть, отборочные состязания выиграть. Тренер Кирсанов и поныне убежден, что на регате, посвященной 100-летию отечественного гребного спорта, его ученики не имели очевидного преимущества, и по-всякому могла завершиться финальная гонка на двойках распашных без рулевого.

Все же ленинградцы выиграли. Не столько тренированностью и классом взяли, сколько отчаянной решимостью и солидным уже к тому времени авторитетом. Соперники, правда, не дали им настоящего боя, знали, что Борейко и Голованов спят и видят олимпийские путевки, все отдадут в главной отборочной гонке.

Заключительные тренировки Кирсанов посвятил в основном скорости. Словно предчувствовал, что в решающем заезде на озере Альбано редкая свалка начнется на финише, и все тут решат натиск и спринтерские качества. Готовились на озере Хеппо-Ярве в Кавголове, и даже когда Борейко и Голованов шли внушительный отрезок дистанции, Кирсанов ставил за 500 метров до финиша свежую команду и давал своим ученикам указание не только удержаться за ней, но и обойти. Очень тяжелыми были эти финиши для Борейко и Голованова, но только спасибо сказали и тренеру, и спарринг-партнерам,

которые добросовестно терзали их на последней пятисотке в Кавголове.

На озере Альбано ленинградцев ждало еще одно испытание. Пересели в новую лодку, а она не пошла, закапризничала — хоть плачь. Тут и в остальном перестало клеиться: техника гребка нарушилась, с рулением снова возникли проблемы. До олимпийских стартов оставались какие-то дни, все соперники были уже в полной готовности, а у наших по-прежнему лодка с борта на борт переваливается, по дистанции зигзагами идет.

В те дни сборная, как могла, поддерживала ребят. Только многим ли поможешь? Все что-то советуют, но что дают эти советы, Борейко и Голованов и сами опытные мастера. Встретишь их в столовой или в финской бане — лица на них нет. Но они были людьми сильными, знакомыми с невзгодами: Борейко и Голованов пережили блокаду, потеряли родителей. После семилетки пошли на завод, работали слесарями. Так что они давно и крепко уяснили житейскую мудрость — не хнычь и не жалуйся в беде, спокойно делай свое дело и жди, не бывает в жизни беспросветного невезения. И если раньше у Олега и Валентина, случалось, разногласия до серьезных конфликтов доходили, несколько раз они вообще рассаживались в разные лодки, то теперь, в дни сурового олимпийского испытания, они стойко перенесли невзгоды и все время были вместе.

Все же лодка пошла. Встретил Борейко и Голованова за день до отборочных стартов, вижу, что все наладилось у них. Сияют, рты до ушей, хотя на улыбки они не очень щедры. Рассказывают, что в очередной раз решили пройти контрольный отрезок. Выбрали укромное место на озере, чтобы не срамиться перед соперниками. Разогнали лодку, и... полетела она — и на секундомере отличное время. Не поверили. Снова пошли дистанцию. Нет, все теперь было: и слаженные гребки, и прекрасный ход, все вернулось.

Оставалось реализовать завоеванную скорость. Они это и сделали. Первыми после финиша вышли к наградному плоту за олимпийскими медалями. Академическая гребля! Как ты порой неакадемична и как прекрасны твои герои...

К олимпийской победе идут годами. Чем ближе это соревнование, тем значительнее каждая тренировка и дороже цена ошибки. Все можно в последние дни испортить и все можно вернуть, как и вышло у моих земляков Валентина Борейко и Олега Голованова.

А сколько других вспоминается случаев! Самых неожиданных и невероятных. Но ведь это Олимпиада, она всякие чудеса знает. В Риме западногерманский тренер Карл Адам быстро понял, что его восьмерке может противостоять только экипаж Канады. Вроде бы неназойливо, между прочим, а на самом-то деле не сводя своих стального оттенка глаз, присматривался он к соперникам. Рослые были ребята, сильные, уключины едва не гнули

веслами, и честолюбия с избытком. Но и другое увидел Адам — неопытность, прямолинейность. Простенькой была их тактика — делали ставку молодые канадцы в основном на мощный ход после половины дистанции.

Но ведь эту тактику знают и в начальных классах гребной школы. Лыжники, как известно, убегают на подъемах, так же и велосипедисты, а в гребле стараются на отрезке от 1000 до 1500 метров. Это давний прием, и все готовы к такому повороту событий. И вот что придумал Карл Адам: дал своим гребцам указание без особого рвения идти эту часть дистанции. Не в финале, разумеется, только в предварительных гонках.

Канадские гребцы тоже следили за восьмеркой Ратцебурга и перед финалом пришли к выводу, что у нее легкий провал начинается на третьей пятисотке, и еще больше уверовали в силу своего плана. Но в финале именно тут западногерманские гребцы выполнили затяжное ускорение. Причем мягко раскатали лодку, и рулевому Адам велел молчать, чтобы создалось впечатление, будто средним ходом идут и только готовятся к завершающему рывку. Здесь и растерялись канадцы: как же, они такую прыть проявляли раньше на трудном отрезке, а сейчас соперники дистанционным темпом идут и такую сумасшедшую скорость имеют.

Проиграла канадская восьмерка. После гонки за головы схватились, когда сияющий Адам, разоткровенничавшись, рассказал о своей тактической уловке.

На Олимпиаде 1972 года попал в передрягу и наш байдарочник Александр Шапоренко из Сум. Но ничего, выкрутился, был и у него заготовлен ответный тактический удар. Шапоренко уже имел титул олимпийского чемпиона и накануне соревнований на канале Фельдмохинг уверенно побеждал соперников, так что не питали они больших иллюзий относительно финального заезда на байдарках-одиночках.

*Победитель олимпийской регаты в Мюнхене
Александр ШАПОРЕНКО (справа) и швед ПЕТЕРССОН*

Один швед Петерссон не смирился. В почтенном возрасте гребец еще на Олимпиаде в Токио выиграл золотую медаль на одиночке. Задумал и спустя восемь лет побороться за нее. Понимал, что обычное течение гонки не принесет ему успеха. Шапоренко прекрасный спринтер, и наверняка постарается сразу же добиться преимущества, но именно в стартовой зоне Петерссон и решил идти на пределе возможностей.

План этот, хотя и несколько авантюрный, в принципе был не так уж плох. Шли байдарочники 1000 метров дистанция далеко не стайерская, и если в самом начале ошеломить соперника, то еще неизвестно, чем все кончится. Может тот и запаниковать и в крайности начнет бросаться.

*Александр ШАПОРЕНКО
Со своим золотым веслом*

И вот, едва дождавшись хлопка ракетницы, швед в несколько секунд разогнал лодку — так и замелькали лопасти его весла, разумеется, сразу же вышел вперед. Но Шапоренко, хотя и был озадачен случившимся, не спешил форсировать события: подтянулся на середине дистанции к Петерссону, ждет, когда тот уймется. Но шведу терять уже нечего — начал

финишировать с отметки 500 метров. Отчаянный человек! Тут Шапоренко большую выдержку пришлось проявить, чтобы не втянуться в безрассудную погоню. Ведь неподалеку шли и остальные лодки, и рваная скорость могла привести к последствиям катастрофическим.

А финиш — вот он уже, совсем немного осталось идти. И только за 100 метров до створа «сломался» Петерссон. В этой гонке он и шел в определенном смысле не 1000, а 900 метров, остальные 100 метров надеялся пройти кое-как, на энтузиазме в основном. Поэтому и делал все раньше — стартовал быстрее, финишировал. Но Шапоренко не дрогнул, и на «последней прямой» наступил для Петерссона момент расплаты. Обошел его наш гребец, а шведа встретили на берегу врачи.

Нельзя не рассказать и о поведении Петти Карпинена в олимпийской деревне Монреаля. Летом 1976 года мы впервые увидели финского одиночника на международных соревнованиях в Крылатском. Чистенький, аккуратный блондин в очках. Похож на первого ученика школы. Застенчивый, все как-то в тени старался держаться. А каким хитрецом оказался!

В сборную Финляндии входил и его брат, с которым они были похожи. В Монреале Петти Карпинен на все разговоры о его надеждах на олимпийскую медаль отвечал удивленным всплескиванием рук и румянцем смущения.

Тогда в героях ходил Петер Кольбе из ФРГ — красивый и стройный молодой человек. Чемпион Европы и мира. Кому же, как не ему, выигрывать олимпийский финал в канадском заливе Святого Лаврентия?

А у Карпинена всего одна международная победа — выиграл Большую московскую регату. Но не все лучшие одиночники собрались тогда на канале в Крылатском. Сам финн, заметили специалисты, в мыслях не держал посягнуть хоть на какую-нибудь олимпийскую медаль, человек, по всей видимости, не азартный, уверяет, что приехал в Монреаль на знаменитых одиночников поглядеть, в свое удовольствие провести время. Действительно, все вечером его видели в баре, кружка пива перед ним, а то и покрепче напитки. Нет, на сегодня он не соперник бравому Кольбе.

Только позднее выяснилось, что Карпинен все рассчитал и взвесил, что самым серьезным образом он готовился к олимпийскому финалу. А вечерами это его брат галопировал в танцах с девицами, тогда как сам Петти попадал в этот час в руки массажиста, готовился ко сну.

Спокойно, не привлекая к себе внимания, шел финский одиночник к цели, и когда наступили минуты решающего испытания, от былой его вялости и следа не осталось: проявил себя расторопным и стойким гонщиком! Кольбе лихо помчался по дистанции, не обращая внимания на такие пустяки, как встречный сквознячок и волны. Спешил чемпион мира к золотой олимпийской медали, а Карпинен между тем легко катил себе поодаль, и это тоже подгоняло Кольбе — просвет в корпус лодки он уже имел, но хотелось большего, чтобы и малейшего шанса не оставалось у конкурентов.

Но все тяжелее давались рывки, и, когда ближе к финишу одиночник из ФРГ попытался оценить ситуацию здраво, его быстро настиг Карпинен и обошел. Гонка эта едва не сломила Кольбе-гребца. Год не появлялся на международных регатах. Уговорили — сел в лодку. Гребец он, конечно, огромных возможностей. Выиграл в 1978 году первенство мира и даже длительный перерыв не помешал ему.

Впереди Московская олимпиада, и Карпинен снова делает все, чтобы его оставили в покое, снова он смущенно улыбается, когда спрашивают об олимпийских планах. А между тем не пропускает ни одной крупной регаты: занимает обычно призовые места, иногда и выигрывает. Вот и гадай — сходит потихоньку или замыслил что-то серьезное?

В олимпийской деревне живут особенной жизнью. Все ощущения тут спрессованы. Я даже склонюсь к мысли, что именно этими днями — ожиданиями, сомнениями, надеждами,

страхами — и трудны прежде всего Олимпийские игры. Сами состязания, разумеется, тоже очень тяжелые, все готовится с энтузиазмом, поэтому и конкуренция сумасшедшая, и борьба, и страсти неслыханные.

А все же соревнование — это соревнование. Делом занят, весь в нем. Я вот где-то раньше сказал, что на Олимпиаде в Мельбурне мы с Беркутовым довольно легко выиграли золотые медали. Редкий это, конечно, случай, по нынешним временам вообще немыслимый, но было — значительно сильнее мы шли, и соперники только за остальные призовые места боролись.

Но ведь и другое было: страшное волнение перед финальной гонкой. Всем, должно быть, олимпийцам знакомы эти ощущения: постоянное нервное напряжение. Будто потихоньку горишь внутри — очень это неприятно. Узнаешь новости, спешишь куда-то, беседуешь, а где-то в глухом уголке сознания тлеют и тлеют мысли о близком и неминуемом старте, и о всем, что с ним связано.

Тренеру нервному и нетерпеливому лучше подальше держаться в эти дни от учеников. Много случаев знаю, когда перед самыми стартами рушились команды. «Как себя чувствуете, ребята?». — «Все в норме, хорошей была тренировка». — «Тогда завтра еще прибавим, есть, вижу, резервы. Ну, а сегодня как?» — «Ничего, держимся». — «Отдохните часок-другой, еще на воду выйдем. Совсем мало времени осталось до гонок, а сегодня кое-какие недоделки увидел».

И еще раз. И еще тренировка через силу. И... лопнула нитка! Заездили молодцов. Так, кстати сказать, и было с нашей восьмеркой на Олимпиаде в Мюнхене. Не думаю, что она могла справиться с могучим экипажем из Новой Зеландии, но за серебряные и тем более бронзовые медали могла бороться. Но в последние дни началось — еще чуть потерпим, еще прибавим, и в финале азартная и сильная команда плыла и плыла за лидерами, не было сил для активной гребли.

Спустя четыре года нечто подобное повторилось и в Монреале. Летом полетела лодка у сборной РСФСР. Свежая была команда — молодые, рослые ребята сидели в лодке, и желания отличиться было у них с избытком. С тем и проводили ее в Монреаль. А там она мимо пика формы проскочила, и заодно и мимо финала. Прекрасные есть тренеры — опытные, с глубокими знаниями, авторитетом. Но захлестывают иногда эмоции, перегибают, и все это сказывается на результатах.

В том же Монреале жертвами пассивности тренеров стали восьмерка США и Чехословакии, а также два-три экипажа сборной Болгарии. Тренеры этих стран очень уж вольготную жизнь устроили своим питомцам перед олимпийской регатой. Тренировались от случая к случаю, и не плотно. Зато отдыхали со вкусом — все развлечения олимпийской деревни были предоставлены этим гребцам. Запасы нервной энергии сохранили, а физические кондиции гребцов были растеряны в эти дни, на дистанции команды демонстрировали явную нехватку выносливости и ритмичности.

Но есть и другие истории. Со счастливым финалом. Героев этих историй я зову про себя «десантниками». По той или иной причине образуется в сборной команде «дыра», в аварийном порядке комплектуется новый экипаж, и иногда выигрывают «десантники».

В сильной спешке, с недоделками иной раз выходят на старт олимпийской регаты и обыгрывают знаменитые устоявшиеся экипажи, и тут только руками развести остается.

Другое дело, что большинство таких команд обречено на недолгую жизнь, и не в каждом классе судов возможны такие лихие импровизации, чаще всего — в парных двойках.

У этой лодки сносный характер, и когда в нее садятся сильные одиночники, то нередко экспромт удастся. Именно так выиграл две золотые олимпийские медали москвич Александр Тимошинин. Сначала с Анатолием Сассом в 1968 году. В следующем сезоне Тимошинин сидел в лодке уже с другим партнером. Его товарищ по ЦСК ВМФ Эдуард Жданович и по возрасту был ему ближе, и по душевным качествам. Ветеран Сасс большим

ворчуном был, несладко с ним было грести в одной лодке. И подготовку молодые гребцы вели безо всякой спешки, фундаментально: время теперь не поджимало.

Анатолий САСС (слева) и Александр ТИМОШИНИН
на гребной дистанции

Интересно, что за два года совместных выступлений Жданович и Тимошинин так и не одержали ни одной большой победы на международных соревнованиях.

И снова накануне олимпийской регаты Тимошинин оказался не у дел. Сборная страны уже вышла на последний этап, все в поте лица готовились к соревнованиям на канале Фельдмохинг, а Тимошинин и за месяц до Олимпиады в Мюнхене не имел четкого представления о своем будущем.

Посоветовали сесть в лодку с ленинградцем Геннадием Коршиковым. И экспромт удался! Неделью-другую ушло на знакомство и торопливые поиски хода лодки, а там уж и время упаковывать чемоданы.

Так получилось, что Тимошинин и Коршиков прибыли в Мюнхен, не имея ни одного совместного старта на состязаниях. Самое смутное было у них представление о своих возможностях, выясняли это в предварительных гонках.

Получалось как будто неплохо. В финале их ждали почти двухметрового роста норвежцы Хансен и Тогерссон. Это были серьезные люди. Ради олимпийской победы Хансен испортил отношения с братом — раньше они выступали вместе, но с Тогерссоном грести ему больше нравилось, и он пригласил его в лодку.

В олимпийском сезоне они встретились со всеми соперниками, и никому из них не позволили приблизиться к своей лодке, не иначе как с перевесом в 10—12 секунд выигрывали норвежцы. Хансен и Тогерссон были главными фаворитами в Мюнхене. Но на канале Фельдмохинг на их головы обрушились «десантники», которые и выиграли финальную гонку.

Норвежские гребцы были очень огорчены случившимся. Прямо в лодке Тогерссон воздел к небу руки — о, олимпийские боги, где справедливость?! Позднее норвежская двойка все же добилась успеха: выиграла в 1974 году чемпионат мира в Ноттингеме, а затем и олимпийский финал в Монреале. Только в этих гонках Хансен уже выступал с братом.

В Монреале Коршиков попытался повторить экспромт своего бывшего партнера и незадолго до олимпийской регаты объединился с ростовчанином Евгением Барбаковым. Но всему есть предел — счастливым экспромтам тоже, и в заливе Святого Лаврентия наша команда заняла четвертое место.

Но там выиграла другая новая команда — каноисты Сергей Петренко и Александр Виноградов. Сергей — одессит. Его характерный склад речи, шутки и розыгрыши заметно облегчают участь врача-психолога в сборной команде. Живой и общительный характер Петренко переплетается, когда дело доходит до серьезного испытания, с замечательной стойкостью. В 1974 году Петренко дебютировал на чемпионате мира в Мехико. Шел в финале с олимпийским чемпионом Пацайкиным из Румынии. Но внезапно его настиг сверстник из ГДР Клаус Цайслер, которого до старта никто не брал в расчет. В гребле есть правило — пиши пропал, если достали тебя в борьбе, обошли. Соперник полон энтузиазма и веры, ты же озадачен и огорчен случившимся, и только огромное присутствие духа может вернуть шансы на победу. У Петренко нашлись силы, чтобы снова обойти Цайслера, хотя и дорогой это далось ценой — после финиша он был в беспамятстве.

Сейчас Сергей Петренко считается самым одаренным каноистом сборной команды страны: имеет рекордный по длине и пластичности гребок, самый высокий КПД на проводке весла. Удивительно чувствительные, живые мышцы. Год назад ученые провели в сборной команде эксперимент: предложили гребцам воспроизвести на воде проводку той или иной силы. Показатели Петренко точно соответствовали заданию. А ведь было время, когда Петренко не подавал больших надежд, шли разговоры о том, что пора его выводить за ворота гребной базы. Даже на областных соревнованиях он с трудом пробивался в финал юношеского разряда. И вдруг словно клапан запасной у него открылся, как на дрожжах стали расти достижения. Занял третье место на юношеском чемпионате Украины — первая медаль. С таким же результатом финишировал на европейском первенстве, выиграл у сверстников финал Кубка СССР. А затем — сильные выступления в соревнованиях со взрослыми. В Мехико выиграл первенство мира, отстоял этот титул и на регате 1975 года в Югославии. Так что к Олимпиаде в Монреале Петренко пришел сложившимся мастером.

Партнер старше его на пять лет, соревновательного стажа у Виноградова больше на десять сезонов. Сын известного гребца — в 1957 году Виноградов-старший завоевал на каноэ бронзовую медаль чемпионата мира, спустя четыре года Юрий Георгиевич привел на гребную базу московского «Водника» Александра.

Александр Виноградов быстро освоился в каноэ. Летом того же 1961 года, когда отец, покатав его немного в двойке, дал ему весло, Александр вполне успешно для новичка прошел свой первый километр. Они и позднее нередко выходили на воду вместе, и все меньше проигрывал сын: опека отца позволила Александру быстро одолеть азы гребли, и в соревновании со сверстниками он имел очевидное преимущество. Стал победителем Всесоюзной спартакиады школьников.

Но дальше наступила длительная пауза в достижениях. Пришло время соревноваться со взрослыми каноистами, и тут запаса мастерства оказалось недостаточно для почетных результатов. Виноградов понял, что ему надо набраться терпения. Долго ждал своего часа, и только в 1971 году вошел в сборную команду страны.

В том же сезоне в паре с Наумом Прокупцом выиграл первенство мира. Перед этим экипажем открылись радужные перспективы, но Виноградов принял ответственное решение — вернулся в одиночку, полагая, что в этой лодке еще многому может научиться.

В период подготовки к олимпийской регате в Монреале выяснилось, что в классе каноэ-двоек дела у наших гребцов складываются не лучшим образом: победители Игр 1972 года снизили свои результаты, а молодые не могли завоевать твердых позиций.

Долго ломали головы над этой проблемой. Наконец, главный тренер сборной Силаев вещим своим оком взглянул на Петренко и Виноградова, прикинул их возможности в каноэ-двойке и распорядился объединить. Кое-кто пожал плечами. Многие тут не совпадало — и возраст, и характер, и, самое главное, манера гребли. Дебютировала эта команда на Кубке СССР и

выиграла у ближайших конкурентов корпус лодки. После этого замолчали самые стойкие скептики — новый экипаж только начал разгоняться, и сразу же такие достижения.

В Монреале Виноградов и Петренко одержали две победы. Выиграли финальные гонки на 500 и 1000 метров. До этого никому из каноистов не удавалось сделать счастливый дубль на одной олимпийской регате.

Должен сказать, что у тренеров по байдарке и каноэ особых хлопот с психологической совместимостью экипажей не бывает, хотя гребля на байдарке, и особенно в каноэ, представляется мне невероятно сложной. Адское тут терпение требуется. Как-то попробовал и больше уже не подходил к этой «пироге». Весло огромное — не повернуть. Принимаешь какое-то неестественное положение — полуприсед с завалом на весло. Колено в несколько минут натер, ладони. И ни одного лишнего движения в каноэ не сделаешь, лодка ходуном ходит. В академической лодке и поерзать на «банке» можно, и встать, и даже прилечь, коли охота.

Не в обиду моим коллегам по веслу будет сказано, но народ в каноэ и байдарках в целом поосновательнее, что ли, потерпеливее. Оттого и конфликтных ситуаций поменьше. Провели в этих сборных опрос по поводу отношений с партнерами. У каноистов и байдарочников процент надежности в этом плане оказался значительно выше, чем у гребцов на академических лодках. Быть может, в этом и есть одна из причин более высоких достижений наших байдарочников и каноистов на олимпийских регатах?

ОЛИМПИЙСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ В КРЫЛАТСКОМ

В 1971 году Международная федерация академической гребли (ФИСА) приняла решение провести очередной чемпионат Европы в Москве. У столичных архитекторов, строителей и организаторов первенства было достаточно времени, чтобы построить канал в срок. При условии, что будет строиться обычный, вполне добротный канал. Не более.

Но именно в ту пору решался вопрос об олимпийской столице 1980 года. Разумеется, никто не мог гарантировать, что МОК отдаст предпочтение Москве. А все же устроители европейского первенства приняли смелое и дальновидное решение — строить первоклассный канал, с перспективой на Олимпиаду 1980 года.

Это требовало максимального напряжения. После подготовки проектной документации непосредственно на строительные работы оставалось немногим больше года. Даже среди членов ФИСА не было полной уверенности, что чемпионат Европы будет проведен в назначенный срок и на солидном уровне.

Несколько раз в Москву прилетал Томас Келлер. Его настроение менялось по восходящей: поначалу президент ФИСА больше хмурился и высказывал скептические замечания, затем на его лице стала появляться печать уверенности, а 23 августа 1973 года, в день открытия чемпионата, он широко улыбался и сказал, что Олимпийские игры в Москве стоят одного канала в Крылатском.

Спустя два дня Томас Келлер не отказался от возможности самому познакомиться с трассой: был приглашен в восьмерку знаменитых гребцов прошлых лет. В этой гонке Келлер, некогда серебряный призер чемпионата Европы, активно содействовал победе своего экипажа в заезде ветеранов старшего возраста.

Основные данные Московского канала таковы: ширина соревновательного русла — 75 метров, глубина 3,5 метра. Дополнительное русло используется для тренировок и выхода к стартовому плоту. В этой зоне — 9-метровая судейская вышка и неподвижный плот с выдвижными устройствами, позволяющими быстро и четко фиксировать лодки.

Вместимость трибун — 3400 мест. Над ними — огромный козырек, который избавляет зрителей от капризов погоды. Судейская лестница на финише впервые в мировой практике подвешена к козырьку трибун и поднята над местами для зрителей. В дни олимпийской регаты вдоль берега будут установлены легкие переносные трибуны, которые вместят 25 тысяч зрителей.

К основным трибунам примыкает двухэтажный корпус, в первом его этаже расположены служебные помещения и бар, во втором — пресс-центр, телефонный переговорный пункт, телетайпная почта и помещения для арбитров. Широкий балкон опоясывает здание на уровне первого этажа.

Поодаль располагается спортивный комплекс, состоящий из боксов-раздевалок, финской бани с бассейном и массажной. В двух залах этого комплекса можно провести гимнастическую разминку, поиграть в баскетбол. К комплексу будет пристроено здание, в котором разместятся медико-восстановительный центр, гребной бассейн, кафе и кинозал.

Еще одно существенное новшество. Специальный мостик, перекинутый через русло канала, даст возможность участникам регаты перейти на территорию острова — отсюда особенно удобно следить за тренировками и движением лодок. Здесь же будет установлено огромное табло венгерской фирмы «Электроимпекс».

Гребцы-олимпийцы получают возможность провести последние тренировки и вне канала. Представители академической гребли выйдут на воду в районе Серебряного бора, байдарочники и каноисты — в той части Москвы-реки, которая огибает Филевский парк. Специальная гидрометеослужба перед каждым олимпийским заездом будет сообщать участникам сводку погоды.

Свои хлопоты и у судостроителей. Результат на гребных состязаниях в немалой степени зависит от ходовых качеств лодок, их соотношения с физическими данными гребцов. Наши молодые тренеры и поныне убеждены, что впервые советские мастера весла выступали на отечественной лодке все на том же чемпионате Европы 1973 года в Крылатском, когда экипаж с загребным Геннадием Московским выиграл на четверке с рулевым золотые медали. Могут засвидетельствовать, что еще на Олимпиаде в Мельбурне московские студенты Игорь Булдаков и Виктор Иванов шли на двойке, которую сделали столяры-краснодеревщики гребного клуба «Стрелка». Москвичи завоевали серебряные олимпийские медали.

Это была уникальная лодка. Рабочие мастерской тепло относились к двум студентам, вот и решили по своим чертежам сделать им подарок — распашную двойку. Полагались они в

основном на свои практические знания, и создали лодку своеобразной конструкции. По их же расчетам, она могла сохранить свои прекрасные ходовые качества только в двух-трех гонках. Так оно и случилось, и москвичи, если не ошибаюсь, даже не повезли эту лодку домой.

Позднее наши гребцы соревновались на зарубежном инвентаре, и только в 1973 году вновь сели в лодку отечественного производства. Создана она на заводе «Дзинтарс», где директором Валентин Иванович Морковкин, известный в прошлом ленинградский гребец — на Олимпиаде 1960 года в составе четверки без рулевого завоевал бронзовую медаль. После окончания института получил приглашение возглавить рижскую судоверфь, и оно заинтересовало его. К тому времени у инженера Морковкина было немало идей относительно создания первоклассных гоночных лодок.

Если же говорить о расстановке сил в международном гребном спорте, то на состязаниях байдарочников и каноистов по-прежнему большое преимущество имеют представители социалистических стран. Правда, после Игр 1976 года в Монреале советская команда несколько уступила свои позиции в олимпийских номерах программы. В значительной мере это объясняется тем, что в нашей сборной появилось немало молодых гребцов, которые еще не обладают достаточным международным опытом. Специалисты считают, что ближе к олимпийской регате 1980 года советская «флотилия» сумеет набрать высокую скорость.

В академической гребле сборная ГДР остается сильнейшей. Несколько приблизилась к лидерам советская сборная. На чемпионате мира 1978 года в Новой Зеландии наши спортсмены в двух финальных заездах одержали две победы (женская восьмерка и мужская распашная четверка без рулевого). Кроме того, Анна Кондрашина на одиночке и Людмила Парфенова с Леонорой Каминскайте на двойке парной завоевали серебряные медали, а экипаж нашей женской парной четверки — бронзовые.

Главный тренер сборной кандидат педагогических наук Игорь Емчук считает, что эти результаты еще не свидетельствуют о том, что советские гребцы на академических судах добились решительных сдвигов, которые позволили бы настичь первоклассную сборную ГДР. Достигнуто одно — у нас есть гребцы, которые составляют основу сборной команды. Немалую надежду вселяет и то обстоятельство, что на чемпионате мира 1978 года среди юниоров наши молодые гребцы впервые одержали общекомандную победу. Ближе к олимпийским стартам в Москве юниоры сумеют укрепить главную сборную страны.

В нашей академической гребле сейчас выделяется женская восьмерка киевского «Локомотива». Тренирует команду молодой специалист Виктор Потабенко. В свое время он работал вместе с известным киевским тренером Германом Ушаковым, обеспечивал подготовку новичков и запасных. На олимпийской регате в Монреале их ученицы на восьмерке завоевали серебряные медали.

После этого молодой специалист решил работать самостоятельно, и настал день, когда недавние партнеры по тренерской работе стали соперниками. На первых же соревнованиях восьмерка, подготовленная Потабенко, оказалась сильнейшей. Вскоре спортсменки киевского «Локомотива» выиграли чемпионат страны, а в 1978 году чемпионат мира.

Киевлянки, вероятно, будут одними из главных претенденток на медали олимпийской регаты в Москве. Они уже не раз демонстрировали преимущество над олимпийскими чемпионками из ГДР, которые ранее считались непобедимыми в этом классе судов. В финальном заезде мирового первенства в Новой Зеландии наши спортсменки добились преимущества в 6 секунд!

В работе тренера Потабенко есть любопытные моменты. Скажем, комплектуя команду, он не столько обращает внимание на физические данные спортсменок, как поступают некоторые тренеры, сколько на их способность быстро повышать свою специальную и общефизическую подготовку. Сложилось даже мнение, что именно тренировками на берегу обязаны своими победами в гребле спортсменки «Локомотива». В свое время эту команду попытались усилить двумя спортсменками киевского «Динамо». Это были лидеры в восьмерке «Динамо», прошли испытание на Олимпиаде в Монреале. Но в лодке чемпионок

мира девушки чувствовали себя неуверенно, они явно уступали им в физической подготовке и силе гребка.

Многообещающие результаты показывает на одиночке Анна Кондрашина. Когда-то она тренировалась у меня, и я помню ее серьезное отношение к гребле, желание самой разобраться во всех тонкостях этого вида спорта. Мне, правда, нередко говорили, что уж очень хрупкого сложения моя ученица, не станет она сильной спортсменкой. Но я помнил советы своих тренеров Михаила и Веры Савримович, которые были убеждены, что в гребле не всегда торжествуют внушительный рост и физическая сила. Вот и Анна Кондрашина больше полагается на технику движений, тонкие мышечные ощущения.

Она не сразу завоевала признание в сборной команде страны. Первый крупный успех пришел к ней в 1976 году, когда в составе четверки парной она завоевала в Монреале серебряную олимпийскую медаль. Любопытно, что загребной этого экипажа была Галина Ермолаева, с которой в двойке парной выступала раньше сестра Анны Елизавета Кондрашина. В этой лодке Галина и Елизавета не раз побеждали на чемпионатах Европы. С гордостью могу сообщить, что тогда и эти девушки были моими ученицами.

После Олимпиады в Монреале в результатах Анны Кондрашиной наступил спад. Она пошла наиболее трудным путем — пересела в одиночку, которая считается самой сложной лодкой. Стала сильнейшей одиночницей страны. Однако тренеры сборной не связывали с ней больших надежд перед чемпионатом мира в Новой Зеландии, полагая, что успех младшей Кондрашиной на всесоюзных регатах был облегчен уходом из спорта наших замечательных одиночниц Геновайте Рамошкене и Елены Антоновой.

Долго колебались, брать ли Анну на чемпионат мира. Взяли: девушка серьезная, тренируется много, быть может, сумеет проявить себя. Правда, в сборную команду ее включили как запасную, но уже в Новой Зеландии решили — что же ей оставаться без дела, пусть выступит на одиночке, наберется опыта. Анна выступила и, к удивлению и радости тренеров, завоевала серебряную медаль. Причем проиграла Анна Кондрашина олимпийской чемпионке из ГДР Кристине Шайблих в равной борьбе, тогда как обычно немецкая спортсменка выигрывала с подавляющим преимуществом.

В нашей мужской сборной команде выделяется экипаж распашной четверки с рулевым, который возглавляет загребной Анатолий Немтырев. Эту команду составляют опытейшие спортсмены. Скажем, Немтырев считается в нашей гребле «долгожителем № 1». Он еще на Олимпиаде 1968 года выступал, был финалистом заезда на четверках распашных с рулевым. В этой же лодке он выиграл в 1973 году чемпионат Европы в Москве, а затем вошел в состав олимпийской восьмерки.

Когда после Монреаля команда распалась, Немтырев был приглашен в нынешнюю распашную четверку без рулевого. Он вовсе не Геркулес: самое обычное для гребли физическое развитие. Главное достоинство этого спортсмена в другом. Редкое умение быстро освоиться в любом экипаже, схватить его ритм и принцип гребка создали ему славу универсала.

Старожил сборной, разумеется, имеет солидный авторитет, свои взгляды на систему подготовки. Не новички и его партнеры. И все же тренер олимпийский чемпион Олег Голованов сумел поладить с этой непростой командой: он строит свою работу на взаимном доверии, вместе решают узловые проблемы.

Быть может, Голованов вспомнил время, когда именно в таком ключе тренировал его и партнера Владимир Кирсанов? У них тоже все держалось на паритетных началах. Должен был вспомнить Олег и другое — последние горячие дни на Олимпиаде в Риме, когда только за день до стартов полетела у него с Валентином Борейко лодка. Совпадение, конечно, но именно таким путем пришли к победе его ученики на чемпионате мира в Новой Зеландии.

Долго везли ящики с инвентарем до озера Карапиро, не все оказалось целым, погнулись уключины, испорчено весло. Заметили это не сразу, а ход лодка с таким инвентарем потеряла быстро. Уключины выпрямили, весло заменили, но привычная слаженность не

возвращалась. После запланированной тренировки ввели еще одну, так и эдак пробовали — словно по песку тащит лодку, не идет она.

Пришло время отборочных гонок. Начисто проиграли свой заезд. Попали в утешительный, кое-как пробившись в финал. И только в последний вечер сумели поймать свой ход, и в решающем заезде какие-то сотые доли секунды сумели вырвать у первоклассной четверки ГДР.

Эта команда тоже нацеливается на олимпийские соревнования в Крылатском. Немтырев, правда, поговаривал было раньше об отставке, но после победы в Новой Зеландии и думать об этом забыл — на взлете экипаж, прекрасная перед ним открывается перспектива, и, быть может, на регате 1980 года завоюет ветеран нашей сборной олимпийскую медаль.

Но все это лишь предположения. Реальная расстановка сил определится в дни финальных заездов на канале в Крылатском. Одно можно сказать определенно — это будет великолепная и захватывающая регата. Иначе и быть не может. Ведь она олимпийская!

Тюкалов Ю. С.

Т98 От одного до восьми: Гребля на Олимпиадах.— М.: Сов. Россия, 1979.—128 с, 8 ил.

Люди освоили искусство гребли несколько тысяч лет назад, и, естественно, что гребной спорт был включен в программы современных Олимпийских игр уже с 1900 года, откуда и начинается свое повествование автор книги, доводя его до Олимпиады 1976 года в Монреале. Наши гребцы, выступая на Олимпийских играх, одержали немало трудных и почетных побед, особенно больших успехов они добились на самой престижной лодке — одиночке, где трехкратными олимпийскими чемпионами стали В. Иванов, Л. **Пинаева**, В. Морозов. Автор расскажет не только об этих замечательных спортсменах, но и победителях в командных дисциплинах, об их мужестве, взаимовыручке, высоком чувстве коллективизма.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
и пожелания присылать по адресу: Москва,
проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия»

Издание получило диплом Оргкомитета «Олимпиада-80»

Юрий Сергеевич Тюкалов

ОТ ОДНОГО ДО ВОСЬМИ

Гребля на Олимпиадах

Гребля на Олимпиадах

Москва «Советская Россия»

Литературная запись И. Масленникова

М-105(03)79

©Издательство «Советская Россия», 1979.г

Художник И. И. Шевцов

Редактор Л. П. Орлова

Художественный редактор Е. Ф. Николаева

Технические редакторы Л. Б. Чуева и Т. С. Маринина

Корректор **М. Е. Барабаиова**

ИБ № 1681

Сдано в наб. 14.05.79. Подп. в печать 28.09.79. А10071. Формат 84x 108¹/₃₂- Бумага типогр.
№ 1. Гарнитура Тайме. Печать высокая. Вклейки —глубокая. Усл. п. л. 7,56 (в том числе

вкл.—0,84). Уч.-изд. л. 8,40 (в том числе вкл.— 13). Тираж 30 000 экз. Заказ № 4937. Цена 85 к. Изд. инд. ОИ-37.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Отпечатано с текстовых диапозитивов ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова па ордена Трудового Красного Знамени фабрике «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.